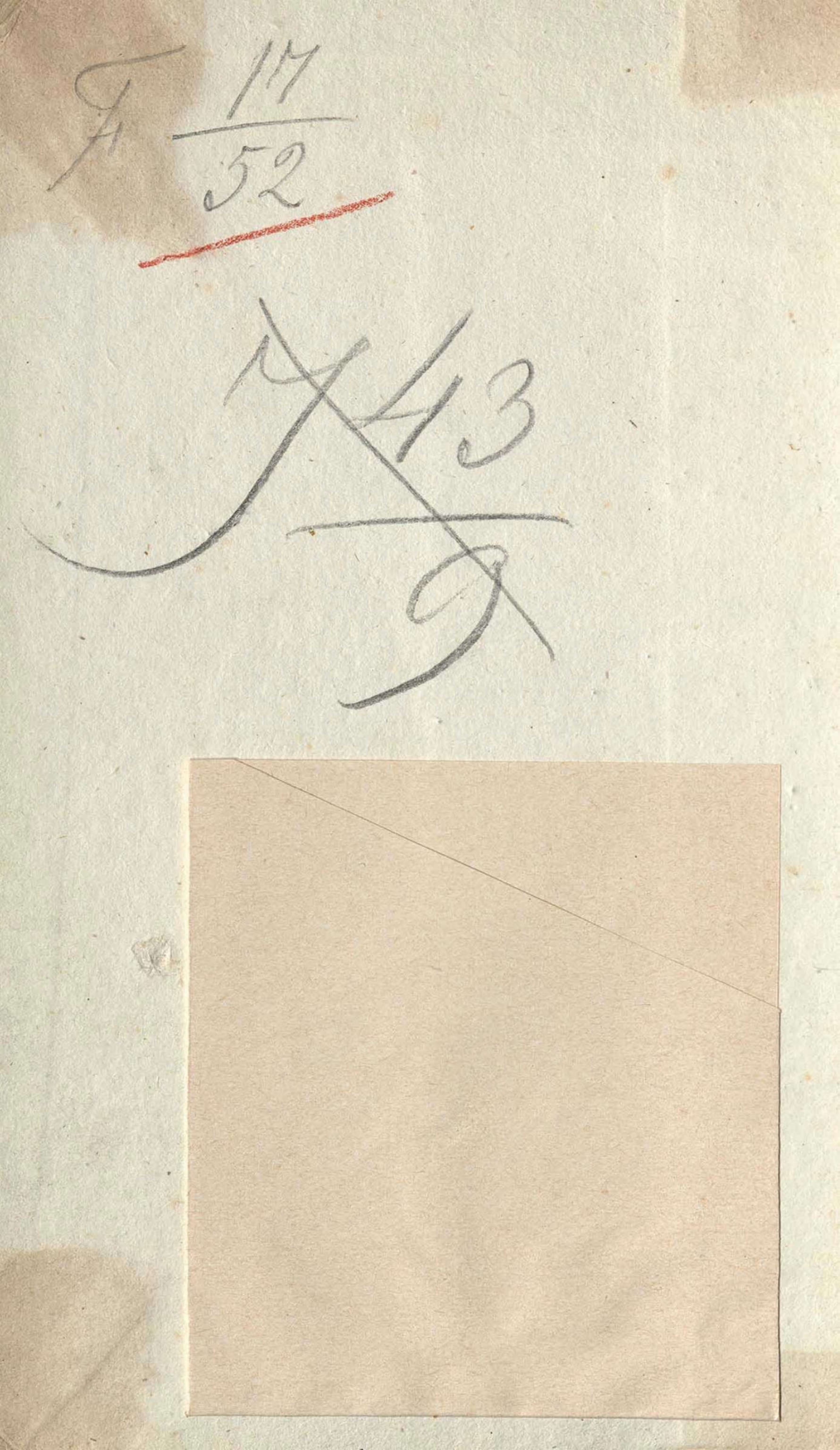

F 17/52
m. 6

F 17/52
13
9

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ.

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АЗІИ,

составленное на Французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Эйріе (Eyriès), и украшенное гравюрами.

Переводъ Е. Корша.

Изданіе А. С. Ширяева.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1840.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Маія 15 дня 1840 года.

Ценсоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

ЖИВОПИСНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО АЗІИ.

ГЛАВА LXIII.

Россійскія владѣнія: Арменія.

Невдалекѣ за Араксомъ, котораго теченіе весьма сильно, а ширина простирается здѣсь до трехсотъ футовъ, стоитъ Нахичевань, быть-можетъ Naxuana Птоломеева. Этотъ Армянскій городъ построенъ отчасти на вершинѣ, отчасти на скатѣ пригорка. Теперь, когда онъ принадлежитъ Россіи, развалины, давно покрывавшія его, безъ сомнѣнія, исчезнутъ. Сады въ промежуткахъ домовъ придаютъ улыбающійся видъ этому маленькому городу, который очень древенъ и былъ нѣкогда весьма цвѣтущъ, по положенію своему на пути изъ Грузіи въ Персію. Теперь это главный городъ Нахичеванскаго округа, составляющаго, вмѣстѣ съ Эриванскимъ, Армянскую область. Число жителей простирается до пяти тысячь душъ. На противоположномъ берегу Аракса стоитъ крѣпость

Аббасъ-Абадъ, сооруженная Французскими инженерами, но, по зловредности климата, оставленная теперь совершенно.

Страна гориста. Подаваясь къ сѣверу, вы переѣзжаете Арпа-чай и другія рѣчки, впадающія въ Араксъ слѣва; въ виду у васъ Араратъ и его снѣжныя вершины. Край хорошо населенъ. Близъ деревни Давалу, на милю отъ Аракса, путешественникъ замѣтитъ курганъ, въ которомъ правильность формы и вершина обличаютъ искусственное произведеніе, и который долженствовалъ стоить чрезвычайныхъ трудовъ. Полагаютъ, что у древнихъ царей Армянскихъ былъ загородный дворецъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ существуетъ еще нѣсколько развалинъ. Далѣе къ сѣверу, при сліяніи Медзамара съ Араксомъ, возвышался великолѣпный городъ Артаксата, долго бывшій столицею Арменіи; онъ разрушенъ въ половинѣ четвертаго столѣтія нашей эры. Неподалеку лежитъ нынѣ селеніе Ардашаръ.

Еще сѣвернѣе, слѣдуя долиной рѣки Занги, путешественникъ достигаетъ Эривани. «Городъ, говоритъ Г. Нефедьевъ, начинается слѣва, вверхъ по теченію Занги, на высокомъ холмѣ, и, спускаясь амфитеатромъ все ниже и ниже, оканчивается крѣпостью. Домы жителей, построенные одинъ надъ другихъ изъ глины и дикаго камня, съ плоскими кровлями, минареты, угрюмая природа, не хотѣвшая, кажется, здѣсь ничего производить кромѣ камней, и, между тѣмъ, какъ будто на перекоръ ей, зеленѣющіе по углубленіямъ роскошные сады, пріятно изумляютъ зрѣніе. Къ этой же картинѣ принадлежатъ

отдаленные виды: съ одной стороны Алагёза, а съ другой—Арарата.

«На правомъ берегу Занги, предмѣстіемъ Эриванской крѣпости служатъ множество садовъ, изъ которыхъ каждый, съ своими каменными стѣнами, можетъ выдержать порядочную осаду. Версты двѣ ѣхалъ я между этихъ стѣнъ, любуясь однѣми верхушками деревьевъ, обремененныхъ плодами. Наконецъ длинныя аллеи высокихъ стройныхъ тополей, и обширная прекрасная бесѣдка, показывая нѣкоторое изящество среди совершеннаго безвкусія, пробудили мое любопытство: это былъ садъ, принадлежавшій сардарю, прежнему правителю Эривани. Слѣдуя мимо его я очутился на обрывистомъ берегу Занги. На другой сторонѣ, на скалѣ, какъ надъ пропастью, виситъ западная часть крѣпости, съ бывшимъ дворцемъ сардаря, гаремомъ и другими зданіями. Отсюда Эривань рѣшительно недоступна; развѣ съ одного высокаго кургана (Ираклієвой горы) можно заглянуть въ нее. Въ 1827 году Русскія войска перешли на лѣвый берегъ Занги, и расположились на отлогихъ покатостяхъ съ юговостока. Я видѣлъ мѣсто лагеря и пунктъ главной баттареи, громившей южный фасъ Эриванскихъ укрѣпленій. Укрѣпленія эти состоятъ изъ тройнаго ряда стѣнъ, примыкающихъ концами къ высокому берегу Занги, и окруженныхъ со стороны поля глубокимъ рвомъ. Многія руины, внутри крѣпости, показываютъ доселѣ слѣды покоренія Эривани побѣдоносным Россійскимъ воинствомъ. Среди ихъ, и вообще между незавидными постройками Азіатской архитектуры, величественно подъемлетъ главу храмъ

Покрова Богородицы, устроенный въ 1827 году изъ мечети.»

Кромѣ дворца, сооруженнаго на скалистомъ берегу Занги и украшеннаго Персидской живописью и фонтанами, должно упомянуть объ огромномъ зданіи бывшаго гарема, обращенномъ нынѣ въ госпиталь. «Далѣе, продолжаетъ тотъ же путешественникъ, въ Эривани примѣчательны водопроводы, которые оживотворяютъ природу, и караванъ-сераи, гдѣ съ утра до вечера кипятъ пестрыя толпы разноплеменнаго народа. Караванъ-сераи на Востокѣ предметъ очень любопытный. Тамъ производится торговля и всякаго рода ремесла, раскзываются новости и анекдоты, готовится кушанье, брѣются головы, дѣлаются, для препровожденія времени, поиски надъ безпокойными насѣкомыми, и все это открыто, безъ церемоній. На улицахъ встрѣчаются иногда и другія сцены изъ туземныхъ обычаевъ. Нерѣдко, напримѣръ, вы увидите всадника, преслѣдуемаго однимъ или нѣсколькими пѣшеходцами: кажется, будто кого-то ловятъ; но это господинъ (ага, бекъ и т. п.), съ своими служителями, которые обыкновенно бѣгаютъ за нимъ при всякомъ выѣздѣ его изъ дому, для того, чтобы въ случаѣ надобности взять и держать лошадь его, подать ему кальянъ или трубку.

«Однажды вечеромъ встревожилъ меня странный крикъ и шумъ противъ моей квартиры: я выхожу, и вижу толпу людей, изъ которыхъ одни, съ криками неистовой радости, бросаютъ въ воздухъ шапки, другіе стрѣляютъ изъ ружей, иные пляшутъ подъ звуки какихъ-то терзающихъ слухъ музыкальныхъ инстру-

ментовъ. За ними проводникъ велъ въ поводу лошадь, на которой, одна за другою, сидѣли верхомъ двѣ человѣческія фигуры, покрытыя съ головы до ногъ непроницаемыми чадрами. Это была процессія Татарской свадьбы, церемоніяльные проводы невѣсты въ домъ жениха.»

«До покоренія Русскими Эривани, говоритъ издатель Обозрѣнія Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, въ крѣпости находилось до осмисотъ домовъ, но во время покоренія они, большею частію, разрушены.»

Въ предмѣстіи около тысячи осмисотъ домовъ, почти все глиняныхъ и безобразныхъ, 1670 лавокъ, 1470 виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ; улицы тѣсны и обставлены высокими оградами. Жителей болѣе шести тысячъ душъ мужескаго пола. Промышленность ихъ ограничивается выдѣлкою бязи, разными ремеслами и торговлею. Городъ подверженъ землетрясеніямъ.

Верстахъ въ семнадцати къ сѣверозападу отъ Эривани лежитъ обширный монастырь Эчміадзинъ, главная обитель Армяно-Григоріанской Церкви и мѣсто пребыванія Патріарха ея.

«Видъ Эчміадзинскаго монастыря, говоритъ Г. Нефедьевъ, не великолѣпенъ, но древность его оставляетъ въ душѣ сильное впечатлѣніе. Въ пространствѣ своемъ онъ раздѣляется на четыре части: въ первой, начиная отъ главныхъ воротъ, находится караванъ-серай; во второй—самый храмъ Эчміадзинскій и кельи; въ третьей огромное двухъ-этажное зданіе, съ квартирами для богомольцевъ, и въ четвертой—зданіе, гдѣ помѣщается вновь учрежденный Армяно-Григоріан-

скій Сѵнодъ. Всего интереснѣе второе отдѣленіе; оно образовано изъ правильной четыреугольной площади, на которую обращены окна жилища патріарха и прочихъ зданій. Въ самой срединѣ этой площади возвышается храмъ, поражающій простотою наружности и чрезвычайною древностью. Онъ сооруженъ изъ большихъ тесаныхъ дикихъ камней, и покрытъ каменными же плитами. Начало храма относится къ 303 году по Р. Христовѣ, къ временамъ Армянскаго царя Тиридата Великаго и просвѣтителя Арменіи, св. Григорія. Мимо его протекло пятнадцать столѣтій, и время это ознаменовало могущество свое различными признаками. Многіе камни отъ вліянія воздуха сдѣлались снаружи ноздреватыми, какъ губка, другіе измѣнили свой цвѣтъ, нѣкоторые замѣщены новыми. Изъ всего этого составился нѣкоторый видъ мозаическаго произведенія. Колокольня отличается изяществомъ архитектуры, и отдѣлана въ Индѣйскомъ вкусѣ.

«Съ чувствомъ неизъяснимаго благоговѣнія вступилъ я въ этотъ храмъ. Внутренность его довольно обширна и имѣетъ прекрасный куполъ. (Длина храма 16 саженъ, 2 аршина, ширина — 16 саженъ, вышина 11 саженъ, 2 аршина). На восточной, южной и сѣверной сторонахъ устроены алтари (числомъ пять), а сверхъ-того, одинъ алтарь среди церкви, на томъ самомъ мѣстѣ, которое называется Эчміадзинъ, то есть, Сошествіе Единороднаго Сына. Слабый свѣтъ, проникая въ узкія окна купола, сквозь разноцвѣтныя стекла, сообщаетъ всѣмъ предметамъ священную таинственность. Серебряныя лампады, повсюду развѣшенныя фестонами, какъ свѣтлыя звѣзды на темномъ

горизонтѣ небесъ, сіяютъ въ полумракѣ подъ сводами храма. Живопись по стѣнамъ, рѣзьба, перламутръ, и черепаховая кость составляютъ дальнѣйшее, скромное, но приличное украшеніе.

«Исторія Григоріанской церкви повѣствуетъ, что на мѣстѣ сооруженія храма, св. Григорій видѣлъ нисходящее съ небесъ сіяніе, почему и самый храмъ называется *Шогакатъ*, то есть, изліяніе лучей. Сверхъ того есть преданіе, что Ной приносилъ здѣсь первую жертву Богу по сошествіи съ Арарата. Глубокая древность и многія воспоминанія придаютъ Эчміадзинскому монастырю величайшую знаменитость; владычество патріаршаго престола простирается почти на сорокъ эпархій, которыя находятся въ Турціи, Персіи, Индіи и Россіи *. Особенная святыня заключается здѣсь въ частяхъ мощей св. Григорія, Аѳанагинія, Рипсимы и многихъ другихъ угодниковъ. Въ ризницѣ съ прочими сокровищами хранятся также: копье, которымъ прободенъ былъ Спаситель, и часть древа ковчега; въ извѣстное время они выносятся съ торжественными обрядами. Армяне, разсѣянные во многихъ странахъ міра, и приходящіе сюда въ разныхъ костюмахъ, смотря по мѣсту обитанія, съ но одною общею всѣмъ имъ вѣрой, представляютъ зрѣлище умилительное.»

При монастырѣ есть библіотека, типографія и вновь заведенное духовное училище.

Патріарха можно, во многихъ отношеніяхъ, почитать главою Армянскаго народа съ тѣхъ поръ, какъ

* Большая часть въ Персидскихъ и Турецкихъ владѣніяхъ, одна въ Индіи и шесть въ предѣлахъ Россіи, а именно: Нахичеванская, Астраханская, Эриванская, Грузинская, Карабахская и Ширванская.

послѣдній утратилъ свою независимость. Сами себя Армяне называютъ Гайканами, а страну свою Гаасиданомъ и иногда Гаикомъ. Языкъ ихъ терпокъ, принадлежитъ къ Индо-Германской отрасли и пишется особыми буквами. Изъ всѣхъ христіанскихъ народовъ Востока, Армяне наиболѣе занимались литературой. Вскорѣ по изобрѣтеніи книгопечатанія, они начали употреблять его. Они перевели много книгъ Греческихъ, Халдейскихъ и Персидскихъ, и сохранили такимъ образомъ значительную часть древней исторіи западной Азіи. Они высоки, стройны, съ прекрасными, весьма рѣзкими чертами; у нихъ большіе глаза, черные волосы и смуглая кожа. Женщины замѣчательны внѣшними прелестями, и мусульмане всегда стараются имѣть ихъ въ своихъ гаремахъ.

Армянинъ смышленъ, основателенъ, крайне расчетливъ и дѣятеленъ: онъ не щадитъ ни труда, ни заботъ, ни силъ своихъ для пріобрѣтенія достатка, и умѣетъ сберечь его подъ замкомъ. Утративъ свою народную самостоятельность, онъ особенно предался торговлѣ, которую знаетъ вдоль и поперекъ. Вы найдете Армянъ во всѣхъ краяхъ Востока, вплоть до предѣловъ Китайскихъ. Ихъ много въ Россіи, но встрѣтите ихъ и въ Амстердамѣ, и въ Лондонѣ. Въ Венеціи у нихъ высшее училище и типографія. Они носятъ одежду, близкую къ прежней Оттоманской, но верхнее платье у нихъ короче; Эриванскіе Армяне одѣваются совсѣмъ по-Персидски; въ христіанской Европѣ они допускаютъ разныя измѣненія (Л. XLII—4).

Арменія рѣдко наслаждалась спокойствіемъ. «Находясь попеременно подъ властію Ассиріянъ, Мидянъ,

Персовъ и Македонянъ, Арменія, по смерти Александра Македонскаго, составляла часть царства Сирійскаго, и послѣ разбитія Антіоха Великаго (за 190 лѣтъ до Р. Х.), раздѣлилась на Великую и Малую, изъ коихъ послѣдняя занимала западную сторону Евфрата.

«Послѣ того Арменія была предметомъ безпрестанныхъ споровъ между Римлянами и Парѳами, продолжавшихся до царствованія императора Траяна, который превратилъ ее въ провинцію Римскую. Съ 428 по 632 годъ ее опустошали Персіяне, потомъ до конца IX вѣка она служила предметомъ раздора между халифами, императорами Византійскими и султанами Сельджукскими, а въ 950 году была завоевана Аравитянами. Въ концѣ XI столѣтія, восточная часть Арменіи подпала подъ зависимость Грековъ, сѣверныя области заняты были Турками, южныя — Курдами. Наконецъ въ XIII вѣкѣ овладѣли ею Монголы, потомъ Персіяне, а въ 1552 году Турки.

«Такимъ образомъ, съ утратою царствомъ Армянскимъ самостоятельности, народъ, чтобы избѣгнуть притѣсненій въ землѣ отцовъ своихъ, разсѣялся по разнымъ странамъ Азіи и Европы. Монголы переселили большое число Армянъ въ нынѣшнія Астраханскую и Казанскую губерніи, а въ Анатоліи и Египтѣ находилось ихъ множество съ давняго времени. (Въ Киликіи существовало Армянское царство до исхода четырнадцатаго вѣка). Въ XII и XIII вѣкахъ Армяне поселились въ разныхъ городахъ Галиціи и Волыни, куда, какъ равно въ Крымъ и Астрахань, перешло ихъ много изъ Ани въ XIV вѣкѣ; другіе

удалились въ Константинополь и Индію, а иные уведены завоевателями въ Персію.

«Въ настоящее время Арменія раздѣлена между Турціею, Персіею, и Россіею. Черта, разграничивающая Персидскія владѣнія отъ Турецкой Арменіи, начинаясь у горы Арарата, идетъ по южному направленію горъ, отдѣляющихъ рѣки, текущія въ Тигръ и въ озеро Ванъ, отъ тѣхъ, которыя впадаютъ въ Араксъ и въ озеро Урмію.

«Армянскую область, присоединенную въ 1828 году къ Россійской державѣ послѣ войны съ Персіею, по Туркменчайскому трактату, составляютъ Эриванская и Нахичеванская провинціи. Она сопредѣльна къ западу съ Турецкими владѣніями, къ сѣверу съ Татарскими дистанціями Грузіи, къ востоку съ округомъ Елисаветопольскимъ и Карабахомъ, къ югу съ рѣкою Араксомъ и Араратскими горами, которыя отдѣляютъ ее отъ Персидской провинціи — Адербайджана.

«По Высочайше утвержденному 23 Іюня 1833 года положенію, Армянская область управляется областнымъ начальникомъ, который, предсѣдательствуя въ областномъ правленіи, командуетъ всѣми расположенными въ ней войсками. Правленіе заключаетъ въ себѣ части исполнительную и судебную, а хозяйственная поручена особому управленію по сборамъ податей и повинностей.

«Главное духовное управленіе, по Высочайше утвержденному 11 марта 1836 года положенію, сосредоточивается въ лицѣ Патріарха и Католикоса. Онъ избирается по особо установленнымъ правиламъ и

утверждается Россійскимъ Императоромъ. Ему одному предоставлено вареніе, освященіе и раздача св. мура всѣмъ вообще Армяно-Григоріанскимъ церквамъ, посвященіе епископовъ и архіепоскоповъ. На основаніи того же положенія, учрежденъ Эчміадзинскій Армяно-Григоріанскій Сунодъ въ видѣ совѣта Патріарха, безъ рѣшительнаго голоса въ дѣлахъ духовныхъ.» *

Весь здѣшній край образуетъ плоскость, съ высокими цѣпями горъ, между коихъ простираются длинные продолы, примыкающіе къ прекраснымъ равнинамъ. Самая высокая гора Арменіи Араратъ замѣтна изъ-дали по двумъ вершинамъ своимъ, одѣтымъ вѣчными снѣгами: главная изъ нихъ имѣетъ до 2,400 тоазовъ высоты, другая, или Малый Араратъ, — 1,840 тоазовъ. Сѣверная отрасль, Алавердъ, подымается на 910 тоазовъ, Бамбаки, болѣе къ западу, — на 1,058 тоазовъ. Другія вѣтви, какъ напримѣръ Дуджикдагъ, идущій къ западу, имѣютъ также высокія вершины. Челдырскій хребетъ ограничиваетъ Арменію съ западной стороны.

Куръ и Араксъ, которые, слившись вмѣстѣ, несутся однимъ русломъ въ Каспійское море; Евфратъ и Тигръ, которые, по соединеніи своемъ, впадаютъ въ вершину Персидскаго залива, суть главныя рѣки, вытекающія изъ Арменіи. Замѣчательна еще рѣка Чорохъ, текущая параллельно съ Челдырскими горами и впадающая въ Черное Море. Температура представляетъ сильныя противоположности: высокія долины и горы покрыты снѣгомъ въ теченіи большей части

* Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ.

года, тогда какъ въ низменностяхъ и равнинахъ жары сильны и продолжительны.

Шарденъ и Турнефоръ, а въ новѣйшее время Господа Парротъ, Эйхвальдъ и Дюбуа - де - Монперё (Dubois de Montpereux) обозрѣвали Арменію, не говоря объ описаніи, изданномъ въ 1836 году по распоряженію Русскаго Правительства. Всѣ замѣчаютъ, что здѣшній край покрытъ волканическими остатками. Въ десяти миляхъ къ сѣверо-западу отъ Эривани лежитъ озеро Севанъ (Севанга), имѣющее миль пятнадцать отъ сѣвера къ югу и болѣе шести миль въ ширину. Оно пріемлетъ нѣсколько рѣчекъ и течетъ въ Араксъ Зангою, которая выходитъ изъ юговосточнаго его края. Озеро это прозвано Гохча (или Гохчай, голубая вода), по цвѣту его поверхности. Г. Эйхвальдъ посѣщалъ его. Въ сѣверной части своей заключаетъ оно островъ, на которомъ есть нѣсколько монастырей, искони знаменитыхъ святостью. Оно вездѣ окружено высокими горами, понижающимися къ югу. Вода очень глубока и хороша; берега усѣяны волканическими произведеніями. Горы къ сѣверозападу отъ озера богаты ископаемыми; тамъ добываютъ мѣдь и квасцы; во многихъ рѣкахъ попадается золото.

Въ Бамбакскихъ горахъ, древніе цари Арменіи основали, при слитіи Тебеды съ Архъ-Шехаромъ, городъ Лори, тамъ, гдѣ прежде было село. Онъ вскорѣ сдѣлался великолѣпнымъ и цвѣтущимъ, но блескъ его былъ мимолетнымъ явленіемъ: Монголы взяли и разорили его въ 1238 году. По мнѣнію Г-на Эйхвальда, видѣвшаго развалины, тщательные поиски должны вести къ открытію древнихъ монетъ. Базальтовая

стѣна донынѣ защищаетъ жалкую деревушку, обитаемую тридцатью семьями Армянскими. Въ Бамбакскихъ горахъ много минеральныхъ ключей.

Г. Дюбуа не могъ видѣть безъ удивленія Шакурскую равнину, простирающуюся влѣво отъ Аракса на нѣкоторомъ розстояніи между Эриванью и Нахичеваномъ. Рисъ, хлопчатая бумага, сарацынское пшено, все родится здѣсь въ изобиліи. Къ сожалѣнію, въ послѣднюю войну надобно было вырубать въ садахъ плодовыя деревья для стройки мостовъ чрезъ многочисленныя канавы, которыми увлажается здѣшній край. Для страны, почти вовсе безлѣсной, это великая потеря.

Подобную равнину видѣлъ другой путешественникъ, Г. Нефедьевъ, на пути изъ Сардарь-Абада въ Эчміадзинъ. «Перемѣнивъ въ Сардарь-Абадѣ лошадей и проводниковъ, говоритъ онъ, послѣ полудня выѣхалъ я изъ крѣпости въ тѣ самыя ворота, чрезъ которыя Персіяне, въ 1827 году, искали спасенія. Эти ворота болѣе не затворяются; они ведутъ къ засѣяннымъ хлопчатою бумагою полямъ, которыя, начинаясь у самыхъ стѣнъ, представили мнѣ весьма любопытную картину растенія, въ зрѣлости своей разстилавшагося на обширномъ пространствѣ снѣжною бѣлизною. Недалеко отъ дороги нѣсколько женщинъ (Армянокъ) собирали коконы бумаги. Я обратился къ нимъ, чтобы узнать, какъ этотъ сборъ дѣлается, но приближеніемъ моимъ произвелъ большую тревогу. Всѣ онѣ, бросивъ корзины и мѣшки съ бумагою, пустились бѣжать, и не такъ скоро были успокоены присутствіемъ и убѣжденіемъ моихъ проводниковъ. Извѣстно,

что хлопчатая бумага и сарацынское пшено ростутъ на нивахъ, до жатвы нѣсколько разъ покрываемыхъ водою. По этому вода, отъ избытка которой зависитъ благосостоянiе земледѣльца, составляетъ здѣсь величайшую драгоцѣнность. Араксъ, протекая по всему протяженiю Армянскую область, тысячью проведенныхъ изъ него каналовъ, какъ благодѣтельный Нилъ, орошаетъ и оплодотворяетъ прибрежныя поля. Въ другихъ мѣстахъ такую же пользу приносятъ впадающiя въ него горныя рѣчки и источники. За правильнымъ раздѣломъ воды между жителями каждаго *магала* (волости) наблюдаютъ особые смотрители, называемые *мирабами.*»

Верстахъ въ тридцати отъ Сардарь-Абада лежитъ селенiе Кульпъ, при которомъ есть значительныя соляныя копи, состоящiя въ казенномъ управленiи. Но возвратимся къ окрестностямъ Нахичевана.

Въ трехъ миляхъ къ сѣверозападу отъ этого города, за цѣпью тѣсныхъ продоловъ, раздѣляющихъ купу известковыхъ холмовъ, находится другая копь камменной соли, которую ломаютъ глыбами какъ ледъ. Она отдается на откупъ и приноситъ хорошiй доходъ по причинѣ удобнаго сбыта въ Персiю.

Къ югу отъ Нахачевана, переѣхавъ Алинджа-чай повыше слитiя его съ Араксомъ, вы достигаете Джульфы, построенной между скалъ, на берегахъ этой рѣки. Джульфа была нѣкогда многолюдна, и цвѣла промышленостiю и торговлею до 1605 года. Тогда Шахъ-Аббасъ вывелъ изъ нея двѣнадцать тысячъ семействъ въ Персiю и поселилъ ихъ въ одномъ изъ предмѣстiй Испагани, которое донынѣ носитъ имя

Армянскаго города. Еще цѣлы здѣсь разные памятники, но ни одно изъ этихъ зданій не замѣчательно ни богатствомъ, ни красотою архитектуры.

На милю отсюда устроена переправа черезъ Араксъ, извѣстная подъ именемъ Джульфинской и лежащая на большой сухопутной дорогѣ изъ Персіи въ Армянскую область. Здѣсь же и пограничный карантинъ, который донынѣ помѣщается въ землянкахъ.

Араксъ продолжаетъ течь межъ крутыхъ скалъ и за деревнею, которая замѣнила прежнюю Джульфу; долина его такъ узка къ Ордубаду, что походитъ на водоемъ, со всѣхъ сторонъ замкнутый.

«Ордубадъ, говоритъ Г. Нефедьевъ, расположенъ на отлогости, идущей отъ сѣверозападныхъ скалъ къ Араксу, и окруженной со всѣхъ сторонъ высокими горами. Тѣснота улицъ, незнакомыхъ съ экипажами, заставила меня бросить коляску мою за-городомъ, и пуститься верхомъ въ лабиринтъ переулковъ. Обитателямъ Востока принадлежитъ неподражаемое искусство дѣлать улицы до того запутанныя, что въ нихъ безъ путеводителя не найдешь ни начала, ни конца, и столь узкія, что развѣ одинъ правовѣрный мусульманинъ на смиренномъ ослѣ можетъ благополучно проѣхать, куда надобно, и то если по счастію не встрѣтится ему другой. Между тѣмъ, цѣлыя стаи собакъ, которыя, за недостаткомъ другаго мѣста, имѣютъ жительство на плоскихъ кровляхъ, на каждомъ шагу готовы ухватить васъ, не за ноги, какъ это водится въ городахъ благоустроенныхъ, а прямо за голову, особенно если эта голова покрыта не чалмою или бараньею шапкою, а башлыкомъ гяура,

то есть фуражкою. Домы здѣсь, по общему правилу мусульманской скромности, ограждены глиняными заборами, изъ-за которыхъ любопытство въ чадрѣ, выглядываетъ иногда украдкою на глухія улицы, только въ маленькую калитку. Небольшія площадки предъ мечетями и караванъ-сераи, суть неизбѣжная принадлежность каждаго Азіатскаго города. Въ Ордубадѣ, такъ же какъ въ Эривани и Нахичевани, — это пункты общественныхъ собраній, гдѣ мусульманская лѣнь и Армянская дѣятельность ищутъ своихъ обычныхъ наслажденій. Женщины рѣдко оставляютъ домы, и когда встрѣчаются съ мужчинами, то каждая, оправляя чару, на основаніи восточнаго этикета, становится лицемъ въ противную сторону. Вообще примѣтно, что, по отдаленности Ордубада, который находится, такъ сказать, въ захолустьи, жители здѣшніе, въ сравненіи съ другими, болѣе дики и суровы.

«Но гдѣ взять словъ, чтобы описать прелесть здѣшней природы? Въ этомъ отношеніи Ордубадъ есть оранжерея, изумляющая богатымъ разнообразіемъ растеній, покрытыхъ цвѣтами и фруктами. Это рай по общимъ понятіямъ цѣлой страны. Каждый дворъ Ордубадскаго жителя — отдѣльный садъ, и въ каждомъ изъ нихъ струятся игривые ручейки, перебѣгая во многихъ мѣстахъ по камешкамъ чрезъ самыя улицы. Къ довершенію всего, въ этомъ городѣ не знаютъ никакихъ мѣстныхъ болѣзней. Какъ прелестна ночь въ Ордубадѣ! Тогда, когда глина безобразныхъ, ничтожныхъ строеній теряется въ ея покровахъ, при лунномъ сіяніи, вы видите одинъ обширный садъ; дышете ароматическимъ воздухомъ и, въ торжественной

тишинѣ, внимаете пріятному журчанію тысячи источниковъ. Но настаетъ день и очарованіе исчезаетъ. Люди здѣсь не украшаютъ, а искажаютъ природу. Ордубадъ можно сравнить съ прелестною женщиной, сіяющею алмазами и покрытою рубищемъ.»

Часть одной изъ городскихъ площадей осѣнена тѣнію огромнаго чинара, котораго стволъ имѣетъ до одиннадцати футовъ въ поперечникѣ, а дупло семь съ половиною футовъ. Охотники сходятся въ этотъ родъ бесѣдки пить чай, играть въ карты, курить табакъ. Вершина чинара сломана бурею или громомъ.

Населеніе Армянской области (до 29,000 семействъ) состоитъ почти на половину изъ Армянъ и такъ называемыхъ Татаръ, къ которымъ причисляются всѣ тамошніе мусульмане, состоящіе изъ Татаръ, Персіянъ, Курдовъ, Сельджукскихъ Турковъ и Казаховъ. Сверхъ того, есть до тысячи Ездовъ и весьма немного Цыгановъ или Бошей по-тамошнему. Послѣдніе исповѣдываютъ Армянскую вѣру. Религія Ездовъ представляетъ замѣчательное явленіе христіанства, лишеннаго своей наружной оболочки. «Они признаютъ св. Троицу, пресвятую дѣву Марію; не имѣя храмовъ и ни какихъ обрядовъ религіозныхъ, они обыкновенно утромъ обращаются на востокъ и возсылаютъ Творцу молитву, состоящую въ троекратномъ поклоненіи безъ знаменія креста; совершаютъ обрѣзаніе, носятъ имена мусульманскія, исключая именъ Мугаммеда, Омира и Алія, которыхъ чуждаются. *Пиры*, или священники ихъ, повѣствуютъ народу о сотвореніи міра, о потопѣ, о страданіи Іисуса Христа, о будущей кончинѣ міра и проч. Езды, хорошо расположенные къ христіанамъ,

ненавидятъ мусульманъ, которые платятъ имъ тѣмъ же, называя ихъ *Шейтанъ парасъ*, то есть, почитателями діавола. *»

Армяне — строгіе послѣдователи Григоріанскаго исповѣданія. «Заслуживаетъ однако же примѣчанія, что нѣкоторые изъ религіозныхъ обрядовъ Армянъ сходствуютъ съ языческими, — напримѣръ: въ праздникъ Срѣтенія Господня воздвигается внѣ церкви жертвенникъ изъ сухихъ древесныхъ вѣтвей или соломы, посыпанныхъ сверху ладаномъ и украшенныхъ благовонными цвѣтами. Духовенство, послѣ молитвъ и пѣнія, испрашиваетъ благословенія свыше и зажигаетъ жертвенникъ; каждый изъ присутствующихъ мольщиковъ беретъ оттуда нѣсколько горящаго хвороста, и пришедши домой, зажигаетъ имъ приготовленный на дворѣ или на крышѣ дома костеръ. Извѣстно, что служеніе древнихъ Армянъ Мигру, сыну Оромаза, производилось почти такимъ же образомъ и совершаемо было всенародно каждый годъ, при началѣ весны. *»

* Обозрѣніе Россійск. Влад. за Кавк.

ГЛАВА LXIV.

Россійскія владѣнія: Карабахъ, Талышъ, Ширванъ.

Въ Ордубадѣ, Араксъ еще на 2,500 футовъ выше уровня Каспійскаго Моря, а ему остается только тридцат миль до соединенія съ Куромъ. Поэтому не удивительно, что для выхода изъ бассейна, въ которомъ онъ заключенъ, Араксъ прорывается сквозь стѣны утесовъ. Тропа, едва проходимая для лошади, вьется по берегу его крутыхъ пороговъ, которые до тысячи трехъ-сотъ футовъ въ вышину. Здѣсь васъ совершенно измочитъ пѣной, и во многихъ мѣстахъ придется вамъ ѣхать подъ нависшими грудами скалъ, которыя ежеминутно грозятъ паденіемъ. Наконецъ вы оставили за собой эти пропасти, перемежающіяся воздѣланными и населенными полосами, и вступаете въ равнины Карабаха, гдѣ Араксъ умедляетъ свое теченіе и вьется излучинами, образуя нѣсколько островововъ. Влѣво, за холмами, предгоріями Арарата, тянется хребетъ Алагёзъ или Капанъ, который, начинаясь у озера Севана, перенимаетъ рѣку въ этихъ мѣстахъ. Вершины его еще въ апрѣлѣ покрыты блестящимъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго торчатъ коегдѣ крутыя и совершенно нагія скалы.

Карабахъ, самая восточная провинція Арменіи, граничитъ къ сѣверу Куромъ и состоитъ изъ равнинъ и многихъ хребтовъ. Горы, по большей части, одѣты лѣсомъ

или густою травой, отчего происходитъ вѣроятно и названіе области, означающее по-татарски *черный садъ.* Самою высокою горой почитается Сары-дара, восходящая на пять тысячь футовъ надъ уровнемъ Каспія.

Почва Карабахской провинціи весьма разнообразна: высоты покрыты черноземомъ, равнины — глиною, пескомъ и солончаками, что́ однакожъ не мѣшаетъ имъ производить всѣ роды растеній, свойственные жаркому поясу, по-крайней-мѣрѣ, тамъ, гдѣ довольно воды для орошенія. Нагорныя мѣста, имѣющія довольно свѣжій климатъ, и зиму, которая продолжается съ ноября до апрѣля, доставляютъ только пшеницу, ячмень, полбу, ленъ и, частію, просо. На равнинахъ, въ теченіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, господствуютъ страшные жары, отъ которыхъ являются горячки и лихорадки. Тогда всѣ жители удаляются съ стадами въ горы; у князей и знатныхъ есть тамъ особыя жилья.

Несмотря на обиліе потоковъ, многія поля остаются невоздѣланными, потому что нѣтъ возможности провести каналовъ между горъ, которыми обставлены почти всѣ рѣки, освобождаясь изъ скалъ только подъ конецъ теченія. «Вообще онѣ мелки и во всякое время года удобны для переѣзда въ бродъ, исключая Кура, Аракса, Тертера, Каргара и Базаръ-чая, которыя весною, отъ прибыли водъ, становятся весьма глубокими. Протекая съ быстротой въ наполненныхъ камнями руслахъ, онѣ для судоходства совершенно неспособны. Въ отношеніи рыбныхъ ловлей замѣчательны Куръ и Базаръ-чай: въ первой ловятся осет-

ры, севрюги, лососи и угри, а въ послѣдней — превосходная форель, съ красными пятнами. *

Населеніе состоитъ преимущественно изъ мусульманъ, то есть Татаръ ** и Курдовъ, которыхъ 14,000 семей, безъ малаго, и изъ Армянъ, которыхъ вполовину меньше. Несторіяне, переселившіеся изъ Персіи со времени Туркменчайскаго мира, составляютъ малѣйшую часть населенія. Ихъ очень много въ неприступныхъ горахъ, лежащихъ на рубежѣ Персіи съ Турціей. Они управляются собственнымъ Патріархомъ.

Край, извѣстный нынѣ подъ именемъ Карабаха, въ древности назывался Раною и заключалъ въ себѣ обширный и многолюдный городъ Барду, разрушенный Тамерлановымъ нашествіемъ. Карабахъ составлялъ прежде часть Армянскаго царства, потомъ принадлежалъ Персіянамъ и наконецъ съ 1805 года поддался Россіи. Нынѣ въ цѣлой странѣ одинъ городъ—крѣпость Шуша, построенная на крутой скалѣ и доступная лишь по узкой дорогѣ между двухъ рѣчекъ, впадающихъ въ притокъ Кура, Тертеръ.

Вправо отъ Аракса до самаго Каспійскаго моря простирается Муганская степь, къ сѣверу окраяемая Куромъ. Эта обширная равнина богата тучными пажитями; много разъ полевали тамъ войска. Но, по сло-

* Обозр. Россійск. Влад. за Кавк.

** Татары величаютъ себя мусульманами въ отличіе отъ Персіянъ извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ Кизильбашей, Арахли, Каджаровъ, и въ отличіе отъ Турковъ, называемыхъ Османлы.

вамъ древнихъ историковъ, легіоны Помпеевы были здѣсь остановлены въ пути своемъ множествомъ змѣй, покрывавшихъ землю. Это конечно было лѣтомъ, отъ іюня до августа. Въ наше время, въ 1800 году, зимовала тамъ Русская армія, и солдаты, копая землю для постановки кольевъ къ палаткамъ, ежеминутно находили змѣй въ оцѣпенѣніи, которое для этихъ пресмыкающихся, равно какъ и для нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, продолжается въ теченіи всей холодной поры года.

Къ югу отъ Мугани, переправясь чрезъ небольшую рѣчку Болгари-чай, которая сливается съ дельтою Кура, путешественникъ вступаетъ въ предѣлы собственно Тальшинскаго ханства, омываемаго съ востока Каспійскимъ моремъ и сопредѣльнаго къ западу съ Адзербайджаномъ, къ югу — съ Гилянью. Отъ сѣверозапада къ юговостоку простираются конечныя отрасли Кафланскаго хребта, выходящія изъ Персіи. Между горами и моремъ лежитъ равнина, производящая сарацынское пшено, хлопчатую бумагу, кунжутъ, табакъ, шелкъ. Климатъ въ ней жарокъ и не можетъ назваться здоровымъ, но въ нагорныхъ мѣстахъ онъ вообще довольно хорошъ, за исключеніемъ частыхъ дождей весною и, особенно осенью и зимой. « Причины этого явленія должно искать въ сѣверовосточныхъ вѣтрахъ, которые обыкновенно въ это время дуютъ съ моря и наносятъ пары; пары удерживаются горами, которыми равнина какъ бы оцѣплена, потомъ охлаждаются и превращаются въ дождь; послѣ сильныхъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ всегдашнее слѣдствіе —

дождь. Не мало также содѣйствуетъ образованію дождей изобиліе въ тамошнихъ мѣстахъ лѣса.» *

Главныя мѣста Ленкеранъ и Астора, пристани близъ Каспійскаго моря, первая на рѣчкѣ Ланконѣ или Ленкеранкѣ, вторая на Асторѣ. Въ лѣсахъ, смежныхъ съ Ленкераномъ, водятся тигры.

Ленкеранъ — Татарское названіе, а Талышинцы именуютъ этотъ городъ по-своему Ланконъ. По нечистотѣ и неизяществу строеній, его скорѣе можно назвать деревнею. Два базара, остатки укрѣпленій, нѣсколько мечетей и церквей, придаютъ виду его нѣчто городское.

Куръ, принявъ съ правой стороны Араксъ, продолжаетъ теченіе къ востоку, потомъ круто повертываетъ на югъ и, раздѣляясь на нѣсколько протокъ, образуетъ дельту; одинъ рукавъ бѣжитъ на юговостокъ, другой на югъ къ Кизиль-Агачскому заливу. Весь окрестный край составляетъ низменность, часто заливаемую рѣкой.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она раздѣляется на двѣ главныя вѣтви, лежитъ Сальянъ. Этотъ Ширванскій городъ заключаетъ въ себѣ только мазанки, въ которыхъ, по словамъ Г-на Эйхвальда такая сырость, что въ комнатахъ ростетъ трава: разрывъ землю на нѣсколько футовъ, увидите воду. Г. Эйхвальдъ, желая ознакомиться съ Сальянскимъ рыболовствомъ, посѣтилъ *ватагу* — Божій промыслъ. Здѣсь радушно принялъ его хозяинъ-Индѣецъ, «который взялъ на откупъ за двадцать одну тысячу червонцевъ рыбныя

* Обозр. Российск. Влад. за Кавказомъ.

ловли на пятьсотъ верстъ вверхъ по Куру до самаго Елисаветополя. Ни одинъ изъ прежнихъ откупщиковъ не платилъ такъ много, и при всемъ томъ, говорятъ, онъ получаетъ большой барышъ, если погода благопріятна, и если во время трудной перевозки въ Астрахань лѣтніе жары не испортятъ значительной части груза. Кромѣ ежегодной платы за откупъ, Индѣецъ долженъ вносить большую сумму за разныя постройки, сдѣланныя на рыбныхъ ловляхъ по устьямъ Кура. Принадлежности одной здѣшней ватаги стоятъ ему двадцать пять тысячъ рублей ассигнаціями; на ней работаетъ до пятисотъ человѣкъ (рыболововъ) изъ Астрахани и Мангишлака, не говоря о разныхъ ремесленникахъ: бочарахъ, кузнецахъ, и такъ далѣе. Все это можетъ дать нѣкоторое понятіе о обширности Сальянскаго промысла. Съ октября или ноября мѣсяца производится въ Сальянѣ ловля шамаевъ и лососей, которыхъ въ эту пору бываетъ очень много. Первыхъ ловится до 250,000, послѣднихъ до 100,000 штукъ. Ихъ сушатъ, коптятъ, и разсылаютъ во всѣ стороны. Въ мартѣ появляется сперва бѣлуга стадами; потомъ идутъ вверхъ по Куру шипы и осетры. Часто втеченіи немногихъ недѣль ловится ихъ около 30,000. Наконецъ слѣдуетъ севрюга еще въ большемъ количествѣ, такъ что за годъ до прибытія туда нашего путешественника (въ 1825 году) поймано ея 50,000 штукъ. Рыбный промыселъ на Курѣ началъ затихать съ тѣхъ поръ, какъ большая мель въ устьѣ рѣки прибываетъ къ сѣверо-востоку; потому и хорошій ловъ всегда зависитъ отъ сѣверовосточнаго вѣтра. При этомъ вѣтрѣ набираютъ въ день 15,000 штукъ, но

безъ него рѣдко удается взять и тысячу. Всѣхъ невыгоднѣе западный вѣтеръ, который продолжался въ пребываніе Г-на Эйхвальда на ватагѣ: тутъ ловили, отъ двухъ сотъ до трехъ сотъ рыбъ въ день, не болѣе.» *

Слѣдуя морскимъ берегомъ на сѣверъ, Г. Эйхвальдъ прибылъ въ Баку. Этотъ городъ, лучшій изъ портовыхъ на Каспійскомъ морѣ, производитъ важный торгъ, и базаръ его снабженъ обильно. Жители его, по большой части, изъ Персіянъ, прочіе же Армяне и Татары. Онъ стоитъ на Апшеронскомъ полуостровѣ, образующемъ самое восточное продолженіе Кавказскихъ горъ.

Полуостровъ отличается многими естественными примѣчательностями, которыхъ описаніе находимъ у всѣхъ бывшихъ здѣсь путешественниковъ, начиная съ Кемфера до нашего времени. Вопервыхъ обращаютъ на себя вниманіе нефтяные колодцы. Ихъ вырыто около сотни, отъ десяти до шестидесяти футовъ въ глубину, и оттуда достаютъ эту жидкую массу. Они всѣ въ недальнемъ разстояніи отъ моря; на поверхности его часто видите нефть, всплывшую изъ глубины. Другіе нефтяные колодцы разсѣяны по всему Ширвану и смежнымъ округамъ.

Въ трехъ миляхъ на востокъ отъ Баку находится такъ называемый Вѣчный огонь, *атешга* (собственно — огни), который представляетъ дивное зрѣлище въ ночное время. «Издалека уже видно это рѣдкое явленіе природы. Вскорѣ ясно различаете въ тем-

* Библ. для Чт. Февраль 1838.

нотѣ четыре главные огня, и чѣмъ ближе къ нимъ подъѣзжаете, тѣмъ болѣе видите маленькихъ огоньковъ, мелькающихъ изъ-подземи. Четыре большіе подымаются высоко въ воздухѣ и освѣщаютъ всю сумрачную, пустынную окрестность. Наконецъ видна и высокая бѣлая стѣна, и изъ-за нея четыре трубы, которыми выходятъ эти огромные пламенники. Въ самой стѣнѣ есть трубы, изъ которыхъ свѣтятъ такіе же огни, и наконецъ внѣ ея мелькаютъ изъ земли малые свѣточи. Вы точно передъ какимъ-нибудь волшебнымъ зáмкомъ. Путешественники приближились къ воротамъ и вдругъ вошли въ обширный, ярко освѣщенный дворъ. Всерединѣ возвышается четыреугольная храмина съ четырмя трубами, изъ которыхъ вьется пламя. Къ меньшей храминѣ ведутъ нѣсколько ступеней, и у самой кровли виситъ колоколъ. На полу горитъ огонь, и кругомъ изъ известковаго грунта пылаетъ множество подобныхъ факеловъ. Отъ этого происходитъ такой свѣтъ, что при вступленіи во дворъ вы ослѣплены совершенно. По внутренней сторонѣ ограды расположены кельи Индѣйцевъ; одинъ изъ нихъ принялъ путешественниковъ у самаго входа: почти нагой, опоясанный передникомъ и съ бѣлой чалмою на головѣ, онъ вышелъ изъ кельи медленными, осторожными шагами, остановился, сложилъ руки, и благоговѣйно поклоняясь своему огненному божеству, безпрерывно повторялъ по-Индѣйски: « Рама, сохрани великаго владыку Россіи! » Рама значитъ — Богъ. Тутъ вышло изъ келій еще нѣсколько полунагихъ Индѣйцевъ. Ихъ смуглый цвѣтъ, ихъ всклоченные волосы, которые у многихъ висѣли въ совер-

шенномъ безпорядкѣ, и худоба ихъ тѣла, болѣе похожаго на оглоданный остовъ, все это производитъ странное впечатлѣніе. Индѣецъ, встрѣтившій нашихъ путешественниковъ, заставилъ ихъ войдти къ себѣ въ келью, гдѣ кромѣ жалкаго ковра и пары кувшиновъ, не было ни какой утвари; но передъ келею стоялъ прекрасный розовый кустъ въ полномъ цвѣтѣ. Отсюда пошли они къ другимъ Индѣйцамъ, которыхъ здѣсь до двѣнадцати. Кельи почти у всѣхъ малы, но въ большей части ихъ горятъ священные огоньки....

«Индѣйцы эти почитаютъ огонь за нѣчто священное или за самое божество: они собственно принадлежатъ къ сектѣ **Парсовъ**, огнепоклонниковъ, послѣдователей Зороастра, котораго ученіе перемѣшано у нихъ съ догматами браминовъ и суевѣрными обрядами другихъ сектъ Индѣйскихъ. Огонь или, точнѣе, свѣтъ, и Богъ — у нихъ однозначительны. Свѣтъ называютъ они то Арабскимъ словомъ *нуръ*, то Персидскимъ *аганъ* (блескъ), которое напоминаетъ Русское—огонь. И *нуръ* и *аганъ* — Рама, божество, Кришна. У жреца голова была сначала обвернута большой шалью, какъ у Татарскаго муллы, но послѣ онъ снялъ шаль и обнажилъ свои короткіе черные волосы, связанные въ комъ на затылкѣ. Сверхъ платья былъ на немъ широкій кафтанъ или халатъ. Другіе изъ этихъ честныхъ господъ, напротивъ, расхаживаютъ по кельямъ своимъ совсѣмъ нагіе, и только нижняя часть живота прикрыта у нихъ льняною или бумажною тряпкою, а на головѣ торчитъ шалевая чалма какъ у муллъ. У нѣкоторыхъ русые грязные волосы вовсе не по-

крыты, ярко выкрашены подъ огненный цвѣтъ въ угожденіе божеству, и висятъ космами; лобъ—красный пополамъ съ желтымъ отъ шафрана; въ ушахъ—амулеты, которые почитаютъ они также за рамъ, за боговъ. У одного, вмѣсто серегъ, были огромные роговые обручи или кольца; у другаго висѣла на шеѣ деревянная дудочка, въ три четверти вершка длины, привязанная снуркомъ. Онъ игралъ на ней, и смѣялся отъ радости, что кумиръ его такъ звученъ. У иныхъ наконецъ были на шеѣ, въ видѣ идоловъ, овальныя деревяшки на снуркѣ и величиной съ обыкновенные орѣхи; всередииѣ онѣ просверлены, дѣлаются изъ весьма крѣпкаго дерева и издаютъ сильный блескъ. Вѣроятно, Индѣйцы принесли съ собой этихъ боговъ изъ Мультана. Многіе изъ нихъ приходятъ сюда молиться только на пять лѣтъ, другіе на восемь, и, совершивъ молитву за себя или за другихъ, опять возвращаются на родину. Но иные остаются уже отъ пятнадцати до тридцати лѣтъ и вѣроятно кончатъ жизнь свою подлѣ священныхъ огней. Они живутъ очень скудно; никогда не ѣдятъ мяснаго, и питаются одними только овощами, которые разводятъ сами. Двое не должны ѣсть вмѣстѣ, и потому у каждаго есть маленькая мѣдная посуда, которую онъ всегда держитъ въ чистотѣ и въ которой варитъ себѣ пищу. Богатый Индѣецъ Отумдженъ, державшій тогда на откупѣ обильную Сальянскую рыбную ловлю, много помогалъ этимъ бѣднякамъ и деньгами, и съѣстными припасами, потому что сухая почва около *атешга* совсѣмъ безплодна.

«Вѣчный огонь поддерживается горючимъ газомъ,— почти совершенно чистымъ водороднымъ, а не нефтью, какъ несправедливо утверждали прежніе путешественники. Газъ выходитъ изъ всѣхъ расщелинъ и отверзтій известчатой почвы, воспламеняется тотчасъ отъ приближенія огня и продолжаетъ горѣть безпрестанно; но никогда не загорается онъ самъ собою или отъ соприкосновенія съ раскаленнымъ углемъ, хотя бы уголь передъ тѣмъ сильно раздули: для возгорѣнія необходимо пламя. Газъ не имѣетъ запаху при выходѣ изъ трещинъ известняка, и не обнаруживаетъ ни какого ощутительнаго повышенія температуры. Онъ легче атмосфернаго воздуха. Г. Эйхвальдъ наполнилъ имъ нѣсколько бутылокъ и отправилъ для разложенія въ Казань. Вблизи храма есть глубокій колодецъ, откуда Индѣйцы черпаютъ воду; она, какъ и вообще вся здѣшняя вода, отзывается нефтью и течетъ въ известчатой почвѣ. Когда покроешь этотъ колодецъ, въ полчаса накопляется много водороднаго газа, который все подымается вверхъ и держится въ летучемъ видѣ надъ водою. При открытіи колодца бросьте въ него зажженый пукъ соломы, газъ загорается, смѣшанный уже съ атмосфернымъ воздухомъ, и издаетъ громъ, подобный пушечному выстрѣлу. Индѣйцы сами показываютъ эти страшныя штуки посѣтителямъ. Но прежде чѣмъ они узнали такое свойство газа, отъ него погибла часть монастырскаго зданія. Одинъ Индѣецъ случайно поднесъ огонь слишкомъ близко къ кровлѣ; собравшійся тамъ гремучій воздухъ незапно воспламенился; храмина рухнула и изувѣчила многихъ. Съ-тѣхъ-поръ обходятся они съ

огнемъ очень осторожно. Профессоръ Эйхвальдъ безъ умысла поднялъ зажженую свѣчу: всѣ бывшіе въ кельѣ сбѣжались съ ужаснымъ крикомъ, хватали свои пожитки и бросались со всѣхъ ногъ на дворъ, думая, что путешественникъ хочетъ зажечь ихъ жилище...

«Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вѣчнаго огня лежитъ много нефтяныхъ копей. Черной нефти гораздо болѣе, нежели бѣлой; черпается она глубоко изъ земли, но мѣстами сама выступаетъ наружу и течетъ маленькими ручьями. Жидкая нефть зеленовата, а густая черна. Изъ всѣхъ копей добывается до 25,000 пудовъ ежегодно. Черной нефти получается въ томъ числѣ около 24,300 пудовъ, бѣлой только 800. Сверхъ-того, на Апшеронскомъ полуостровѣ много соляныхъ озеръ, откуда соль вывозится не только въ сосѣднія области, Ширванъ, Дагистанъ и Талышъ, но и въ отдаленную Персію. Ее добываютъ изъ немногихъ озеръ, потому что весьма достаточно и этой. Значительнѣйшія озера Массасыръ, Зыхъ и Кале.» *

Ближніе острова изобилуютъ нефтяными источниками, и на одномъ изъ нихъ замѣчали даже пламя. Весь здѣшній край подверженъ землетрясеніямъ. Жители употребляютъ естественный огонь для обжиганія извести.

Другіе нефтяные ключи разсѣяны по дорогѣ отъ Баку до Марази, деревни, смежной съ сѣрными копями. Продолжая путь на западъ, вы достигаете старой Шамахи: это сбродъ караван-сераевъ, базаровъ, мечетей, общественныхъ и частныхъ зданій, построенныхъ изъ камня. Городъ сильно терпѣлъ отъ войны

* Библ. для чт. Февраль 1838.

и былъ разоренъ Надиръ-Шахомъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ принадлежитъ Россіи, стѣны его поднялись и населеніе начинаетъ возрождаться. Здѣсъ найдете много шелковыхъ фабрикъ: говорятъ, около двухъ сотъ.

Далѣе къ югозападу, Г. Эйхвальдъ видѣлъ новую Шамаху, которою предполагалось замѣнить старую, но которая и сама подверглась разоренію въ непрерывныхъ войнахъ, опустошавшихъ эту обтасть. Путешественникъ переѣхалъ потомъ горныя отрасли и выступилъ изъ предѣловъ Ширвана.

Область эта чрезвычайно плодоносна: особенно хорошо ростетъ пшеница, шелковичное дерево и виноградъ. По словамъ Г-на Эйхвальда, есть полоса на Курѣ, гдѣ почва даетъ по полуторусту зеренъ на одно, а засѣвается только разъ въ три года. На побережьяхъ Кура можно было бы съ выгодой воздѣлывать сарацынское пшено и даже хлопчатую бумагу. Шелководствомъ занимаются въ долинахъ, и шелку вывозятъ до 6000 пудовъ въ годъ, а винодѣліе процвѣтаетъ въ горахъ, и вина собираютъ очень много.

ГЛАВА LXV.

Россійскія владѣнія: Грузія, Кавказъ и народы, въ немъ обитающіе, Таманъ, Абхазія, Мингрелія, Имеретія, Гурія.

Рѣчка Гурьянчай, бѣгущая съ Кавказа прямо въ Куръ, означаетъ къ западу предѣлъ Ширвана. «Горы, говоритъ Г. Эйхвальдъ, приближаются къ самому краю большой дороги и образуютъ довольно глубокіе рвы; всѣ онѣ глинисты. Отъ рѣчки проведено множество каналовъ. Шекинская область, куда вы потомъ вступаете, весьма безплодна, а между-тѣмъ селенія окружены большими разсадьбами тутовыхъ деревъ, благодаря многочисленнымъ водопроводамъ. Въ Мингечаурѣ переправился я на правый берегъ Кура, и 29-го марта прибылъ въ Елисаветполь, прежде называвшійся Ганджею. Этотъ красивый городъ производитъ хорошій торгъ, но климатъ весьма вреденъ для здоровья. Неподалеку оттуда лежатъ обширныя развалины, часть которыхъ изъ камня, остальное изъ кирпича, связаннаго цементомъ. Среди обломковъ находятъ отъ времени до времени древнія медали.

«Я посѣтилъ два Армянскія селенія, гдѣ множество кузнецовъ обработываютъ желѣзо, добываемое изъ одной высоты на берегахъ Кура; потомъ осмотрѣлъ я въ горахъ квасцовый промыслъ. Колонія Эленендорфъ, лежащая у подошвы этихъ горъ, населена Нѣмцами изъ Вюртемберга.

«Втораго апрѣля я оставилъ Елисаветполь, и, переѣхавъ Кочкаръ, увидѣлъ колонну или башню Шамхоръ. Этотъ памятникъ, замѣчательный смѣлостью постройки и прочностью, состоитъ изъ красныхъ кирпичей, сложенныхъ правильнѣйшимъ образомъ, рядами, перпендикулярно соотвѣтственными одинъ другому. Квадратное основанie его имѣетъ по пятнадцати футовъ съ каждой стороны и въ вышину двѣнадцать футовъ; а самый столпъ имѣетъ около двѣнадцати футовъ въ поперечникѣ и до ста осмидесяти въ вышину. Въ верхней части его устроены ниши и окна. На немъ двѣ надписи: одна куфическими буквами. Лѣстница, идущая двойнымъ винтомъ и столь широкая, что двое могутъ идти рядомъ, находится уже въ такомъ упадкѣ, что нельзя ходить по ней безъ опасенія, и я отважился не выше перваго окна. Памятникъ окруженъ развалинами, показывающими, что здѣсь стоялъ нѣкогда обширный городъ; видны еще остатки прекраснаго каменнаго моста на изсякшемъ потокѣ, который должно переѣзжать на пути изъ Елисаветполя. Колонна, безъ сомнѣнія, воздвигнута Мусульманами, и вѣроятно муллы употребляли ее въ видѣ минарета для созыванія вѣрныхъ на молитву.

«Дорога вплоть до Шамхора ровна и гладка; далѣе она становится бугристою. Вы переѣзжаете Хромъ по весьма красивому мосту, слѣдуете правымъ берегомъ Кура и вступаете въ Тифлисъ, столицу Грузіи.

«Этотъ городъ, описанный столь многими путешественниками, сдѣлался только со времени генерала Ермолова настоящимъ городомъ, то есть, такимъ, въ

которомъ есть жистели круглый годъ. Еще недавно домы были самые жалкіе, а улицы такъ тѣсны, что нельзя было проѣхать въ каретѣ. Едва Ермоловъ принялъ начальство, какъ выстроились домы, образовались новыя улицы, обширныя площади; тогда явился рядъ прекрасныхъ каменныхъ домовъ, по большей части, съ колоннами на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, стояло болото: вода, стекавшая въ сильные дожди съ ближайшихъ горъ, стремилась туда потоками и причиняла совершенное наводненіе, такъ что буйволы, запряженные въ арбу, не могли пройдти здѣсь, не подвергаясь опасности быть увлеченными быстриною.

« По приказанію генерала прорыть на этомъ мѣстѣ глубокій и широкій каналъ, начинающійся у подошвы горы Ма-цминды, который въ ненастье пріемлетъ въ себя дождевыя воды и сбываетъ ихъ въ рѣку Куръ. Это — великое благодѣяніе для всего Тифлиса: я самъ былъ тому свидѣтелемъ, какъ страшные ливни въ одно мгновеніе ока наводняютъ улицы до того, что на нихъ не видно ни единой души, и дѣйствительно нигдѣ нельзя ступить шагу. Теперь это болотистое мѣсто, откуда испарялись зловредные пары, сдѣлалось лучшею площадью въ городѣ; тутъ, на правомъ берегу Кура, стоятъ большія каменныя зданія и расположенъ превосходный общественный садъ. На лѣвомъ берегу возвышается цитадель и предмѣстіе Авлабаръ. »

Г. Эйхвальдъ былъ въ Тифлисѣ въ 1826 году; Французскій консулъ, Г. Гамба, жившій въ этомъ го-

родѣ двумя годами ранѣе, описываетъ его точно такъ же.

«Рѣка Куръ раздѣляетъ Тифлисъ на двѣ части: на правомъ берегу лежитъ старый городъ, сѣрныя ванны и новый городъ; на лѣвомъ — предмѣстіе Авлабаръ, Исни и деревня, населенная Нѣмцами. Мостъ, соединявшій оба берега, угрожалъ паденіемъ; три года тому назадъ выстроили новый, деревянный, объ одной аркѣ; она утверждена на огромныхъ кирпичныхъ быкахъ, старой кладки, которые такъ крѣпки, что имъ нечего бояться быстрины теченія.

«Когда я видѣлъ старый городъ въ 1820 году (Л. XLI — 3 и 4), почти всѣ улицы были завалены обломками, которые служили печальнымъ памятникомъ Персидскихъ вторженій и по которымъ часто съ большимъ трудомъ прохожій достигалъ дверей въ четыре фута вышиною и пробирался въ полуподземные домы, гдѣ жители укрывались какъ въ берлогѣ; террасы нѣкоторыхъ изъ такихъ землянокъ были почти вровень съ тѣсными, извилистыми улицами. Трехъ лѣтъ было достаточно для сообщенія оттѣнковъ Европейской цивилизаціи древнему городу, котораго жалкій видъ обличалъ гнетущую руку долговременнаго Азіатскаго управленія....

«Между начинателями большихъ работъ никто такъ не заслуживаетъ уваженія, какъ Нарсесъ, Армянскій архіепископъ въ Тифлисѣ. Этотъ знаменитый прелатъ выстроилъ въ новомъ городѣ обширный каравансерай, служащій какъ бы предвѣстникомъ торговаго величія этого города. Онъ присоединилъ къ нему училище, гдѣ намѣренъ имѣть преподавателей для главныхъ

языковъ Азіи и Европы, съ тѣмъ чтобы соотчичи его получали здѣсь то образованіе, какого были лишены до сихъ поръ....

«Населеніе Тифлиса безпрерывно возрастаетъ отъ Армянъ, которые ищутъ здѣсь убѣжища отъ тиранства Турковъ и отъ притѣсненій Персіянъ....

«Въ Тифлисѣ три каравансерая, въ старомъ городѣ, середи базара. Безпрерывный приливъ и отливъ верблюдовъ, оживленность Персидскихъ купцевъ рядомъ съ спокойствіемъ Армянъ и Турковъ, наконецъ перевозъ столь разнообразныхъ товаровъ, произведеній самыхъ отдаленныхъ странъ, все придаетъ чудный видъ и чрезвычайное движеніе этимъ гостинницамъ, гдѣ купцы, стекшіеся изъ разныхъ земель и говорящіе на разныхъ языкахъ, живутъ въ нѣкотораго рода сообществѣ. Самое большое изъ этихъ зданій выстроено на счетъ одного богатаго Армянскаго купца. Базаръ раздѣленъ на нѣсколько улицъ и всегда наполненъ гуляющими.

«Заведеніе сѣрныхъ ваннъ вообще хорошо устроено: онѣ очень многочисленны и содержатся частными людьми. Лѣтъ за пять сооружено для этой цѣли весьма обширное и удобное зданіе отъ казны; прислужники знаютъ всѣ снаровки, употребительныя въ Константинопольскихъ баняхъ. Тифлисскія сѣрныя воды имѣютъ разныя степени теплоты и посѣщаются какъ туземными жителями, такъ и иностранцами. Особенно женщины ходятъ въ бани, гдѣ нѣкоторыя проводятъ иногда половину дня и даже остаются обѣдать.

«Въ рождающемся городѣ нельзя и ожидать театра; но Нѣмецкіе акробаты и Татарскія баядеры изъ

Шамахи бываютъ здѣсь по временамъ: первые показываютъ опыты силы и ловкости, вторыя своими сладострастными плясками привлекаютъ Грузиновъ и живущихъ въ Тифлисѣ иностранцевъ.

«Тяжкія работы, требующія силы, обязанность ходить за водой на Куръ и разносить ее по домамъ въ городѣ, такъ же, какъ и переноска товаровъ, поручаются вообще Имеретинцамъ. Они въ русскихъ Кавказскихъ областяхъ то же, чтó Овернцы во Франціи.

«Число жителей въ Тифлисѣ полагаютъ до 30,000, а во всей Грузіи до 350,000 человѣкъ. Населеніе состоитъ изъ Грузиновъ, Армянъ, Татаръ и Персіянъ.

«Грузинъ высокъ ростомъ и крѣпокъ сложеніемъ. Черты его вообще красивы и очень рѣзки. Глаза у него черны и вѣки хорошо раздѣлены; носъ длинный и часто орлиный, но не совсѣмъ какъ у Римлянъ, а болѣе какъ у Жидовъ. Поступь его горделива и сопровождается иногда какимъ-то качаніемъ туловища, придающимъ ей, почти можно сказать, наглость. Живя въ странѣ, нѣкогда безпрерывно подверженной нашествіямъ, онъ по небходимости привыкъ быть на готовѣ къ отбою, то противъ Турковъ и Персіянъ, то противъ неукрощенныхъ племенъ Кавказа. Такимъ образомъ по самому положенію своему онъ сдѣлался воинственнымъ; но, принадлежа къ народу малочисленному, вынужденный сражаться противъ огромныхъ силъ, онъ болѣе привыкъ къ партизанской войнѣ, нежели къ строевымъ битвамъ. Ни одинъ народъ Азійскій не доставлялъ храбрѣйшихъ солдатъ и лучшихъ всадниковъ. Отважный, но иног-

да жестокій, гостепріимный, но непривѣтливый, умный, но невѣжественный, Грузинъ имѣетъ и всѣ пороки, и всѣ добродѣтели солдатскія. Народъ занимается вообще земледѣліемъ и ремеслами; торговля пренебрежена. Если у него нѣтъ надменности, властителя и голосъ его, и пріемы обнаруживаютъ воинственный духъ.

«Грузинки не ниже лестной молвы, гремящей о красотѣ ихъ. Правильность въ чертахъ, которой образецъ представляютъ намъ изящныя Греческія статуи, прямой и тонкій станъ, бѣлизна кожи, кротость взгляда, все отличаетъ Грузинскую женщину.»

«Грузины сами себя называютъ Картули. Языкъ ихъ, хотя онъ и представляетъ сходство съ языками Индо-Германскими и другими, въ особенности сѣверо-Азійскими, можно однако жъ, по мнѣнію Клапрота, считать его отдѣльнымъ первообразнымъ языкомъ, который и корнями, и грамматическимъ устройствомъ отличается отъ всѣхъ намъ извѣстныхъ.» Другіе напротивъ видятъ въ немъ смѣсь Армянскаго съ Греческимъ, Латинскимъ, Персидскимъ, Турецкимъ и Татарскимъ.

«Грузинскій языкъ, сказано въ Обозрѣніи Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, имѣетъ большое сходство съ языкомъ Армянскимъ. Армяне утверждаютъ (да и Грузинскій историкъ Вахтангъ полагаетъ), что Грузины, отъ начала своего происхожденія до временъ Александра Македонскаго, говорили языкомъ Армянскимъ. Въ это пространство времени Грузія составляла часть Арменіи. Когда же, при Александрѣ Македонскомъ или его наслѣдникахъ, Грузія, вмѣстѣ

съ Колхидою, была отдѣлена отъ Арменіи, тогда языкъ Грузинскій получилъ большую примѣсь словъ изъ языковъ сосѣдственныхъ племенъ Кавказа, и тѣхъ народовъ Азіи и Европы, которые производили тамъ завоеванія: отъ этого находится въ Грузинскомъ языкѣ, кромѣ большей части Армянскихъ словъ, множество Греческихъ, Римскихъ, Персидскихъ, Татарскихъ, Турецкихъ, Русскихъ и другихъ....

«Въ эпоху водворенія христіанства въ Грузіи, Армянскіе миссіонеры ввели служеніе въ церквахъ на Армянскомъ языкѣ, однако жъ Грузины мало понимали молитвы. До этой эпохи они не имѣли буквъ, и только въ 410-мъ году ученый Армянинъ, Месропъ, составилъ азбуку; вскорѣ послѣ того сдѣланъ переводъ Библіи и другихъ церковныхъ книгъ. Новыя изображенія буквъ, употребляемыхъ въ гражданскомъ языкѣ, введены около X-го вѣка; онѣ отличаются отъ церковныхъ только большею простотою, такъ что разность между ними такова, какъ между буквами Римскими Готическими и Римскими новыми. Гражданское письмо называется Мхедрули, то есть, военное, а церковное — Хуцури, то есть, священническое.

«Не смотря на то, что уже протекло болѣе 1400 лѣтъ, какъ языкъ Грузинскій имѣетъ азбуку, онъ еще не обработанъ, не имѣетъ опредѣленныхъ правилъ; не было ни одного ученаго, который бы его усовершенствовалъ, можетъ-быть, и потому, что на театрѣ безпрерывныхъ войнъ наклонность къ учености не могла развиться въ народѣ; однако жъ онъ имѣетъ свой словарь, хотя весьма неполный. У нихъ есть нѣсколько разсужденій о грамматикѣ и риторикѣ, но

собственной грамматики нѣтъ. Всѣ эти книги суть переводы, подражанія, или заимствованы изъ языковъ: Русскаго, Персидскаго и Армянскаго. Настоящія правила языка Грузинскаго должны содержаться въ Иверійскомъ текстѣ Библіи, въ разныхъ церковныхъ книгахъ, въ литературныхъ памятникахъ государственныхъ архивовъ и въ нѣкоторыхъ оригинальныхъ сочиненіяхъ или переводахъ (которыхъ впрочемъ весьма немного).»

Касательно происхожденія нынѣшнихъ Грузиновъ, нельзя не упомянуть о мнѣніи одного ученаго Оріенталиста, * который, основываясь на нѣкоторыхъ указаніяхъ Арабскихъ писателей, почитаетъ этотъ народъ пришлецами, бывшими прежде однимъ изъ горскихъ племенъ Кавказа, какъ нынѣ Лезгины.

Въ Грузіи не было прежде ни одного учебнаго заведенія, за исключеніемъ Телавской семинаріи, наполнявшейся дѣтьми дворянъ и духовныхъ. Въ 1802 году, едва учредилось тамъ Русское управленіе, основано училище въ Тифлисѣ, а теперь существуетъ въ Грузіи болѣе двадцати училищъ и одна гимназія.

«Грузинское дворянство, говоритъ Г. Эйхвальдъ, печется теперь о воспитаніи дѣтей и дозволяетъ своимъ семействамъ бывать въ обществахъ и публичныхъ собраніяхъ, чтó прежде было неслыхано, потому что женщинъ запирали какъ на Востокѣ. Это и теперь еще водится въ низшихъ сословіяхъ.»

Грузины занимаютъ большую часть Кавказскаго перешейка, между морями Каспійскимъ и Чернымъ. Къ сѣверу у нихъ Кавказъ, къ югу отдѣлены они

* Библ. для Чт. Февр. 1838. Отд. Наукъ, стран. 185.

Карабахскими, Бамбакскими и Челдырскими горами отъ народовъ иноязычныхъ и слѣдственно иноплеменныхъ.

«Грузинскій народъ дѣлится на четыре главныя вѣтви, которыя различествуютъ между собою какъ нарѣчіемъ, такъ и нравственнымъ состояніемъ. Главная и вмѣстѣ образованнѣйшая вѣтвь состоитъ изъ Грузиновъ въ тѣсномъ смыслѣ; она простирается по Карталиніи, Кахетіи и Имеретіи. Жители Мингреліи и Гуріи составляютъ вторую отрасль; нарѣчіе, ею употребляемое, не такъ чисто, какъ у первой. Третія заключаетъ въ себѣ однихъ Суановъ или Шнаусовъ, которые живутъ въ высокихъ горахъ Кавказа на западѣ; языкъ ихъ представляетъ еще болѣе отличій и перемѣшанъ съ множествомъ Кавказскихъ словъ, которыя дѣлаютъ его непонятнымъ для Грузиновъ. Четвертая вѣтвь состоитъ изъ свирѣпаго народа, Лазовъ, живущихъ вдоль Чернаго моря къ югу отъ Гуріи, слѣдственно въ предѣлахъ Оттоманскихъ.»

Всѣ другія Грузинскія племена вошли въ составъ Россійской имперіи, находясь прежде подъ властью туземныхъ царей; изъ коихъ нѣкоторые царствовали не безъ славы. Ошибка одного изъ нихъ, который въ 1424 году подѣлилъ свои владѣнія между тремя сыновьями, была первою причиной упадка его династіи; каждая изъ этихъ державъ, слишкомъ слабыхъ для сопротивленія Туркамъ и Персіянамъ, которыхъ онѣ сдѣлались данницами, и притомъ часто терзаемыхъ междоусобною враждой, нашлась въ необходимости уступить земли свои Россіи, искавъ прежде долгое время ея покровительства. Грузія управляется

нынѣ особымъ губернаторомъ; и раздѣлена на нѣсколько уѣздовъ, дистанцій и округовъ.

«Одежда Грузиновъ, говоритъ Г. Эйхвальдъ, удобна и выгодна. Мужская состоитъ изъ широкихъ шараваръ, рубашки, *ахалуба* (архалуха), застегнутаго спереди, длиннаго кафтана и пояса. На головѣ носятъ постоянно баранью шапку, съ которою рѣдко разстаются. Дворянство и служащіе брѣются, отпуская однако жъ усы. Зимою или въ ненастное время закутываются въ плащъ изъ войлока. Нарядъ у женщинъ такой же; сверхъ ахалуба носятъ онѣ *кабу* (платье), подпоясываемое кушакомъ. На голову надѣваютъ *лычакъ* (платокъ), повязывая его особеннымъ образомъ; чулки на нихъ кожаные, а башмаки или туфли на высокихъ каблукахъ. Выходя на улицу, онѣ совершенно покрываются чадрою (большимъ бѣлымъ покрываломъ). Онѣ употребляютъ бѣлила и румяна, и чернятъ волосы и брови, расширяя послѣднія и соединяя ихъ вмѣстѣ. Вечеромъ собираются онѣ на террасахъ домовъ, пляшутъ и потѣшаются (Л. XLII — 1).»

Выше мы видѣли, что Грузія граничитъ къ сѣверу съ Кавказомъ. Этотъ горный хребетъ, знаменитый въ самой глубокой древности, тянется, со включеніемъ извилинъ, на двѣсти девяносто миль въ длину съ юговостока на сѣверозападъ, и имѣетъ отъ тридцати до тридцати пяти миль въ ширину. «Кряжъ его, говоритъ Клапротъ, раздѣляется во всю длину на три широкія полосы, почти параллельныя между собою и расположенныя вертикально. Во многихъ мѣстахъ образуетъ онъ мысы ровные, плоскіе и обыкновенно

увѣнчанные дубами и букомъ; тутъ найдете желѣзный колчеданъ, сѣру, теплые и холодные сѣрные ключи, горное масло, обыкновенную соль, соду, квасценосныя и купоросоватыя земли, гипсъ и немного желѣза.

«Гребень Кавказа гранитный и вездѣ покрытъ вѣчными снѣгами и льдомъ. Нѣкоторыя изъ вершинъ его просто нагія скалы, которыхъ глава достигаетъ предѣла облаковъ; часто попадаются огромныя толщи порфира, роговой обманки и гнейса. Эта середняя полоса имѣетъ рѣдко болѣе одной или, много, двухъ миль въ ширину; она, какъ и главный кряжъ, къ сѣверу круче, нежели къ югу.

«Двѣ ближайшія къ гранитной полосы состоятъ изъ сланца и во многихъ мѣстахъ увѣнчаны льдами притомъ южная шире сѣверной. Сланецъ часто перерывается толщами чистаго и базальтистаго порфира, который образуетъ самыя высокія главы, и прешироками известковыми грядами. Эти сланцевыя горы обыкновенно раздѣлены между собой узкими и глубокими рвами, гдѣ никогда не таютъ снѣга; бока ихъ одѣты рѣдкими соснами, березами, можжевольникомъ, а выше тучными пажитями.

«За сланцевыми полосами слѣдуютъ известковыя. Сѣверозападная не такъ высока, какъ южная; каждая изъ нихъ около четырехъ миль длиною и расположена горами въ нѣсколько рядовъ. Часто попадаются въ нихъ металловыя жилы, которыя съ выгодою разработываются. Вершины горъ плоски и, по большей части, одѣты глинистымъ слоемъ, а во многихъ мѣстахъ поросли буковыми и другими деревьями. На сѣверъ и на югъ простирается глинистая и плодонос-

ная терраса, отъ четырехъ до шести миль въ ширину.

«Цѣпь мысовъ—отъ осми до девяти миль шириною; она состоитъ изъ песчаника. Къ сѣверу оканчиваются они обширною безлѣсною степью, которая простирается далеко въ равнины; напротивъ къ югу, широкая глинистая гряда, до которой они понизились, подымается опять вверхъ Челдырскими, Бамбакскими и Карабахскими горами.

«Кавказъ раздѣленъ отъ природы на четыре главныя части долинами своихъ главныхъ рѣкъ. Первая и самая западная лежитъ между Чернымъ Моремъ и верховьемъ Ріона; она оканчивается къ востоку Эльбурзомъ, главною вершиною Кавказа и огромнымъ ледникомъ: высота ея простирается до 16,700 футовъ. Изъ этой части течетъ на сѣверъ Кубань съ притоками; на югъ, Цхенисцкали, главный притокъ Ріона (Фазиса), и другія рѣки, впадающія въ Черное Море. Къ западу отъ Эльбурза, высота главнаго хребта убываетъ, и только изрѣдка встрѣчаются ледники; онъ разрѣзанъ многими ущельями, которыя проходимы для пѣшихъ.

«Второе отдѣленіе идетъ отъ Эльбурза къ долинамъ Терека, на сѣверъ, и къ долинамъ Арагвы, впадающей въ Куръ, на югъ. Оно чрезвычайно круто и увѣнчано ледниками. Главныя вершины его — Хохи, при истокѣ Терека, Джуаре-вахе (Крестовая гора) въ 7,534 фута, Мкинвари (Бѣлая гора), въ 14,730 футовъ высоты. Ріонъ начинаетъ свое теченіе къ западу отъ Хохи. Шесть ущелій пересѣкаютъ эту часть хребта. Русскіе учредили военную дорогу черезъ то,

которое омывается къ сѣверу Терекомъ, а къ югу Арагвой, и называется Даріельскимъ проходомъ, по имени крѣпости въ глубинѣ ущелья, которое Птоломей нарицаетъ Вратами Сарматскими.

«Третья часть лежитъ между правымъ берегомъ верхняго Терека и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Кавказъ круто повертываетъ на югъ; она не такъ высока, какъ предъидущая, хотя представляетъ еще ледники. Изъ сѣвернаго ея ската выходятъ разные притоки Терека, равно какъ и Кой-су, текущій къ Каспійскому морю; съ южной стороны бѣжитъ Алазань и другіе притоки Кура, да сверхъ-того Самура, впадающая прямо въ Каспій.

«Четвертое отдѣленіе хребта составляетъ восточный Кавказъ, который отъ истоковъ Кой-су идетъ миль на двѣнадцать или на тринадцать къ югу, а тамъ опять къ юговостоку вплоть до Апшеронскаго Полуострова. На немъ мало ледниковъ и вершинъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами. Здѣсь замѣчательны Шахъ-дагъ и Шахъ-Эльбурзъ. Къ западу отъ Белиръ-дага высота горъ простирается отъ тысячи семисотъ до двухъ тысячъ тоазовъ; къ востоку она постоянно уменьшается и уже весьма незначительна на восточной оконечности, около Баку.»

Отъ этой восточной части Кавказа идутъ многія вѣтви къ Каспійскому Морю; онѣ покрываютъ Дагистанъ (гористый край), который, находясь къ сѣверу отъ черты Кавказскаго гребня, лежитъ внѣ предѣловъ, назначаемыхъ Азіи.

Южныя долины Кавказа, которыя только и могутъ войдти въ обзоръ нашъ, въ средней и нижней час-

тяхъ своихъ имѣютъ умѣренный климатъ; лѣтомъ однако жъ онъ зноенъ до чрезвычайности. Въ здѣшнихъ долинахъ и поляхъ найдете всѣ деревья и кусты, которые въ Европѣ украшаютъ лѣса, сады и виноградники; лоза виноградная здѣсь какъ въ первобытномъ своемъ отечествѣ. «Главное произведеніе Грузіи, говоритъ Клапротъ, обозрѣвавшій этотъ край въ 1807, 1808 и 1809 годахъ, есть вино прекрасной доброты, и страны между Чернымъ и Каспійскимъ морями производятъ его въ такомъ изобиліи, что оно сдѣлалось бы главнѣйшею вывозною статьей, еслибъ можно было ввести лучшій способъ приготовлять и беречь его; его выжимаютъ небрежно и даютъ ему бродить безъ всякой предосторожности, такъ что оно не сохраняется и до слѣдующаго сбора. Для перевоза его употребляютъ бурдюки, дѣлаемые изъ цѣлой кожи какого-нибудь животнаго, которую обмазываютъ внутри асфальтомъ, чтобъ придать ей непроницаемость, а это сообщаетъ вину дурной вкусъ и содѣйствуетъ къ его окисленію. Доселѣ Грузины были слишкомъ безпечны для того, чтобъ разливать вино въ бочки, — единственное средство уберечь его и улучшить. А горы ихъ доставляютъ превосходный лѣсъ для дѣланія всякаго рода бочекъ; стоитъ лишь отправить туда бочаровъ.» Это и сдѣлано было Гамбою, который привезъ бочаровъ съ собою; но въ Грузіи, какъ и вездѣ, грубое невѣжество и предразсудки — самые закоснѣлые враги всякой благой перемѣны.

«Каменные козлы и серны, продолжаетъ Нѣмецкій путешественникъ, бродятъ около истоковъ большихъ

рѣкъ. Олени, лани и сайги живутъ у подошвы известковыхъ горъ и около мысовъ. Волкъ, лисица, дикая кошка, рысь и медвѣдь водятся въ лѣсахъ небольшими стадами, но вообще попадаются довольно рѣдко; есть также ежи, зайцы, полевыя крысы. На высокихъ горахъ птицы весьма малочисленны; есть только галки и сои; зеленый щуръ обыкновенно прыгаетъ между утесовъ. Горцы не разводятъ другой домашней птицы, кромѣ куръ, утокъ и гусей, да и то въ небольшомъ количествѣ, по причинѣ вреда, какой наносятъ они посѣву. Здѣсь видно только два сорта рыбы: сазанъ и кутерма. Сазанъ идетъ, быть-можетъ, съ Каспійскаго моря, равно какъ и семга, которую ловятъ зимою въ рѣкахъ высокихъ горъ; но кутерма особенно принадлежитъ здѣшнему краю. Изъ числа земноводныхъ, попадаются однѣ лягушки, да ящерицы, которыхъ по лугамъ довольно много. Кавказъ страхъ какъ бѣденъ насѣкомыми, за изъятіемъ нѣкоторыхъ породъ мухи. Во второстепенной полосѣ и смежныхъ съ нею равнинахъ водится очень много слѣпней, но нѣтъ здѣсь ни комаровъ, ни мошекъ, которыя сущая чума на берегахъ нижняго Терека.

« Озера, на высокихъ горахъ обыкновенно весьма частыя, составляютъ большую рѣдкость на Кавказскомъ хребтѣ, потому что правильное расположеніе его и постоянное направленіе отъ сѣверозапада къ юговостоку препятствуетъ образованію замкнутыхъ долинъ, въ которыхъ могли бы накопляться воды и составлять стоячія или проточныя озера. На Кавказѣ извѣстно намъ только одно малень-

кое озеро къ югу отъ горы Хохи; изъ него выходитъ Патара-Ляхви.»

Многіе народы различнаго происхожденія обитаютъ на Кавказѣ. Турецкія племена поселились въ округахъ, лежащихъ у подошвы горъ, а именно въ восточной части; ихъ обыкновенно называютъ Татарами; они живутъ между прочимъ въ Ширванѣ (Л. XLI—2). Далѣе къ сѣверу найдете Кумыковъ, имѣющихъ постоянныя селенія; они земледѣльцы, держатъ мало скота и промышляютъ ловлею въ рѣкахъ, которыя очень рыбны. На западъ обитаютъ Басіаны. Эти племена повинуются многимъ мелкимъ князькамъ, которые вообще не согласны между собою, но всѣ признаютъ верховную власть Россійскаго Императора.

Весь гористый край, между Кой-су, Алазанью и равнинами при Каспійскомъ морѣ, населенъ Лезгинами. Этотъ народъ дѣлится на множество маленькихъ племенъ, которыя повидимому съ незапамятныхъ временъ водворились на Кавказѣ, но вѣроятно часто мѣшались съ обломками другихъ народовъ, приходившихъ въ предѣлы этихъ горъ.

Подобно всѣмъ Кавказцамъ, Лезгины свирѣпы, жестоки и преданы грабительству; они храбрѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, мастера управлять конемъ, но не хуже несутъ и пѣхотную службу. До занятія Кавказскаго перешейка Русскими, дружбы Лезгинъ искали всѣ воюющіе государи.

Лезгины, по большой части, мусульмане; есть однако жъ и такіе, у которыхъ нѣтъ повидимому ни какой религіи, или замѣтны только слабые остатки христіанства. Гостепріимство и право возмездія или отместка

поддерживаютъ здѣсь тонкія нити общественныхъ узъ; простой и строгій образъ жизни сохраняетъ чистоту нравовъ и прямодушіе.

Нѣкоторыя изъ Лезгинскихъ племенъ повиновались прежде царямъ Грузинскимъ. Русскіе также покорили ихъ своей власти; они платятъ подать шелкомъ, который не весьма хорошъ и отсылается правительствомъ въ Москву для продажи.

Кисты или Мицджеги, къ западу отъ Лезгиновъ, быть-можетъ, еще болѣе послѣднихъ заслуживаютъ имя настоящихъ разбойниковъ; особенно племя Чеченцевъ неукротимо доселѣ: для усмиренія ихъ надлежало учредить военную линію по рѣкѣ Сунджѣ, впадающей въ Терекъ. Ингуши, самые западные изъ всѣхъ Мицджеговъ, почти совершенно покорны Россіи.

Къ западу отъ Кистовъ и отъ верхняго Терека живутъ Осеты или Уцсы, сами себя называющіе Иронами, а прежде извѣстные подъ именемъ Алановъ, Асовъ или Яссовъ. Они обитаютъ въ деревняхъ, подъ, управленіемъ одного или двухъ старшинъ; неблагодарная почва ихъ содѣлываетъ полеводство весьма тягостнымъ и безприбыльнымъ: часто терпятъ они голодъ. Стада барановъ составляютъ главное ихъ богатство; они промѣниваютъ ихъ въ Грузіи и въ Имеретіи, равно какъ у Черкесовъ и у Армянъ, на припасы и на товары, въ которыхъ имѣютъ надобность.

Изъ всѣхъ народовъ Кавказскихъ знаменитѣйшій Черкесы, которые на собственномъ языкѣ своемъ называются *Адиге*. Сосѣдственные Осеты и Мингрельцы именуютъ ихъ Казахами, а писатели Среднихъ Вѣковъ разумѣютъ ихъ подъ именемъ Зиховъ. Впрочемъ

еще за двадцать шесть лѣтъ до Рождества Христова Страбонъ упоминаетъ здѣсь о Зигахъ. Грузинскія лѣтописи называютъ ихъ Джиками, а Черкесскій берегъ Джикетью.

Черкесы простирались прежде гораздо далѣе нынѣшняго къ сѣверу отъ Кавказа и, слѣдственно, жили отчасти на Европейской землѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1777 году Русскіе учредили военную линію, названную по имени этого хребта, область ихъ была стѣснена, и они лишились обширныхъ пажитей. Черкесы, разсѣянные по равнинѣ, то есть, Кабардинцы, дали присягу на подданство Россійской державѣ и представили аманатовъ; они и теперь спокойно живутъ подъ ея владычествомъ, но горцы все еще сохраняютъ прежній образъ жизни. Послѣ многихъ опытовъ къ укрощенію ихъ мирными средствами, Россія употребила наконецъ рѣшительныя военныя мѣры. Черкесы защищаютъ ущелья свои съ такою храбростью, которая обратила на себя вниманіе всего міра и остановила бы можетъ быть всякое другое войско, кромѣ Русскаго: не смотря на нѣкоторыя частныя удачи горцевъ, предѣлы независимой Черкесіи въ послѣднее время становятся годъ отъ году тѣснѣе.

Россія требуетъ отъ нихъ прекращенія грабежей; но такое требованіе кажется чрезмѣрнымъ для людей, у которыхъ грабежъ и первая необходимость, и первая добродѣтель.

«Черкесскія поколѣнія, то есть тѣ народы Кавказа, которые близки одинъ къ другому по сродству

одного общаго языка, суть собственные Черкесы, или Адиге, Кабардинцы, Абазы и Абхазы.

« Языкъ, которымъ говорятъ эти четыре большія отрасли, имѣетъ болѣе или менѣе сходства: въ немъ найдете и корни и формы общія. Всѣ они приближаются къ Финскому разряду языковъ болѣе, нежели къ какому нибудь другому; въ особенности замѣтно сходство съ Вогульскимъ и Остякскимъ языками.

« Кабардинское нарѣчіе весьма мало разнствуетъ отъ собственнаго Черкесскаго; напротивъ два остальныя, имѣя большое сходство между собою, представляютъ значительную разность съ двумя другими, — такую разность, что только при глубокомъ изученіи можно убѣдиться въ томъ, что они принадлежатъ къ одной и той же отрасли.

« Ни одинъ языкъ не казался мнѣ труднѣе Черкесскаго въ произношеніи и въ письмѣ. Ничто такъ не измѣнчиво, какъ его гласныя и двугласныя, подверженныя безднѣ оттѣнковъ въ выговорѣ и акцентуаціи, которыя весьма трудно уловить Европейскому уху. Звукъ гласной-то долгій, то короткій, то жесткій сухой, то мягкій, картавый (grasseyé), глухой, съ придыханіемъ, и каждый изъ этихъ оттѣнковъ можетъ измѣнять значеніе слова. Тутъ я готовъ найдти нѣчто подобное тому, что разсказываютъ о Китайскомъ. Гортань Европейца не способна передать звукъ нѣкоторыхъ горловыхъ и поднебныхъ буквъ, выражаемыхъ совершенно особымъ измѣненіемъ голоса и какимъ-то прищелкиваніемъ *.»

* Путешествіе вокругъ Кавказа Дюбуа-де-Монперё (Voyage autour du Caucase etc).

Собственно такъ называемые Черкесы, вслѣдствіе безпрерывной борьбы съ Ногайскими Татарами, Турками и Русскими, оттѣснены въ уголъ, заключенный между Чернымъ Моремъ съ одной стороны и Кубанью съ другой. Обитая на крылѣ Кавказа, исчезающемъ близъ устьевъ Кубани и окраяемомъ узкой полосою морскаго берега на двѣсти восемьдесятъ верстъ въ длину, племена ихъ простираются внутрь не далѣе первыхъ вершинъ главнаго кряжа. Оштенская купа составляетъ границу ихъ съ Абхазами и Абазами; далѣе къ сѣверу, Лаба отдѣляетъ ихъ отъ Ногайскихъ Татаръ.

Главныхъ Черкесскихъ племенъ считаютъ пятнадцать: отъ Анапы почти до Суджукъ-Кале́ живутъ Шегаки, или приморскіе; за ними до Пшада и къ сѣверу до Кубани Натухаджи; за Пшадо́мъ начинается третій и главный родъ Черкесскій, племя Шапсуговъ; потомъ слѣдуютъ Убухи, Сахи, Ардоны, и прочія. О населенности Черкесіи, разумѣется нельзя сказать ничего вѣрнаго, хотя приблизительно и полагаютъ общее число народа около пятисотъ тысячъ душъ.

Многіе путешественники, начиная съ XVI вѣка и до нашего времени, говорили о Черкесахъ. Новѣйшими свѣдѣніями объ этомъ народѣ обязаны мы Г-мъ дюбуа-де-Монперё (Dubois de Montpereux) и Спенсеру. Послушаемъ перваго: «Обыкновенно представляютъ себѣ Черкесовъ скопищемъ разбойниковъ, декарей безъ совѣсти и безъ закона. Это — несправедливое мнѣніе. Нынѣшній бытъ земли Черкесской даетъ намъ понятіе о гражданственности Германіи и

Франціи подъ властію ихъ первыхъ королей; это родъ Феодальной, рыцарской аристократіи Средняго Времени, это героическая аристократія древнихъ Грековъ.

«Общественное устройство чисто Феодальное. Духъ кастъ является здѣсь съ такой же строгостью, какъ древле во Франціи и въ Германіи. Князья, старое дворянство, отпущенники, холопы (les serfs) и рабы составляютъ пять отдѣльныхъ классовъ.

«Титло князя (*пшехъ, пши*—по-Черкесски) пріобрѣтается нынѣ только рожденіемъ. Поэтому князья чрезвычайно разборчивы въ супружествахъ, заботясь о соблюденіи чистоты своихъ родословій. Они женятся лишь на ровняхъ, а союзъ съ низшими считаютъ за великое безчестіе. Могущество ихъ зависитъ отъ числа вассаловъ, родственниковъ и друзей, которыхъ они могутъ выставить въ оружіи. Если нѣтъ сыновей, дочери передаютъ иногда княжеское достоинство тѣмъ, за кого выходятъ замужъ; но такой санъ считается ниже пріобрѣтеннаго воинскими подвигами.

«Второй разрядъ составляютъ дворяне, *воркъ*, изъ коихъ нѣкоторые снискиваютъ большую силу чрезъ родственные союзы съ многочисленными семьями. Они оруженосцы (écuyers) князей, и прислуживаютъ имъ за столомъ.

«Классъ отпущенниковъ или освобожденныхъ заключалъ въ себѣ холопей (serfs), которые получали свободу за услуги, или, бывъ проданы въ рабство, возвращались домой съ какимъ-нибудь достояніемъ, на которое пріобрѣтали землю. Свобода переходила

на потомство ихъ, и они пользовались одинаковыми правами съ дворянствомъ.

«Четвертый классъ, классъ вассаловъ или холопей, подобныхъ тѣмъ, какіе существовали во время Феодализма въ Европѣ, живетъ изъ рода въ родъ въ зависимости у какого-нибудь князя или дворянина, въ мирное время обработывая его поля, а въ военное выходя на его защиту. Каждый изъ нихъ владѣетъ участкомъ земли и извѣстнымъ количествомъ скота, на которые господинъ не имѣетъ ни какого права, равно какъ и на самаго вассала и его семью, которые, въ случаѣ неудовольствія, свободны уходить на житье, куда разсудятъ. Только въ наказаніе и по приговору суда господинъ можетъ продавать ихъ; но въ такомъ случаѣ дѣло должно быть изслѣдовано міромъ.

«Эти четыре сословія мало разнствуютъ одно съ другимъ въ одеждѣ и домашней жизни; между ними господствуетъ даже совершенное равенство: такъ нечувствительно вліяніе князей и дворянъ на ихъ вассаловъ. Все основано на довѣренности, на патріархальномъ убѣжденіи; вся власть установлена древними обычаями.

«Пятый классъ есть классъ рабовъ, *чо'ххотль:* каждый иноземецъ, который отважиться вступить въ этотъ край, не имѣя тамъ знакомаго хозяина или конака, готовитъ себѣ вѣрную неволю. Князья и дворяне ежедневно умножаютъ число рабовъ набѣгами на Рускую землю: плѣнные — источникъ богатства для владѣтеля, продастъ ли онъ ихъ Туркамъ, или оставитъ у себя и женитъ для размноженія своихъ вассаловъ.

«Всѣ князья равны между собою, дворяне также. Въ этой огромной массѣ народа, имѣющей, какъ должно думать, около ста тысячь человѣкъ, годныхъ къ оружію, нѣтъ ни единой головы, способной устроить общій союзъ, общій планъ нападенія или отпора; каждый князь, каждый дворянинъ, даже каждый отпущенникъ самъ себѣ хозяинъ и повинуется только самому себѣ. Такимъ образомъ тысячи различныхъ интересовъ раздѣляютъ этотъ народъ на множество племенъ и независимыхъ родовъ, ревнующихъ между собою, боящихся за свою независимость и часто разлученныхъ навсегда ужаснымъ закономъ крови, закономъ мщенія, который увѣковѣчивается взаимной ненавистью поколѣній (и наоборотъ служитъ пищею этой ненависти).

«Духъ независимости и недовѣрія замѣчается у нихъ во нравахъ, въ жилищахъ, въ законодательствѣ.

«Черкесія и теперь, какъ во время Интеріано, писавшаго въ шестнадцатомъ столѣтіи, не имѣетъ ни городовъ, ни мѣстечекъ, ни деревень въ собственномъ значеніи. Край кажется сначала весьма лѣсистымъ, пототу что каждый Черкесъ, желая жить отдѣльно и у себя дома, выбираетъ мѣсто подальше отъ сосѣда и ставитъ жилье среди купы прекрасныхъ деревъ, столь обыкновенныхъ въ этомъ краѣ, и притомъ невдалекѣ отъ лѣса, куда бы укрыться семьѣ его въ случаѣ нападенія.

«Домъ — изъ дерева или просто изъ плетня, обмазаннаго глиной; крыша изъ досокъ, прикрытыхъ соломой и обрѣшеченныхъ. Единственнымъ украшеніемъ стѣнъ въ княжескихъ жильяхъ служатъ разнаго рода оружія, кольчуги, луки, стрѣлы, и прочая, развѣ-

шенныя, какъ у Улисса, на гвоздяхъ. Сила князя видна изъ числа его домовъ: не только для него, для семьи его, для оруженосцевъ и вассаловъ, но даже и для пріѣзжихъ есть для каждаго особый домъ, гдѣ онъ оказываетъ или встрѣчаетъ гостепріимство. Слабый тынъ, окружающій такую усадьбу, составляетъ единственный оплотъ противъ всякаго нападенія.

«Черкесъ обработываетъ землю около жилья для посѣва на ней проса или пшеницы, стараясь всегда, чтобы вокругъ поля былъ рядъ деревъ и для защиты, и для доставленія ему влажности, необходимой въ такомъ климатѣ. Лучшія деревья оставляетъ онъ въ одиночку даже среди полей. Съ морской стороны нѣтъ ничего живописнѣе этихъ скатовъ лѣсистыхъ долинъ, по которымъ стелятся поля съ разными оттѣнками зелени. Только изрѣдка видны домы между листьевъ.

«Извѣстное число такихъ жилищъ, разсѣянныхъ вдоль и поперекъ, но зависящихъ отъ одного князя или связанныхъ одинакими выгодами, даже какими-нибудь мѣстными обстоятельствами, принимаютъ одно общее имя, всего чаще отъ рѣки, текущей по близости....

«Холопъ обработываетъ поле своего князя и обязанъ древними обычаями къ извѣстному оброку натурой; но первый долгъ его сопровождать и защищать господина въ сраженіи.

«Воспитаніе дѣлаетъ изъ благороднаго Черкеса атамана разбойниковъ, гверилью (guerillas). Натухаджи, Шапсуги и Абадзехи вмѣняютъ себѣ за славу воротиться изъ набѣга съ бременемъ добычи и плѣн-

никовъ; это у нихъ единственный талантъ, единственная наука для князей, равно какъ и для вассаловъ. Какъ скоро положатъ предпринять набѣгъ на Русскихъ или на враждебныхъ Черкесовъ, совѣтъ, который сходится по этому случаю, выбираетъ начальника только на время похода. Выборъ свободенъ и падаетъ обыкновенно на того князя или помѣщика, который умѣлъ составить себѣ сильнѣйшую партію.

«Женясь, какъ въ Лакедемонѣ, благородный Черкесъ не долженъ быть видимъ у жены; онъ можетъ посѣщать ее украдкою, и весьма невѣжливо заговорить съ нимъ о супругѣ или даже спросить объ ней что-нибудь. Только лѣта могутъ нѣсколько умягчить строгость этого обыкновенія.

«Князья обыкновенно поручаютъ малолѣтныхъ сыновей своихъ вассаламъ, которые увозятъ ихъ къ себѣ, учатъ всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ, верховой ѣздѣ, военнымъ хитростямъ въ гибельныхъ набѣгахъ: это Пелей, передающій Ахилла кентавру Хирону. Такой же способъ воспитанія существуетъ у Абхазовъ и отчасти у Грузинъ.

«Наставникъ, по-Турецки *аталыкъ*, часто и женитъ своего питомца. Пріискавъ ему невѣсту, онъ похищаетъ ее съ помощію друзей, и потомъ, сдѣлавъ съ ними складчину, платитъ за нее калымъ ея родителямъ, состоящій по уговору изъ ружей, сабель, быковъ, лошадей и т. д. Наставникъ отвѣчаетъ головою, если питомецъ вступилъ отъ него въ неровный бракъ.

«Мужъ, который не найдетъ въ новобрачной непорочности, имѣетъ право, удержавъ калымъ, отослать ее къ родителямъ, а тѣ убиваютъ ее или продаютъ.

«Отецъ обыкновенно видится съ сыномъ не прежде его женитьбы, когда послѣдній возвращается въ отчій домъ. Пріѣздъ его торжествуютъ большимъ пиромъ, на который приглашаютъ всѣхъ родныхъ и съ котораго *аталыкъ* ѣдетъ всегда обремененный дарами и пользуясь въ семьѣ своего питомца нѣкоторой степенью родства навѣки нерушимо: если онъ холопъ, его возводятъ въ дворянство. . .

«Береговой Черкесъ довольно высокъ; у него красивый, стройный станъ, и онъ всегда старается увеличить этотъ родъ красоты, стягиваясь кожанымъ поясомъ. Походка его легка и граціозна; онъ, какъ Магометане, брѣетъ голову, отращивая усы и черную бороду, которая впрочемъ весьма негуста. Глаза у него тоже черные и впалые, носъ не очень длинный, тонкій и хорошо очертанный. Челюсть длинна и довольно рѣзко означена. Каштановые волосы и борода здѣсь также не рѣдкость.

«Черкесъ — лихой всадникъ и добрый пѣхотинецъ. Одежда его и теперь еще состоитъ изъ узкихъ панталонъ и полукафтанья древнихъ племенъ Германскихъ. Дома онъ не носитъ при себѣ инаго оружія, кромѣ кинжала; но выѣзжая, онъ беретъ полное вооруженіе и никогда его не покидаетъ. Нѣкоторые князья носятъ еще кольчугу и шеломъ (Л. XLII—3).

«Все богатство Черкесъ поставляетъ въ оружіи и въ коняхъ. Тотъ самый, у кого едва есть одежда и лачуга для убѣжища, держитъ у себя ружье въ несколько сотъ рублей цѣною, сабли и кинжалы превосходные. Сабля, или шашка, виситъ у него по-Турецки на боку. Ружье носитъ онъ на перевязи въ

чахлѣ изъ чернаго войлока. Кинжалъ у него за поясомъ, на которомъ виситъ сверхъ-того винтовое огниво, кожаная сумочка съ трутомъ и кремнемъ, ножъ во влагалищѣ, или *печакъ* Бахчисарайскій, кисетъ и наконецъ ящичекъ изъ серебра съ чернью, гдѣ хранится у него сало для подмазки пуль, чтобъ лучше скользили. Въ рукѣ держитъ онъ маленькую сошку изъ двухъ тонкихъ палочекъ, на которую ставитъ ружье для прицѣла.»

Шапочка опушена длинноволосымъ мѣхомъ, который виснетъ на чело. Въ дорогу сверхъ платья надѣвается валяная бурка, называемая по-Черкесски *джако* (Л. XLII — 3).

«Черкесскія женщины спорятъ въ красотѣ съ Грузинками, и трудно рѣшить, которой изъ двухъ сторонъ отдать пальму. Тебу де Мариньи (Taitbout de Marigny), видавшій Черкешенокъ лучше кого другаго, говоритъ согласно съ Палласомъ, что голова у нихъ продолговатая, черты рѣзкія и правильныя; глаза, по большей части, черные, блестящи и прекрасны въ разрѣзѣ: Черкешенки сознаютъ въ нихъ одно изъ сильнѣйшихъ оружій своихъ противъ мужчинъ. Брови хорошо означены, цвѣтъ кожи имѣетъ оливковатый оттѣнокъ.

«Молодыя дѣвушки съ десяти или двѣнадцати лѣтъ начинаютъ носить корсетъ или широкій кожаный поясъ, зашитый наглухо по голому тѣлу; дѣвицы высшаго сословія прикрѣпляютъ его серебряными застежками. Этотъ корсетъ до того стягиваетъ имъ станъ, что нѣтъ женщинъ тонѣе Черкешенокъ; зато онъ стѣсняетъ и бюстъ ихъ до такой степени, что

препятствуетъ его развитію. У всѣхъ незамужнихъ грудь совершенно плоска; это поразитъ васъ съ перваго взгляда. Только въ день свадьбы супругъ имѣетъ право распороть корсетъ остріемъ своего кинжала. Для сохраненія тонины, необходимой принадлежности Черкесскихъ красавицъ, молодымъ дѣвушкамъ даютъ скудную пищу: только молоко, пирожки, да кисель изъ проса.

«Женскій станъ, какъ мы говорили, долженъ быть тонокъ надъ бедрами, но нижняя часть туловища должна быть толста и животъ на выкатѣ, чтó по-нашему совсѣмъ не красиво.

«Волосы висятъ въ косицахъ, какъ у Татарокъ. Черкешенки носятъ рубашку, *завязанную снуркомъ*, и широкія шаравары, которыхъ не закрываетъ верхнее платье, пристегиваемое поясомъ (Л. XLII—3).

«Дѣвушки учатся у аталыковъ своихъ вышивать, ткать голуны, шить платье, плести корзины, соломенныя рогожки и дѣлать разныя другія работы, свойственныя ихъ полу. Онѣ не въ заперти какъ на Востокѣ; напротивъ, участвуя въ забавахъ вмѣстѣ съ молодыми людьми, онѣ отнюдь не робки и не застѣнчивы; часто онѣ прислуживаютъ гостямъ своихъ родителей.

«Пляска ихъ такова жъ, какъ и у прочихъ племенъ Кавказскихъ; пляшущіе стараются дѣлать всѣ возможные па и скачки, подобно казакамъ, которые любимый танецъ свой заимствовали быть-можетъ съ Черкесскаго. Ихъ музыка состоитъ изъ трехструннаго гудка, дудки и бубна, какъ у Нагайскихъ Тата-

ровъ: все это раждаетъ не слишкомъ пріятную гармонію.

«У Черкесовъ есть и трубадуры, *кикоакоа*, уважаемые всѣми партіями и даже ворами. Они ходятъ съ двухструнной или трехструнной гитарой и, показавъ ее, имѣютъ вездѣ свободный пропускъ. Пѣсни ихъ безъ риѳмъ; въ нихъ сохраняются извѣстныя эпохи исторіи народа и древнія преданія.

«Черкесъ, какого бы онъ ни былъ сословія, лѣнивъ и несетъ какъ можно менѣе тяжелой работы; онъ лучше поищетъ удачи въ грабежѣ, чѣмъ взяться за ремесло, которое давало бъ кусокъ хлѣба: въ особенности замѣтно это у Натухаджей, Шапсуговъ, Убуховъ, у всѣхъ горскихъ племенъ, обиженныхъ почвой. Тамъ селянинъ предоставляетъ женщинамъ почти всѣ заботы по хозяйству: онѣ даже пашутъ землю заступами, по неимѣнію сохи. Тогда эти трудолюбивыя хозяйки скидаютъ даже шаравары, чтобъ не изорвать ихъ, и остаются въ однѣхъ рубашкахъ.

«Изъ этого можно видѣть, что женщина у Черкесовъ, равно какъ и другихъ народовъ, поставляющихъ славу свою въ грабежѣ, весьма унижена передъ мужчиною; она скорѣе слуга его, нежели подруга.

«Мы уже говорили, что женъ покупаютъ здѣсь за калымъ, составляющій иногда нѣсколько тысячь франковъ; отъ этого обычая до продажи дочери или племянницы чужеземцу одинъ шагъ.

«Страбонъ, Прокопій, Интеріано и всѣ новѣйшіе писатели говорятъ о торгѣ невольниками у Черкесовъ. Торгъ этотъ сталъ потребностію для здѣшня-

го народа; однако жъ есть извѣстные предѣлы, за которые не ступитъ ни одинъ Черкесъ.

«Никогда князь или дворянинъ не продадутъ ни сына, ни дочери, которые не навлекли себѣ гнѣва ихъ тяжкими винами. Отецъ имѣетъ однако жъ это право надъ дѣтьми; но только бѣдные люди употребляютъ его въ пользу, часто вынужденные нищетой или ожесточенные разбоемъ. Молодая дѣвушка не всегда смотритъ на варварскій поступокъ отца съ невыгодной точки зрѣнія: если она хороша собой, то надѣется занять мѣсто въ Турецкомъ гаремѣ, а мало ли было проданныхъ подобно ей, которыя возвращались домой съ небольшимъ имѣніемъ и потомъ тѣшили молодежь расказами о блестящей внутренности гаремовъ.

«Братъ также въ правѣ продать сестру, если у нихъ уже нѣтъ родителей; мужъ продаетъ жену за нарушеніе вѣрности.

«Но никогда Черкесъ не продаетъ другаго Черкеса; въ противномъ случаѣ, законъ кровавой мести грозитъ ему наровнѣ съ убійцею....

«Черкесъ имѣетъ это право только надъ рабомъ и надъ плѣннымъ; но не всегда продаетъ и ихъ. Русскихъ здѣсь очень любятъ: они смышлены и способны къ работѣ. Черкесъ умѣетъ цѣнить эти качества, и если замѣтитъ въ плѣнномъ усердіе, онъ отнюдь не поступаетъ съ нимъ жестоко; напротивъ изъ собственной выгоды обходится съ нимъ хорошо, готовъ уступить ему даже свое платье, лишь бы онъ остался, и въ особенности старается женить новопришельца, полагая, что жена и дѣти удержатъ его лучше всего другаго. Впрочемъ тутъ есть у него и другая

цѣль: дѣти, родящіяся отъ плѣннаго, также невольники и составляютъ собственность, которою господинъ можетъ располагать. Онъ и дѣлаетъ это безъ зазрѣнія: дѣти плѣнныхъ, какъ скоро они хороши собой, разлучаются отъ родителей и воспитываются въ другомъ мѣстѣ, а потомъ идутъ въ продажу къ Туркамъ, которые покупаютъ много этихъ несчастныхъ жертвъ. Такой варварскій обычай распространенъ и у Абхазовъ; Мингрельцы и Гурïельцы дѣлали бы то же самое, если бъ Россія не приняла противъ нихъ строгихъ мѣръ.

« Законы Черкесскаго рыцарства, какъ называетъ его Палласъ, основываются на трехъ главныхъ началахъ: на гостепріимствѣ, уваженіи къ старцамъ и правѣ мести.

« Хозяинъ защищаетъ гостя съ опасностію собственной жизни и за смерть его мститъ какъ за гибель ближайшей родни. Чужеземецъ, который успѣетъ отдать себя подъ защиту женщины или только коснется устами ея груди, обезпеченъ въ ея домѣ какъ родной братъ, хотя бы онъ былъ врагомъ той семьи или даже убійцею одного изъ ея членовъ.

« Извѣстно, что̀ такое законъ крови, или возмездія; но нигдѣ законъ этотъ не исполняется такъ строго и яростно, какъ у Черкесовъ и вообще у Кавказскихъ племенъ. Всякая пролитая кровь требуетъ мести; ближайшій родственникъ наслѣдуетъ при рожденіи обязанность истребить рано или поздо виновника смерти убитаго; хозяинъ долженъ мстить за гостя силою или хитростью, иначе его изгоняютъ какъ труса. Ненависти, передаваемыя изъ рода въ родъ, становятся иногда дѣломъ цѣлаго

племени, цѣлой касты; и если бъ во время такой усобицы виновный умеръ, месть не смотря на то должна совершиться: она падаетъ на ближайшаго сродника его и такъ далѣе, пока кровь омоется кровью или искупится цѣной, назначенной посредниками, или наконецъ враждующія стороны примирятся посредствомъ брака.

«Этимъ ужаснымъ правиламъ должно приписывать безпрерывную вражду, страхъ и недовѣріе, всегда господствующіе между племенами и родами Черкесскими. Никто не выходитъ безъ оружія. Князья и помѣщики всего страшнѣе въ случаѣ мести: они никогда не принимаютъ *тхлиль уассу*, выкупъ или цѣну крови, всегда требуя крови за кровь.

«Это антихристіанское начало мести, съ перваго взгляда, являетъ странную противоположность съ любовью къ гостепріимству и уваженіемъ къ старикамъ; между тѣмъ оно непосредственно изъ нихъ вытекаетъ: чрезмѣрное уваженіе къ гостю, сроднику или другу побуждаетъ Черкеса мстить за нанесенную имъ обиду и омывать ее въ крови.

«Обычай (единственный законъ Черкесовъ) предписываетъ наказывать обнаруженную кражу взысканіемъ цѣнности, въ нѣсколько разъ большей похищеннаго; но кража не обнаруженная вмѣняется, какъ и у Спартанцевъ, въ похвалу. По словамъ Г-на Тебу де Мариньи, дѣвушка ничѣмъ такъ сильно не укоритъ молодаго человѣка, какъ сказавъ ему, что онъ не съумѣлъ еще украсть ни одной коровы. Между лицами, связанными родствомъ, дружбою, гостепріимствомъ, собственность свято уважается.

«Черкесскій берегъ искони былъ занятъ морскими разбойниками. Военный корабль, на которомъ я плылъ, дважды получалъ приказъ преслѣдовать Черкесскія галеры, и я имѣлъ случай наблюдать ихъ, сколько душѣ угодно. Онѣ велики и вмѣщаютъ обыкновенно отъ шестидесяти до семидесяти человѣкъ; идутъ только на веслахъ и шныряютъ вдоль берега, чтобы не быть видимымъ. Говорятъ, одна Мамайская пристань можетъ вооружить ихъ до пятидесяти.»

Трудно сказать, какой вѣры Черкесы. Нѣкогда были они обращены къ христіанству, но потомъ забыли его вмѣстѣ съ повиновеніемъ царямъ Грузинскимъ и возвратились къ своимъ древнимъ суевѣріямъ. Рускіе миссіонеры имѣли нѣкоторый успѣхъ въ равнинахъ, но ревность ихъ встрѣтила неодолимую преграду въ горахъ. Исламъ проникъ только къ князьямъ и дворянству, а простолюдины доселѣ язычники.

Кавказскій хребетъ оканчивается къ сѣверозападу мысомъ, за которымъ зеленѣетъ Таманская равнина, принадлежащая къ Европѣ. Мы упоминаемъ объ ней только потому, что на сосѣднемъ полуостровѣ замѣчаются тѣ же явленія, какъ и на юговосточной оконечности хребта: здѣсь много ключей горнаго масла и грязныхъ сопокъ; землетрясенія часто случаются.

Анапа — первый портъ, встрѣчаемый на берегу Черкесіи; онъ не вдалекѣ отъ устья Кубани. Турки основали этотъ городъ въ 1784 году, по занятіи Русскими Тамани, бывшей прежде главнымъ торжищемъ для Черкесовъ. Обладаніе Анапой, присовокупляетъ Г. Гамба, было для Турковъ тѣмъ важнѣе, что пристань эта служила имъ средствомъ сообщенія не только съ

мусульманскими народами на Кавказѣ, но съ другими, живущими гораздо далѣе.

По мирному договору, заключенному въ 1829 году съ Оттоманскою имперіей, Россія приобрѣла Анапу и содержитъ въ ней сильный гарнизонъ. Англійскій путешественникъ, Г. Э. Спенсеръ, который въ 1836 году плавалъ въ тѣхъ мѣстахъ на Русскомъ военномъ суднѣ, расказываетъ, что «сосѣднія высоты, находившіяся въ рукахъ Черкесовъ, были унизаны вооруженными людьми, которые повидимому изумились появленію маленькаго флота. Вѣроятно, продолжаетъ онъ, приняли они матрозовъ и пассажировъ за солдатъ, потому что во всѣ стороны скакали всадники, какъ бы для того, чтобъ ударить тревогу. Между тѣмъ толпа вскорѣ скрылась, и осталось лишь нѣсколько часовыхъ на высотахъ, для надзора за нашими движеніями.»

Въ осми миляхъ къ сѣверовостоку отъ Анапы находится Суджукъ-кале. Мысъ Тауба замыкаетъ входъ въ бухту, гдѣ суда, восемь мѣсяцевъ въ году, могутъ стоять въ совершенной безопасности. «Этотъ, городъ говоритъ Г. Спенсеръ, по мѣстоположенію своему чрезвычайно удобенъ и для складки товаровъ и для учрежденія военнаго поста, чтобы держать въ повиновеніи окрестную страну или защищать ее отъ нападеній съ моря; но для совершенной безопасности города необходимо обладать высотами, господствующими надъ входомъ въ пристань и укрѣпить ихъ.»

Далѣе къ юговостоку есть другой заливъ, у Геланджика, охраняемый отъ сѣверныхъ и южныхъ вѣтровъ двумя мысами; одни юговосточные вѣтры

имѣютъ къ нему доступъ. Въ 1813 году, одинъ Генуэзецъ, именемъ Скасси, хотѣлъ учредить здѣсь торговое заведенiе: мысль его была та, чтобъ смягчить торговлею нравы Черкесовъ, а за ними и другихъ племенъ Кавказскихъ.

Этотъ проектъ, представленный дюку де-Ришельё, тогдашнему начальнику всего Новороссiйскаго края, былъ хорошо принятъ со стороны этого государственнаго человѣка, который въ битвахъ съ горцами убѣдился въ возвышенности чувствъ ихъ, не смотря на то, что она часто подавлялась страстiю къ грабежу; дюкъ полагалъ, что безпрерывные набѣги ихъ зависятъ не столько отъ ихъ воинственнаго духа и удобности скрываться въ горахъ, сколько отъ крайнихъ нуждъ, до которыхъ они дошли чрезъ стѣсненiе ихъ предѣловъ и чрезъ недостатокъ внѣшней торговли для сбыта произведенiй охоты и лѣсовъ. На такомъ основанiи, онъ подкрѣпилъ своимъ ходатайствомъ проекты Г-на Скасси; они были утверждены блаженной памяти Императоромъ Александромъ, и тогда же приступлено къ исполненiю; но дѣло шло такъ медленно, что не представляло ни какой надежды на успѣхъ, когда послѣдняя война съ Турками снова обнаружила непрiязненность горцевъ, которые стояли противъ Россiи въ рядахъ Турецкихъ войскъ.

Въ пяти миляхъ къ юговостоку отъ Гелинджика открывается заливъ Пшадскiй, на берегахъ котораго Скасси основалъ свое заведенiе для доставки флоту корабельныхъ лѣсовъ; оно было разрушено вслѣдствiе неудовольствiй за похищенiе одной молодой княжны прикащикомъ его конторы. Когда Г. Спенсеръ посѣ-

щалъ этотъ берегъ, пристань была во власти Черкесовъ. Генералъ Вельяминовъ занялъ и укрѣпилъ ее въ 1837 году.

Заливъ Щубешь или Зубашь, первый, попадающійся на Абхазскомъ берегу, довольно безопасенъ; далѣе лежитъ Мамайскій заливъ, который гораздо открытѣе, но посѣщается только лѣтомъ. Въ мирное время можно получать здѣсь въ обмѣнъ за соль прекрасныя строевыя деревья. Между Мамаемъ и Ардлеромъ лежитъ нѣсколько губъ или бухточекъ, куда ходили прежде Турецкія суда за лѣсомъ и за мѣхами.

Насупротивъ глубокой Камышлярской губы являются въ первый разъ снѣжные верхи Кавказа. Абхазская вѣтвь его представляетъ непрерывный рядъ разорванныхъ скалъ, безпорядочно усѣянныхъ діоритомъ и порфиромъ. Оштенъ образуетъ передній уголъ его къ сѣверозападу, а Джумантау къ юговостоку; другія вершины, мѣстами выложенныя льдомъ и дающія истокъ большому и малому Зеленчуку, вѣнчаютъ средину, прорѣзываясь изъ-подъ чернаго сланца, который какъ рама окоймляетъ горныя долины.

Лѣса всходятъ очень высоко и опушаютъ прекрасной зеленью сѣдыя главы Оштена. Нѣсколько ярусовъ другихъ, не столь высокихъ горъ, одѣтыхъ лѣсомъ вплодь до верху, спускаются уступами къ морю и пріемлютъ всѣ возможные оттѣнки зелени, доколѣ не исчезнутъ отъ глазъ въ туманной синевѣ дали.

«Съ давнихъ поръ, говоритъ Г. Клапротъ, Абхазы живутъ въ сѣверозападной части Кавказа; они простирались прежде гораздо далѣе нынѣшняго, но Черкесы оттѣснили ихъ къ горамъ. Византійскіе импера-

торы обратили ихъ къ христіанству. Въ странѣ ихъ видны еще остатки древнихъ церквей, къ которымъ они имѣютъ такое уваженіе, что хотя не уступять въ грабительствѣ Черкесамъ, однако жъ никогда не тронутъ ни ризницъ, ни книгъ, хранящихся въ этихъ зданіяхъ. Покоривъ Абхазовъ въ осмнадцатомъ вѣкѣ, Турки ввели къ нимъ исламъ; но въ 1771 году они взбунтовались противъ Порты и возвратились къ своимъ древнимъ повѣрьямъ. Осталось лишь нѣсколько семей, которыя творятъ еще надъ дѣтьми обрѣзаніе; но весь народъ воздерживается отъ свинины.

«Абхазы живутъ отчасти на берегу нѣсколькихъ рѣкъ, притоковъ Кубани, но всего болѣе на Черноморскомъ берегу, къ югу отъ западнаго Кавказа. Они походятъ на Черкесовъ нравами, одеждой и обычаями (Л. XLII — 4). Между языками этихъ двухъ народовъ есть также сходство. И Абхазы обработываютъ землю, но содержаніе свое получаютъ преимущественно отъ скотоводства. Извѣстна крупная и красивая порода коней ихъ. Они много разбойничаютъ на морѣ, и гребныя суда ихъ часто смѣшиваются подъ однимъ именемъ съ Черкескими. Абхаски прекрасны собою и жадно покупаются Турками, у которыхъ слывутъ за Черкешенокъ.»

Мысъ Ардлеръ, отдѣляющій Камышлярскую губу отъ Кинчульской, защищаетъ низменность берега отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Вблизи его, знаменитая Гагрская тѣснина, лежащая между моремъ и скатомъ крутой и превысокой горы, отдѣляетъ южную Абхазію отъ сѣверной и вмѣстѣ отъ земли Черкесовъ. Это ущелье, гдѣ утвердились Русскіе, превративъ старый мона-

стырь въ казарму, орошается горнымъ потокомъ, который къ сожалѣнію пересыхаетъ въ лѣтній жаръ.

Заливъ Пицунда, преудобное и безопасное якорное мѣсто, заслуживаетъ особеннаго вниманія по хорошо сохранившимся остаткамъ древней церкви, которой построеніе приписываютъ императору Юстиніану. Г. Спенсеръ былъ здѣсь.

«Крѣпость, говоритъ онъ, мили на двѣ Англійскихъ отъ берега; мы отправились туда величественнымъ лѣсомъ, нѣсколько вырубленнымъ съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе водворились въ замкѣ. Тутъ впервые увидѣлъ я Черкесовъ въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Русскими солдатами: не льзя вообразить себѣ ничего рѣзче такой противоположности. Начальникъ здѣшняго племени, сказываютъ, преданъ Россіи; онъ живетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, и намъ было очень досадно, что онъ не является. Крѣпость устроена внутри монастыря, смежнаго съ церковью Юстиніана.»

Въ пятнадцати миляхъ къ юговостоку лежитъ заливъ Сухумъ-Kaлé, совсѣмъ не такъ безопасный какъ предшествующій. Здѣсь видны еще остатки канала, куда укрывались зимою мелкія суда, производившія отсюда постоянный торгъ съ Требизондомъ и Константинополемъ. По словамъ Г-на Спенсера, на вратахъ есть еще Турецкая надпись. «Крѣпость въ плохомъ состояніи, но какъ и прочія, унизана пушками и назначена болѣе противъ сухопутнаго приступа, нежели противъ нападенія съ морской стороны. Было ясно, что первая изъ двухъ опасностей имѣлась преимущественно въ виду: въ сосѣдствѣ разставлены

были отряды, какъ бы въ ожиданіи наступающаго непріятеля.»

Ингурія образуетъ къ юговостоку предѣлъ Абхазіи; мелкій князекъ, начальникъ племени Псоевъ, управляетъ южнымъ округомъ подъ верховной властію Россіи.

Первая пристань Мингрельская, открывающаяся на пути къ югу, есть Редутъ-Кале при устьѣ рѣки Хопи, въ которую входъ весьма затруднителенъ. Быстротечная Хопь разливаетъ плодоносіе по равнинамъ, которыя часто затопляетъ. Воздухъ въ Редутъ-Кале нездоровъ, но неудобство это исчезнетъ непремѣнно, коль скоро очистятся лѣса, покрывающіе часть окрестности, и почва будетъ воздѣлана лучше, нежели нынѣ.

Въ семи миляхъ къ югу находится устье Ріона, древняго Фазиса. Русскіе оставили дадьяну Мингрельскому титло владыки или господина; сверхъ-того имѣетъ онъ генеральскій чинъ; гарнизоны изъ его собственныхъ войскъ наблюдаютъ за безопасностью и спокойствіемъ края. «Дадьянъ, говоритъ путешественникъ Гамба, живетъ еще въ замкѣ Зугдиди, который посѣщалъ Шарденъ; онъ содержитъ тамъ многочисленный дворъ, но лѣтомъ часто перемѣняетъ мѣсто жительства то для того, чтобъ забавляться охотою, то въ избѣжаніе сильныхъ жаровъ.»

По словамъ Г. Клапрота, Мингрельскій народъ дѣлится на три класса, а именно: князей, *саккуровъ* (благородныхъ) и *меніалей* (простолюдиновъ). Послѣдніе рубятъ дрова, ходятъ за князьями и дворянами какъ слуги, а при переѣздахъ носятъ пожитки

ихъ на плечахъ. Меніаль обязанъ давать двумъ высшимъ сословіямъ часть жатвы и прибылаго скота, обязанъ также принимать и содержать гостей, насылаемыхъ ему господами. Фигура 4, листъ XLII представляетъ меніаля съ ношею припасовъ. Въ дали видна *арба*, повозка той стороны, а на первомъ планѣ женщина въ платьѣ съ узкими рукавами, поверхъ котораго накинуто другое, съ висячими

Мингрельцы, происходя отъ одного корня съ Грузинами, отличаются подобно имъ внѣшнею красотой. Когда страна ихъ принадлежала Оттоманамъ, главною и самою позорною частію платимой имъ дани было извѣстное число мальчиковъ и дѣвицъ, замѣчательныхъ красотою. По мнѣнію Шардена, Мингрелія давала до двѣнадцати тысячъ невольниковъ ежегодно, а вообще полагаютъ, что число это еще менѣе дѣйствительнаго.

Путешествуя по Мингреліи, вы безпрестанно проѣзжаете большими лѣсами; дикія маслины, которыя въ нихъ попадаются, доказываютъ очевидно, что можно бъ было успѣшно развести тамъ это драгоцѣнное дерево. Избы въ селеніяхъ деревянныя и строятся, по мѣрѣ возможности, на высокихъ мѣстахъ. По временамъ являются взору древніе монастыри, похожіе видомъ на крѣпости.

Достигнувъ береговъ Цхенисъ-Цхали, вы на границѣ Имеретіи; край за рѣкою перестаетъ быть исключительно лѣсистымъ. Пріятная смѣсь луговъ съ полями хлопчатой бумаги, Турецкаго пшена и виноградниками, межъ которыхъ сохранилось множество

прекрасныхъ деревъ, придаетъ здѣшней сторонѣ видъ великолѣпнаго парка.

«Кутайсъ, главный городъ Имеретіи, на лѣвомъ берегу Ріона, противъ стараго городища, что́ на правой сторонѣ рѣки. Въ послѣднемъ видны остатки древней и прекрасной церкви Византійской архитектуры; но жители безпрестанно разбираютъ стѣны и колонны для постройки огородокъ, такъ что въ скоромъ времени не останется вѣроятно и слѣда этого великолѣпнаго зданія. Стѣны прежняго города, весьма толстыя и прочныя, понынѣ еще въ довольно хорошемъ состояніи. Въ новомъ городѣ улицы были вообще кривы и домы выстроены какъ попало. Русскіе дали ему правильный видъ. Жилища нѣкоторыхъ вельможъ и главныхъ купцовъ выстроены изъ лѣса, прочія изъ плетня, обмазаннаго снаружи известью. Улицы и площади обсажены деревьями, всего болѣе айвами, смоковницами и орѣшникомъ. При неправильности своей, видъ Кутайса заключаетъ въ себѣ нѣчто сельское и живописное; пріятный на взглядъ самъ по себѣ, онъ еще болѣе выигрываетъ отъ красоты окрестностей и пестрой смѣси долинъ и лѣсовъ, обставленныхъ съ трехъ сторонъ горами, которыхъ верхи, большую часть года, покрыты снѣгомъ.

«Имеретія раздѣлена на нѣсколько округовъ, названныхъ преимущественно по именамъ князей, которымъ они прежде принадлежали. Князья не имѣютъ нынѣ ни какой власти. Одѣяніе ихъ показываетъ, что, заботясь о собственной безопасности, они предпочли военный нарядъ для всѣхъ выѣздовъ (Л.XLII — 3).

«Главная рѣка въ Имеретіи — Ріонъ, пріемлющая всѣ другія; хотя она и не весьма значительна, но рыбна до чрезвычайности. Она впадаетъ въ море близъ Поти, города, лежащаго въ Гуріи, и отдѣляетъ послѣднюю отъ Имеретинскихъ земель.»

Гуріэль, властитель Гуріи, управляетъ этимъ краемъ подъ державою Россіи, которая имѣетъ свой гарнизонъ въ Поти, приморской крѣпости, на лѣвомъ берегу Ріона. Гурія простирается вдоль Чернаго Моря до устья Чороха; она, подобно Мингреліи и Имеретіи, отличается плодоносіемъ почвы и красотою растительнаго царства; она вся покрыта превосходнымъ лѣсомъ. Вмѣстѣ съ этими двумя странами принадлежала она къ древней Колхидѣ. Нынѣ, подъ державою Россійскаго Императора, онѣ освобождены отъ гнусной дани невольниками, которую обязаны были платить Туркамъ, и развѣ только украдкою производится еще торгъ бѣлыми на берегу Чернаго Моря.

За горами, окраяющими Гурію къ востоку, вы снова вступаете въ предѣлы Грузіи. Эта полоса края, именуемая *Земо-Картли* (Верхнею Карталиніей), занимаетъ часть бассейна верхняго Кура съ притоками. Главный городъ ея Акхиска или Ахалцихъ, крѣпость на скатѣ горы въ прекрасной долинѣ, гдѣ протекаетъ рѣка Далка, или Поскхо, впадающая въ Куръ съ лѣвой стороны. Правый берегъ Далки украшенъ многочисленными садами и виноградниками; вообще же Ахалцихскій округъ своею сушью и наготой являетъ рѣзкую противоположность съ влажною и лѣсистою Колхидой.

Подъ владычествомъ Турковъ, Ахалцихъ былъ разбросанъ по холмамъ на лѣвомъ берегу Далки. Онъ много потерпѣлъ въ послѣднюю войну, и правительство Русское предположило перенести его на правый берегъ. Тамъ назначены были земли Армянамъ, бѣжавшимъ изъ Карса и Эрзъ-Рума, и въ 1833 году обширный кварталъ былъ уже отстроенъ. Въ Ахалцихѣ около пятнадцати тысячъ жителей, включая и военныхъ; прежде городъ былъ вдвое люднѣе и производилъ значительный торгъ. Онъ былъ главнымъ мѣстомъ пашалыка и въ безпрерывномъ сообщеніи съ Карсомъ и Эрзъ-Румомъ, куда отправлялъ много Грузинскихъ невольниковъ, покупаемыхъ у хищныхъ Лезгинъ. Не нужно говорить, что, съ водвореніемъ Русскаго владычества, этотъ гнусный торгъ пришелъ въ упадокъ. Прекрасная мечеть, бывшая въ крѣпости, превращена въ Греко-Россійскій храмъ.

Въ семи верстахъ отъ Ахалциха лежитъ древній монастырь Сафаръ, въ страшной дебри, образуемой волканическими накипями и поросшей хвойными лѣсами. Не смотря на то, преданіе говоритъ, что здѣсь было нѣкогда любимое мѣсто жительства Земо-Картлійскихъ *атабеговъ*, и развалины обширнаго замка подтверждаютъ народную молву.

ГЛАВА LXVI.

Оттоманскія владѣнія: Арменія, Малая-Азія, или Анадолія, Курдистанъ, Месопотамія.

Если, выѣхавъ изъ Ахалциха и подымаясь берегомъ вверхъ по Куру, вы направите путь на югъ, то достигнете горъ, въ которыхъ эта рѣка начинаетъ свое теченіе. Черезъ горы спуститесь вы въ бассейнъ верхняго Аракса и увидите передъ собой Оттоманскую Арменію. Карсъ, первый городъ, представляющійся тамъ взору путешественника, выстроенъ амфитеатромъ на юговосточныхъ скатахъ холма, омываемаго соименной рѣкою. За́мокъ въ самой высокой части города, на прекрутомъ утесѣ. Карсъ былъ описанъ Турнфоромъ; впрочемъ путешественники рѣдко посѣщали его. Въ новѣйшее время (въ 1835 году) видѣлъ его Г. Брантъ, Англійскій консулъ въ Эрзъ-Румѣ. До послѣдней войны съ Россіею, Карсъ имѣлъ около сорока тысячъ жителей и защищался нѣсколькими стѣнами и цитаделью. Паскевичъ взялъ его приступомъ. Не смотря на то, что Карсъ близъ Персидской границы, торговля его никогда не была весьма значительна.

Въ сорока трехъ миляхъ къ юговостоку находится Баязидъ, построенный въ глубинѣ тѣсной долины между безплодныхъ горъ. Это крѣпость на Персидской границѣ. Домы разбросаны между скалъ по обѣимъ сторонамъ ущелья. Влѣво на вершинѣ, почти не-

приступной, возвышается старая цитадель; вправо на другой высотѣ стоитъ прекрасное зданіе, гдѣ живетъ паша Баязидскій. Верхній городъ занятъ Курдскими племенами, нижній—Армянами. Здѣсь приготовляются бумажныя ткани, и мѣстоположеніе благопріятно для торговыхъ дѣлъ.

Горы, замыкающія Баязидскую долину къ югу, составляютъ сѣверное продолженіе тѣхъ высотъ, которыя, пролегая между озеръ Ванскаго и Урмійскаго, означаютъ рубежъ Турецкой имперіи съ Персіей и системы Эвфрата съ Араксомъ. Подымаясь вверхъ по долинѣ Котуры въ Персіи, вы достигаете вмѣстѣ и верховья Хошъ-Аба. Городъ того же имени лежитъ на возвышенной плоскости, откуда текутъ обѣ рѣки; надъ горами, къ которымъ принадлежитъ эта плоскость, господствуютъ Гекіарскіе утесы. Послѣдніе такъ круты, что быкъ не можетъ перейдти ихъ, но поелику вершины довольно плодоносны, то Гекіары обыкновенно переносятъ туда молодыхъ телятъ, которыхъ, спустя два года, запрягаютъ въ соху.

«Мы расположились ночевать, говоритъ Г. Жоберъ, на террасахъ домовъ въ деревнѣ Эрджекѣ, лежащей при устьѣ тѣснины Махмудіе, на берегахъ соленаго озера, которое въ окружности не болѣе двухъ или трехъ миль.

«На другой день мы весьма рано утромъ прибыли въ Ванъ. Армяне утверждаютъ, что этотъ городъ построенъ на мѣстѣ древняго Семирамоцерта (Шемирамгерда, то есть, Семирамидина города), основываясь на сказаніи одного изъ историковъ своихъ, Моисея

Хоренскаго, будто бы Семирамида каждый годъ проводила лѣто въ этой части Арменіи.»

Послѣдуемъ теперь за Англійскимъ путешественникомъ Шилемъ, который обозрѣлъ Арменію и Курдистанъ въ іюлѣ и августѣ 1836 года. Онъ пріѣхалъ въ Ванъ изъ Тебриза. Дорога, несмотря на гористое свойство края, очень хороша. Ванское озеро представляетъ съ перваго взгляда великолѣпную картину. Оно впятеро болѣе Женевскаго и занимаетъ средоточіе обширной котловины, окруженной, со всѣхъ сторонъ поясомъ высокихъ горныхъ хребтовъ. Сейбанъ-дагъ возноситъ на сѣверѣ свою величавую вершину; къ югу, Эрдозскія горы образуютъ на рубежѣ Курдистана снѣжную преграду, непроходимую для Европейцевъ. Въ восточномъ хребтѣ чернѣется Babakъ-дагъ. Воды озера свѣтлы и синеваты, какъ морскія; онѣ немного солоны, однако жъ годны для питья. Нѣсколько островов разсѣяно вдоль берега. Весь водоемъ представляетъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ краевидовъ, но запоздалая растительность и суровый климатъ служитъ доказательствомъ, что онъ гораздо выше Урмійскаго озера въ Персіи и города Тебриза, лежащаго въ четырехъ или пяти тысячахъ футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Ни одинъ плодъ не вызрѣлъ еще въ концѣ іюля; снѣгъ выпадаетъ къ двадцатому ноября и лежитъ иногда цѣлые полгода; въ холодныя зимы замерзаетъ часть озера.

«Губернаторъ Ванскій, Ис-хакъ паша, принялъ меня вѣжливо, говоритъ Г. Шиль, и назначилъ мнѣ помѣщеніе въ пріятномъ саду, смежномъ съ его собствен-

нымъ жилищемъ. Домъ былъ довольно хорошо снабженъ софами и подушками, вмѣсто ковровъ, которые отвѣчаютъ у Персіянъ за всякую другую мебель. Пашѣ такъ хотѣлось со мною видѣться, что онъ готовъ былъ первый удостоить меня своего посѣщенія, но я поспѣшилъ его предупредить. Я долженъ былъ пробраться сквозь толпу слугъ — Арабовъ, Турковъ, Персовъ и Курдовъ, — обратившихъ на себя мое вниманіе пріятнымъ разнообразіемъ одеждъ. Я засталъ его стоящимъ и какъ будто занятымъ чтеніемъ записки. Сунниты или, по-крайней-мѣрѣ, Османлы, не любя вставать передъ христіаниномъ,—если желаютъ оказать ему почтеніе, всегда найдутъ предлогъ стоять въ то время, когда онъ входитъ.»

Вечеромъ Паша отплатилъ визитъ г-ну Шилю, сопровождаемый сыномъ своимъ, милымъ мальчикомъ лѣтъ десяти. Дѣти на Востокѣ такъ почтительны, что ребенокъ не садился передъ отцемъ, и когда подали чаю, онъ получилъ приказаніе выйдти изъ комнаты. Путешественникъ три дня гостилъ у Паши. Каждое утро, передъ кофе, подавали ему для закуски хлѣба, сливокъ, меду и простокваши, а тамъ слѣдовалъ кофе. Хотя Г. Шиль былъ одинъ одинехонекъ, ему ставили отъ пятнадцати до двадцати блюдъ къ завтраку и къ обѣду, располагая ихъ на пребольшомъ оловянномъ подносѣ, который помѣщался на табуретѣ. Это опять удобнѣе чѣмъ въ Персіи, гдѣ кушанье ставятъ просто на полъ; зато кухня Турецкая — сущая бѣда. Жиръ и простокваша плаваютъ поверхъ всѣхъ блюдъ безъ изъятія, и общелюбимый шербетъ состоитъ изъ молока и сахару съ примѣсью

зубковъ чесноку. Овощъ этотъ считаютъ Турки лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ гибельныхъ дѣйствій Дамасскаго вѣтра, дышущаго ядомъ изъ пустыни; но вѣроятно пристрастіе къ чесноку ослѣпляетъ ихъ на счетъ врачебныхъ его качествъ. «Во время жаровъ, говоритъ Г. Шиль, я какъ-то былъ въ одномъ селѣ неподалеку отъ Тигра; мнѣ приносятъ кружку молока; но, отвѣдавъ, я нашелъ ее набитою чеснокомъ почти вровень съ краями. «Не люблю этого» — сказалъ я хозяину. «Нѣтъ Бога, кромѣ великаго Бога, отвѣчалъ онъ: а что можетъ быть лучше молока съ чеснокомъ при такомъ чертовскомъ знoѣ? »

Ванъ чудесно расположенъ въ равнинѣ, имѣющей миль пятнадцать въ окружности и усѣянной деревеньками и садами. Взоръ объемлетъ величавыя горы Сейбанъ, Варакъ и Эрдозъ, окраяющія небосклонъ съ сѣверо-сѣверозапада и съ юговостока, и паритъ къ западу надъ обширнымъ пространствомъ Ванскаго озера, отъ котораго городъ только на полмили. Ванскій утесъ образуетъ отдѣльный гребень, похожій на хребетъ верблюда и разрѣзанный въ двухъ мѣстахъ на три доли; каждая изъ нихъ футовъ въ шестьсотъ длины и каждая составляетъ особую крѣпость. Средняя въ сто двадцать футовъ вышиной. Всѣ вмѣстѣ обведены стѣною съ бастіонами, индѣ въ нѣсколько рядовъ. Городъ лежитъ подъ южнымъ фасомъ цитадели и также обведенъ каменно-земляною оградой, отчасти защищаемою рвомъ. Населеніе города и нѣкоторыхъ предмѣстій, выстроенныхъ за стѣнами, среди садовъ, простирается до двѣнадцати тысячъ душъ

Турковъ и Курдовъ пополамъ съ Армянами, которыхъ вообще много въ пашалыкѣ. Въ рукахъ послѣднихъ вся небольшая торговля, какая здѣсь производится; они и мелочные лавочники, и ткачи. Въ городѣ двѣ большія церкви, четыре большія мечети, двѣ бани, два каравансерая, и нѣсколько базаровъ; улицы довольно чисты, но тѣсны. Въ домахъ сдѣланы на улицу красивыя рѣшетчатыя окна и бельведеры, куда Турки ходятъ курить. Надъ каждой дверью найдете слова «*Аллахъ акберъ*» — великъ Богъ.

«Торгъ съ городами, лежащими при озерѣ, говоритъ Г. Жоберъ, и проходъ каравановъ, доставляютъ жителямъ Вана довольно большія выгоды; рыбная ловля также приноситъ значительный доходъ. Она начинается около двадцатаго марта и оканчивается тридцатаго апрѣля. Уловъ весьма обиленъ, но весь состоитъ изъ одного рода рыбы, которая хотя и крупнѣе, однако жъ довольно похожа на сардель; ее называютъ *тарихомъ*. Во все остальное время года на озерѣ нѣтъ вовсе ловли, потому что рыба совершенно исчезаетъ на дно. Другое не менѣе замѣчательное явленіе, это прибыль воды, которая со всѣхъ сторонъ захватываетъ берега. Вслѣдствіе этого наводненія, пространство Ванскихъ предмѣстій каждый годъ постепенно уменьшается, а городъ Аржишъ болѣе и болѣе пустѣетъ.

«Окрестность Вана пользуется умѣреннымъ климатомъ, и небомъ, почти всегда яснымъ. Она производитъ довольно пшеницы для удовлетворенія городскихъ нуждъ и столько сарацынскаго пшена, что

извѣстное количество его вывозятъ. Я видѣлъ нѣсколько померанцевыхъ и лимонныхъ деревъ на открытомъ грунтѣ; но чтобъ довести плоды до зрѣлости, потребно много хлопотъ. Здѣсь нѣтъ ни маслинъ, ни пальмъ; зато плодовыя деревья сѣверной Персіи ростутъ какъ нельзя лучше.»

Въ крѣпости есть, говорятъ, много гвоздеобразныхъ надписей; но Паша не могъ впустить въ нее Г-на Шиля, увѣряя его, что и самъ не дерзнетъ проникнуть туда безъ дозволенія сераскира Эрзъ-Румскаго, отъ котораго онъ зависитъ. Г. Шиль видѣлъ другую гвоздеобразную надпись на крѣпостномъ утесѣ, въ семидесяти футахъ отъ земли. Она была снята Геттингенскимъ профессоромъ Шульцомъ, который велѣлъ спустить себя для этого на веревкахъ съ высоты утеса. Ему казалось, что онъ прочелъ имя Семирамиды (Шемирамъ). Этотъ отважный путешественникъ предпринялъ въ 1826 году обозрѣніе Азіатской Турціи и Персіи и снялъ сорокъ двѣ надписи въ городѣ Ванѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ. Выѣхавъ изъ Константинополя, въ 1829 году, вторично, онъ погибъ, какъ говорятъ, убитый въ Курдистанѣ.

Пространство Ванскаго пашалыка стѣсняется съ южной стороны натискомъ Курдовъ, которыхъ главный старшина, Ханъ Мехмудъ, овладѣлъ всѣмъ гористымъ округомъ Вастана и плодоносною долиной Кавамъ, въ горахъ Эрдозскихъ. Этотъ страшный атаманъ живетъ въ крѣпости Пасвахѣ, которая торчитъ какъ гнѣздо на высокой скалѣ.

Берега Тигра и Месопотамія заселены множествомъ сектъ христіанскихъ и магометанскихъ. «Въ селеніи

Кермо, говоритъ Г. Шиль, я увидѣлъ себя окруженнымъ толпою людей, которые цѣловали у меня руки и привѣтствовали меня именемъ брата; они называли себя Якубами (Якобитами) или Сурійцами (Сирійцами), друзьями Армянъ, Католиковъ и Коптовъ, и врагами Несторіянъ. Нарѣчіе ихъ было Сирійское, но они говорили и по-Арабски.

Въ Курдистанѣ, Адзербайджанѣ и Месопотаміи есть прозелиты Римской церкви. Почти всѣ ихъ священники воспитываются въ Римѣ, въ коллегіи пропаганды; однако жъ они должны были допустить нѣкоторыя отмѣны отъ правилъ католицизма: священникамъ разрѣшено единократное вступленіе въ бракъ; богослуженіе и чтеніе Библіи происходитъ на Сирскомъ языкѣ, именуемомъ Калдани; они воздерживаются отъ мяснаго по середамъ и пятницамъ, и подчинены областнымъ суперинтендантамъ или халифамъ, назначаемымъ отъ генералъ-викарія Багдадскаго, который самъ зависитъ отъ *Великаго Папы*.

Секта Ездовъ, также распространенная въ бассейнѣ Тигра, особенно ненавистна Магометанамъ, которые приписываютъ ей поклоненіе сатанѣ или великому шейтану и разные другіе ужасы, столь же мало вѣроятные, какъ и тѣ, въ какихъ обвиняли прежде первыхъ христіанъ, храмовыхъ рыцарей, Павликіанъ, Вальденцевъ и всѣ вообще реформатскія секты. Впрочемъ они слывутъ самыми лихими ворами въ Курдистанѣ. Имя ихъ происходитъ отъ того, что они, будто бы, почитаютъ Езида, которымъ убитъ внукъ Магометовъ, Гусейнъ.

Чрезмѣрное множество укрѣпленныхъ замковъ, которыми унизаны Месопотамія и Курдистанъ, свидѣтельствуютъ, какъ мало тамъ надежды на безопасность.

По словамъ Г. Рича, бывшаго двѣнадцать лѣтъ Англійскимъ резидентомъ въ Багдадѣ, Курды изо всѣхъ жителей Востока позже ложатся и встаютъ. Въ одномъ изъ главныхъ городовъ ихъ, Сулейманіе,—жалкомъ сбродѣ мазанокъ и лачугъ, — не многіе люди высшаго сословія отходятъ ко сну ранѣе двухъ или трехъ часовъ утра и подымаются прежде девяти или десяти. За часъ до захожденія солнца сходятся они вмѣстѣ и составляютъ родъ собранія или клоба, а съ наступленіемъ темноты отправляются по знакомымъ, бесѣдуютъ, курятъ табакъ, слушаютъ музыку, и такимъ образомъ побываютъ въ двухъ, въ трехъ домахъ каждый вечеръ.

Въ Мелезъ-Гырдѣ переправа чрезъ южный рукавъ Эвфрата, который Турки называютъ Мурадъ-чаемъ; дорога идетъ берегомъ его до жалкой деревушки Султаніе, лежащей среди обширной равнины, «которая, говоритъ Г. Жоберъ, представила намъ съ высоты окрестныхъ горъ новое зрѣлище. Ее пробѣгалъ огненный потокъ, шириной съ большую рѣку: это Курды выжигали сухую траву для поправленія пажитей и раскладывали огни на двухъ параллельныхъ чертахъ. Когда вѣтеръ очень силенъ, пламя распространяется съ такою быстротой, что человѣкъ верхомъ на конѣ едва успѣваетъ умчаться; пожаръ длится иногда двои, трои сутки.»

Переправясь на вздутыхъ кожахъ черезъ довольно широкую рѣку Тузлу, близь которой есть соловарня, дающая ей названіе, путешественникъ переѣзжаетъ черезъ Ак-дагъ (Бѣлую гору), потомъ въ бродъ черезъ Араксъ и наконецъ чрезъ горную цѣпь Текъдага. Съ высоты ущелья открывается во всѣ стороны величественная картина громадъ, которыхъ верхи въ началѣ августа одѣты еще снѣгами: въ этихъ горахъ Тигръ, Эвфратъ и Араксъ начинаютъ свое теченіе.

Здѣсь вскорѣ оканчивается горная плоскость, по которой идетъ дорога отъ Мелезъ-Гырда, и вы спускаетесь въ высокую равнину Эрзъ-Румскую.

По словамъ Англійскаго консула, Г. Бранта, Эрзъ-Румъ, Шеффильдъ Турціи, былъ прежде наполненъ оружейнями, и въ немъ потреблялось знатное количество Сибирскаго и Индѣйскаго желѣза. Послѣднее шло на сабли съ насѣчкою, которыя пользовались большою славой. Въ 1827 году, число жителей, вѣроятно съ преувеличеніемъ, полагали до 130,000 душъ; сто цвѣтущихъ деревень, населенныхъ преимущественно Армянами, было разсѣяно въ плодоносной равнинѣ Эрзъ-Румской. Въ настоящее время Г. Брантъ считаетъ въ Эрзъ-Румѣ не болѣе пятнадцати тысячъ жителей, за изъятіемъ впрочемъ множества пріѣзжихъ. Болѣе половины деревень въ совершенномъ запустѣніи.

Эрзъ-Румъ лежитъ на западномъ рукавѣ (притокъ?) Эвфрата, называемомъ у Турковъ Кара-су. По барометрическимъ наблюденіямъ Г. Бранта, высота города простирается отъ 5000 до 5300 футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Настоящее имя города — Арзъ. Тур-

ки называютъ его Арзъ-эль-Румъ (Арзъ Римскій), а сокращенно Арзъ-Румъ или Эрзъ-Румъ. Положеніе его, еще со временъ Эджры (Эгиры), придавало ему большую важность въ торговомъ и военномъ отношеніяхъ. Онъ отчасти окруженъ стѣною съ башнями, построенною Генуэзцами, и защищается укрѣпленнымъ зáмкомъ; но большая часть города находится внѣ стѣнъ.

Эрзъ-Румъ былъ средоточіемъ торговли между Персіей и Оттоманскою имперіей, и имѣлъ весьма дѣятельныя сношенія съ главнѣйшими мѣстами обоихъ государствъ; караваны приходили и отходили безпрерывно. Тамъ были фабрики для выдѣлки ковровъ, бумажныхъ и шелковыхъ тканей, сафьяна и мѣдныхъ вещей. Впрочемъ нѣтъ почти ни одного замѣчательнаго зданія. Окрестности до того безлѣсны, что жители топятъ навозомъ, высушеннымъ въ видѣ кирпичей.

Въ четырехъ миляхъ на сѣверозападъ отъ города, къ Черному Морю, лежитъ при Кара-су селеніе Элиджа. «Это было въ Августѣ 1822 года, говоритъ Г. Фонтанье, а снѣгъ убѣлялъ еще Тавркія горы, хотя его оставалось весьма немного. Въ Элиджѣ есть довольно богатый источникъ сѣрныхъ водъ.»

Черезъ отрасль Тавра, Ак-дагъ, гдѣ находятся мѣдныя Мандуйскія рудокопни, проникаете вы въ Байбутъ или Пайпуртъ, маленькой, но красивый городъ, въ которомъ есть еще остатки весьма замѣчательныхъ древностей.

Дорога пересѣкаетъ потомъ Халибскія горы и ведетъ въ знаменитый Требизондъ, бывшій въ Средніе

вѣка столицею Греческой имперіи, основанной вѣтвію цареградскихъ Комненовъ.

Новѣйшее распространеніе Требизондской торговли побуждаетъ насъ передать читателямъ извѣстіе, сообщаемое объ этомъ городѣ Г-мъ Брантомъ.

«Требизондъ, лежащій на южномъ берегу Чернаго Моря, былъ значителенъ по торговлѣ со временъ основанія его Греками, слѣдовательно — искони... Ксенофонтъ заходилъ сюда при отступленіи десяти тысячь.... Подъ владычествомъ Римлянъ, торговля съ Индіею шла черезъ Требизондъ. Блескомъ и богатствомъ своимъ городъ обязанъ щедрости императора Адріана, повелѣвшаго вырыть искусственную пристань. Требизондъ былъ великъ и очень населенъ. Несмотря на двойной рядъ стѣнъ, оборонявшихъ городъ, Готѳы овладѣли имъ при императорѣ Галіэнѣ, награбили въ немъ страшную добычу, разорили его и превратили въ пепелъ.

«Въ послѣдствіи Генуэзцы стали возить сюда изъ Испагани Индѣйскія произведенія для отправки въ Каффу и въ Константинополь. Цари Арменіи и слабые Требизондскіе императоры дозволили имъ устроить черезъ земли свои рядъ укрѣпленій, начиная отъ Требизонда до Баязида въ Персіи. Крѣпостцы поставлены были на растояніи двадцати пяти и до сорока Англійскихъ миль одна отъ другой, на мѣстахъ, удобныхъ къ оборонѣ. Прочныя стѣны давали за собой убѣжище купеческимъ караванамъ и квартиры войскамъ, провожавшимъ ихъ отъ станціи до другой. Байбутъ и Эрзъ-Румъ были въ числѣ такихъ станцій, и сила ихъ древнихъ укрѣпленій свидѣтельствуетъ,

до какой степени былъ важенъ для Генуэзцевъ здѣшній торгъ.

«Послѣ двухвѣковаго обладанія, Генуэзцы были изгнаны Могамедомъ II изъ Требизонда, а позже изъ Каффы и всего Крыма; съ тѣхъ поръ Черное Море закрылось для Европейскихъ купцовъ. Оружіе Россіи и Адріанопольскій трактатъ снова отверзли его всѣмъ народамъ. Древній путь Индѣйской и Персидской торговли возстановленъ, и хотя есть другіе болѣе выгодные пути для сообщенія съ Гиндустаномъ, однако Требизондъ все остается ключемъ Арменіи и Персіи. Возрастающая цѣнность ввоза служитъ тому яснымъ доказательствомъ: въ 1830 году, черезъ годъ послѣ Адріанопольскаго мира, выгружено тамъ 5,000 кипъ Европейскихъ товаровъ, назначенныхъ въ Персію, а въ 1835-мъ число это учетверилось.

«Въ городѣ нѣтъ ни какого слѣда зданій древнѣе эпохи христіанскихъ императоровъ. Церквей очень много. . . При всякомъ домѣ есть дворъ, усаженный плодовыми деревьями и кромѣ-того садъ, что придаетъ городу, съ морской стороны, видъ лѣса. Онъ содержитъ въ себѣ отъ двадцати пяти до тридцати тысячъ жителей, изъ которыхъ двадцать или болѣе мусульмане; остальные состоятъ изъ Армянъ и Грековъ. Одни Магометане живутъ въ городскихъ стѣнахъ, но найдете ихъ и въ предмѣстіяхъ, гдѣ выстроены базары и ханы. Тамошніе Христіане и Магометане равно невѣжественны, изувѣрны, грубы и нерасположены къ Европейцамъ.» Многіе частные люди, какъ увѣрятъ Г. Фонтанье, живутъ внутри города въ укрѣп-

ленныхъ замкахъ, по причинѣ безначалія, господствовавшаго здѣсь долгое время.

«Окрестная страна доставляетъ мало вывозныхъ произведеній; но горы, частію известковыя, частію гранитныя, заключаютъ въ себѣ богатыя мѣдныя и серебристо-свинцовыя руды, которыя отъ дурной разработки даютъ ничтожную прибыль. Долгое время здѣшній берегъ получалъ нѣсколько желѣза изъ Таганрога, соль, сѣру и свинецъ изъ Турціи, невольниковъ изъ Абхазіи, давая въ обмѣнъ апельсины и лимоны, орѣхи, турецкіе бобы, медъ, масло, воскъ и табакъ. Теперь блокада Абхазскихъ береговъ Россіею обратила весь Требизондскій торгъ къ Константинополю и къ Европѣ.

«Въ Требизондѣ, говоритъ Г. Брантъ, сѣлъ я на корабль 19 мая 1835 года, и до самыхъ границъ Россіи любовался берегомъ, замѣчательнымъ по своей красѣ. Горы, отъ четырехъ до пяти тысячъ футовъ вышиною, подымаются на самомъ краю моря, одѣтыя густыми лѣсами каштановъ, буковъ, орѣшинъ, тополей и ивъ; мѣстами видны мелкіе дубы, самшиты, вязы, ясени и клены; сосна покрываетъ значительнѣйшія высоты. По всему берегу нѣтъ ни одной корабестроительной верфи, и такъ какъ вывозъ лѣса воспрещенъ Турецкимъ правительствомъ, то вся промышленость ограничивается жженіемъ уголья, постройкою нѣсколькихъ ладей и снабженіемъ приморскихъ городовъ дровами. Край до того покрытъ лѣсомъ и гористъ, что сборъ хлѣба далеко не удовлетворяетъ потребности, несмотря на чрезмѣрныя старанія жи-

телей обработывать всѣ годныя мѣста. Часто видите вы нивы на краю пропастей, недоступныхъ плугу.»

Здѣшнiй берегъ населенъ разными племенами; но поелику многочисленнѣе всѣхъ Лазы, то его обыкновенно именуютъ Лазистаномъ. Эти люди всегда вооружены винтовками и употребляютъ ихъ весьма искусно. Извѣстная храбрость ихъ и отвага обращаетъ на нихъ вниманiе наборщиковъ рекрутъ для султанскихъ войскъ и для службы въ Цареградскомъ арсеналѣ. Мужество, оказанное ими при оборонѣ края противъ побѣдоносныхъ войскъ Паскевича, достойно древней славы, свидѣтельствуемой Ксенофонтомъ и войнами съ Митридатомъ и Хозру. По новѣйшей переписи, въ Лазистанѣ считается 18,000 человѣкъ, способныхъ носить оружiе, и 24,000 въ сосѣдственной землѣ Офъ. Офлiйцы живутъ въ гористомъ краю вовсе недоступномъ зимою; у нихъ есть города, хорошiе домы, и вообще замѣтно довольство. Отличаясь миролюбiемъ въ чужихъ земляхъ, они, говорятъ, соблюдаютъ дикую независимость у себя дома и предаются продолжительнымъ и кровопролитнымъ ссорамъ. Вдоль берега есть нѣсколько городовъ съ кофейнями и базарами, но жителей весьма мало; туда собираются разъ въ недѣлю на торгъ изъ окрестныхъ деревень, не смотря на недостатокъ въ безопасности: по словамъ Г-на Фонтанье, Греческiе купцы въ лавкахъ не покидаютъ ружей.

Теперь мы возвратимся въ Требизондъ и послѣдуемъ за Г. Жоберомъ къ западу. Тутъ увидимъ мы городъ Кересунъ (Cerasus), построенный на каменистой возвышенности амфитеатромъ, и примыкающiй

къ заливу на востокъ. Часть древней стѣны еще существуетъ. По преданіямъ историческимъ, Лукуллъ, овладѣвъ Церазомъ (что нынѣ Кересунъ), отправилъ въ Римъ первыя вишневыя деревья, получившія на Латинскомъ языкѣ названіе отъ этого города.

Далѣе къ западу открывается заливъ Самсунъ, окруженный горами и ограничиваемый къ востоку дельтою, при устьѣ Екиль-Ирмака. Эта рѣка, называвшаяся нѣкогда Иридой (Iris), течетъ по *Өемискирской* землѣ, орошаемой еще *Өермодономъ* (нынѣ Терме), при которомъ миөологическія преданія помѣщаютъ Амазонокъ. Три помянутыя рѣки и сверхъ-того Кизиль-Ирмакъ (Halys) прорѣзываютъ горный хребетъ и, на пути къ морю, орошаютъ обширную равнину, избразженную множествомъ горныхъ ручьевъ и обсаженную тополемъ, вязомъ, букомъ, кленомъ и другими высокими деревьями. «Самыя роскошныя лозы дикаго винограда, говоритъ Г. Жоберъ, взбѣгаютъ на вершину деревъ и вѣнчаютъ ихъ зелеными кудрями. Большая часть равнины состоитъ изъ луговъ, которыхъ дикій видъ восхитителенъ, а на нихъ пасутся стада, нерѣдко сами дичающія въ этомъ уединеніи. Здѣсь очень много кабановъ и водится довольно всякой дичи. Подъ вѣтвями таятся тысячи птицъ, — вяхири, горлицы, сои, дрозды, хохлатыя пипры. Берега Кизиль-Ирмака и приморскіе посѣщаются множествомъ водяныхъ и хищныхъ птицъ; только въ рыбѣ здѣсь недостатокъ.

«Климатъ поморья кажется здороваго качества; порода людей вообще прекрасна, и характеръ мусульманъ кроткій и обходительный. Несмотря на выгоды

своего географическаго положенія, они производятъ мало торговли; главный промыселъ ихъ — пряжа козьей шерсти и пуха, приготовленіе изъ нихъ тканей, пиленіе досокъ, выдѣлка канатовъ и строеніе барокъ и судовъ съ превысокими кормами и довольно прочныхъ для выдержки бурь, которыя такъ часто бушуютъ на негостепріимномъ морѣ.

« Весь край между Кизилъ-Ирмакомъ и Кересуномъ носитъ названіе Джаника; онъ гористъ, разрѣзанъ множествомъ рѣкъ, и весьма влаженъ, чему должно приписывать дивную быстроту его растительности: она такова, что менѣе чѣмъ въ три мѣсяца Турецкое пшено достигаетъ полной высоты своей. Жители мало занимаются земледѣліемъ; они живутъ каштанами и молокомъ. Вишня и разные роды орѣшника, — уроженцы того края, — также доставляютъ имъ часть продовольствія.

« Древняя исторія изображаетъ намъ жителей здѣшней стороны весьма дикими; объ нихъ то же можно сказать и теперь. Несмотря на сосѣдство съ образованными народами, обитатели Джаника имѣютъ съ ними мало сношеній и сами по себѣ — мало потребностей. Тотъ, у кого есть полтораста франковъ, слыветъ между ними богачемъ. Лошади у нихъ есть, караваны здѣсь не ходятъ; такъ имъ не было и повода привыкнуть къ грабежу.

Такъ какъ тамъ живутъ въ совершенной безопасности, то жилища разбросаны по вершинамъ горъ, по берегамъ моря и по всѣмъ мѣстамъ, представляющимъ какую нибудь естественную выгоду; домы деревенные и возвышаются на столбахъ. Нижній ярусъ не оби-

таемъ по причинѣ сырости почвы; верхній же обведенъ крытою галлереею.

Нынѣ, какъ и во времена Страбона, въ Джаникѣ мало достопримѣчательныхъ городовъ. Главный Бафра, на берегахъ и при устьѣ Кызыль-Ирмака, въ равнинѣ, изобилующей рисомъ и льномъ. Красивый мостъ, общественные фонтаны, хорошо содержимые рынки, свидѣтельствуютъ, что этотъ городъ издавна процвѣтаетъ.

Самсунъ, Тармехъ, Лундехъ, Фатса и Вона, города, возвышающіеся на берегу Чернаго моря, принадлежащемъ Джанику, были большею частію поселеніями Греческими. Торговля сдѣлалась въ нихъ маловажною съ того времени, какъ Крымъ вышелъ изъ-подъ ярма порты Оттоманской. Впрочемъ и пристани ихъ не доставляютъ надежной защиты отъ вѣтровъ, которые, въ продолженіи девяти мѣсяцевъ, владычествуютъ на этомъ берегу.

Напротивъ того *Синопъ* имѣетъ надежную пристань; его узнаютъ изъ-далека, по мысу, защищающему этотъ городъ отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ восточнаго, который впрочемъ не буренъ. По словамъ Г. Фонтанье́, «въ Синопѣ пристань обширная, якорный грунтъ превосходный; здѣсь могутъ стоять многочисленные флоты и строятся большіе корабли. Изъ 15,000 Синопскихъ жителей, четвертую часть составляютъ Греки. Городъ укрѣпленъ такъ хорошо, какъ рѣдко увидите на Востокѣ; улицы также шире обыкновеннаго и рачительнѣе вымощены. Не приписывая этого нынѣшнимъ обывателямъ города, тщетно искалъ я однако жъ какихъ нибудь остатковъ древности.

«Климатъ Чернаго моря совершенно различенъ къ западу, и къ востоку отъ Синопа. Между этимъ городомъ и Константинополемъ оливковыя и померанцовыя деревья не растутъ на открытомъ воздухѣ; зимою холодъ весьма пронзителенъ; туманы часто сгущаютъ воздухъ, и вѣтеръ дуетъ очень сильно. Напротивъ въ Синопѣ, вездѣ увидите оливки и померанцы; туманы въ рѣдкость; лѣтомъ термометръ не возвышается даже до Парижскаго, зимой рѣдко опускается ниже точки замерзанія. Если въ первой полосѣ сѣверные вѣтры причиняютъ частыя кораблекрушенія, во второй дуютъ вѣтры только съ запада и востока. При восточномъ, небо чисто до чрезвычайности; притомъ этотъ вѣтеръ такъ слабъ, что едва струитъ море. Волны, разводимыя отъ одного края Понта Эвксинскаго до другаго западнымъ вѣтромъ, часто весьма велики; онъ обыкновенно сопровождается тучами и дождемъ; снѣгъ падаетъ только при южномъ вѣтрѣ, который низвергаетъ его съ горныхъ возвышенностей.»

Кызыль-Ирмакъ, за двадцать миль до впаденія своего въ Черное море, принимаетъ съ лѣвой стороны Кара-Су или Кастамунъ, текущій съ запада. Рѣка эта орошаетъ городъ того же имени, построенный въ плодоносной и хорошо населенной долинѣ. Переѣхавъ горы, путешественникъ вступаетъ въ Шерки, большой городъ среди равнины, окруженный стѣною и красивыми рощами.

Далѣе къ западу значительный городъ Кередé, съ кожевеннымъ заводомъ при самомъ входѣ. Потомъ ѣдете вы безподобнымъ краемъ, гдѣ тянется непрерывная цѣпь

виноградниковъ и нивъ, перемѣшанныхъ съ орѣховыми и дубовыми деревьями; часто встрѣчаются здѣсь и остатки древности. Близъ Боли, мѣстоположеніе становится еще прекраснѣе. Подъѣзжающему съ восточной стороны этотъ городъ открывается только при вступленіи въ черту его, отъ того что онъ прислоненъ къ горѣ; улицы и базары представляютъ зрѣлище весьма оживленное. Изъ очаровательной равнины подымаетесь на горы, осѣненныя обширнымъ лѣсомъ, которому она передаетъ свое имя и откуда безпрестанно добывается строевой лѣсъ для арсеналовъ столицы Оттоманской.

Мѣстечки Хандакъ и Сабанджа извѣстны свирѣпостію своихъ жителей; берега Сабанджинскаго озера чрезвычайно живописны. Вы скоро достигаете насыпной дороги, ведущей въ городъ Исникъ-мидъ (Никомедію), расположенный въ глубинѣ залива того же имени; тутъ видны только печальные остатки древняго великолѣпія; есть впрочемъ шелковыя фабрики и глиняные заводы. Здѣсь останавливаются богатые восточные караваны, и это стеченіе людей иногда одушевляетъ городъ жизнію. Многочисленные сады и виноградники украшаютъ окрестность; есть также часто посѣщаемые цѣлительные источники.

Вотъ Гебизе́, маленькій городокъ, съ великолѣпною мечетью и прекрасно выбѣленными минаретами; округъ его почти безлѣсенъ; — наконецъ множество дачъ и необыкновенное стеченіе народа возвѣщаютъ близость обширнаго города Скутари, построеннаго полукружіемъ на скатѣ многочисленныхъ холмовъ, вдоль устья Босфора, насупротивъ Константинополя.

Босфоръ Ѳракійскій (Константинопольскій проливъ), отдѣляетъ Азію отъ Европы и соединяетъ Черное море съ Мраморнымъ. По словамъ путешественника Лешевалье, «ни одинъ проливъ на земномъ шарѣ не можетъ сравниться съ этимъ; онъ превосходитъ ихъ всѣ красотою береговъ своихъ, безопасностью якорныхъ мѣстъ и безконечнымъ разнообразіемъ живописныхъ предметовъ, поражающихъ взоры мореплавателя. Подобно величавой рѣкѣ, онъ извивается между двумя хребтами, которыхъ верхи осѣнены купами деревъ, скатъ пересѣкается садами, а у подножія разсѣяны миловидныя селенія, простирающіяся почти безпрерывно отъ Чернаго моря до Константинополя.

Скутари по-настоящему одно изъ предмѣстій этой столицы; мечеть его и другія общественныя зданія весьма замѣчательны; это сборное мѣсто всѣхъ каравановъ. Здѣсь возвышается прекрасный дворецъ великаго Султана, окруженный очаровательными садами; изящный водометъ, на одной изъ площадей, даетъ понятіе обо всѣхъ тѣхъ, которые такъ часто встрѣчаются въ этомъ краѣ (Л. XLIII—1).

На востокъ и на югъ простирается обширное кладбище, любимое мѣсто погребеніе вельможъ Имперіи, которые почитаютъ Азію своею отчизной.

Направивъ путь къ югу отъ Скутари, вы вступите въ Мраморное море (Пропонтиду), увидите одинъ за другимъ мысъ древняго Халкедона, острова Принцевъ, заливы Исникъ-мидскій и Муданійскій (при входѣ его островъ Калолимне), чрезвычайно плодоносный полуостровъ Кизикъ съ двумя заливами, однимъ къ востоку, другимъ къ западу; островъ

Мармару (Проконезъ), гористый и безплодный; на западъ отъ полуострова до Карабои — берегъ плоскій и болотистый. Здѣсь замѣтите устье трехъ рѣкъ; западнѣйшая изъ нихъ, Устволасу, теряется въ болотахъ: это древній Граникъ, гдѣ Александръ Македонскій увѣнчался первою побѣдой надъ Персами.

Въ Карабоѣ море съуживается. Здѣсь начинается Дарданельскій проливъ (Геллеспонтъ); ширина его въ этомъ мѣстѣ четыре мили; по обѣимъ сторонамъ возвышаются горы. Вотъ и Лампсаки, опоясанный плодоносными холмами; Абидосъ, на самой узкой части пролива, — зàмокъ Азіятскихъ Дарданеллъ (Султаніе-Калеси); городокъ, прилежащій къ нему, кипитъ жизнію. При выходѣ изъ пролива, возвышается новый Дарданельскій зàмокъ, построенный на лѣвомъ берегу устья рѣчки Мендеръ-Су; это древній Симоисъ, куда течетъ Скамандръ или Ксанѳъ, орошающій Троянскую равнину; мельницы, построенныя на высотѣ, болѣе къ юговостоку, при Эгейскомъ морѣ обозначаютъ мысъ Сигей. Подымаясь вверхъ по Ксанѳу до теплыхъ его источниковъ, достигаешь деревни Бунарбаши близъ того самаго холма, гдѣ нѣкогда была Троя. За нею высится гора Ида. Этотъ небольшой округъ, увѣковѣченный Иліадою, привлекалъ къ себѣ путешественниковъ изъ различныхъ странъ Европы, и всѣ они принесли дань удивленія мѣстной точности Гомеровыхъ картинъ.

Далѣе на берегу, мелькаетъ Эски-Стамбулъ, занимающій мѣсто Александріи-Троады, которая первоначально называлась Антигоніей. Густой лѣсъ мелкихъ дубовъ, свойственныхъ особенно Леванту, осѣняетъ большую

часть замѣчательныхъ развалинъ этого города, который Римляне украсили великолѣпными памятниками.

Насупротивъ, въ трехъ миляхъ отъ материка, виденъ островъ Тенедосъ, столь могущественный во времена Пріама, а теперь бѣдный и безплодный; только красное вино его по прежнему отличается крѣпостью и вкусомъ. Замокъ, подобный древней готической крѣпости, владычествуетъ надъ городомъ, построеннымъ вокругъ небольшаго залива, который служитъ убѣжищемъ купеческимъ судамъ во время бурнаго морскаго волненія (Л. XLIII—3).

Слѣдуя къ югу вдоль берега Азіи, то оживленнаго зеленѣющими холмами, то усѣяннаго громадами базальта и темносѣраго гранита и повсюду представляющаго виды самые живописные, вы огибаете мысъ Бабу, образующій юго-западную оконечность цѣпи горъ, непримѣтно восходящей до ледяныхъ вершинъ Гаргары и замыкающей къ сѣверу заливъ Адрамитти. Влѣвѣ остается небольшая купа острововъ Муконизи (Hecatones), и передъ вами проливъ, отдѣляющій островъ Метелинъ (Lesbos) отъ твердаго берега.

Отчизна Сафо, Алкея, Ѳеофраста и многихъ другихъ знаменитыхъ людей древности, этотъ островъ пересѣкается высокими хребтами горъ, среди которыхъ много цѣлительныхъ источниковъ. Онъ обиленъ водою, плодоносенъ и хорошо населенъ; на южной и восточной сторонахъ его двѣ надежныя пристани. За Аргинузскими островами, на юго-востокъ отъ Метелина, открывается на твердой землѣ заливъ Сандарлыкъ, принимающій рѣку Мандрагорай (Caicus), на берегу которой видны развалины Пергама; потомъ вправѣ мелькаетъ Сціо (Chios) и мысъ Карабурунъ (Melae-

па), а влѣвѣ, близъ устья Сарабата (Hermus), Фокіа-Нова (Фокея), откуда въ VII столѣтіи до Р. Х. вышли основатели Марсели.

Далѣе передъ вами обширный заливъ, заимствовавшій имя свое отъ Смирны. «Положеніе этого города, говоритъ Г. Ренуаръ-де-Бюссіеръ, учинило его, въ новыя времена, средоточіемъ цвѣтущей торговли. Мало по малу сдѣлался онъ самымъ богатымъ и блестящимъ изъ Левантскихъ торжищъ: многочисленные караваны доставляли туда произведенія Азіи, а корабли изъ всѣхъ странъ міра приносили на обмѣнъ другіе товары. Духъ торговли одушевилъ пріязнію людей, различныхъ нравами и вѣрой; вскорѣ явилась здѣсь смѣсь обычаевъ Азіятскихъ съ западными, и нетерпимость вѣръ укротила свое ожесточеніе. Европейскіе купцы и консулы ихъ поселились въ одномъ кварталѣ, который получилъ видъ ихъ отечественныхъ городовъ, а увѣтливость коренныхъ жителей Смирны сдѣлала пребываніе въ ней легкимъ и пріятнымъ для чужеземцевъ.

«На другой день прибытія моего, я отправился въ замокъ. Мы прошли кварталъ Франковъ во всю его длину: улицы шире Константинопольскихъ; домы показались мнѣ красивыми; за многими изъ нихъ садики съ крытыми галереями, которыя, какъ въ Италіи, убраны вьющимися растеніями и украшены горшками цвѣтовъ. Турецкій кварталъ ничѣмъ не походитъ на кварталъ Франковъ; въ немъ улицы тѣсныя и небрежно вымощенныя, домы деревянные со множествомъ оконъ, обремененныхъ выпусками и навѣсами. Водоносцы и вереницы верблюдовъ и ословъ безпрестанно затѣсняютъ дорогу; базары, съ остроконеч-

ными кровлями и виноградными бесѣдками, отличаются богатымъ убранствомъ; небольшія кофейни, посреди нихъ, служатъ притономъ Туркамъ, живущимъ подлѣ.

« Черезъ часъ, пришли мы въ старый зàмокъ Смирнскій, построенный на вершинѣ довольно высокаго холма.... Видъ, представляющійся оттуда, весьма обширенъ. Горы, хотя и безплодныя, образуютъ красивыя протяженія; долины, которыя стелятся за Смирною на востокъ и гдѣ у большей части купцовъ загородные домы, воздѣланы рачительно и обилуютъ тучными лугами. Море, покрытое купеческими судами, лежитъ у ногъ зрителя, неизмѣримою равниной; кладбища, съ длинными рядами кипарисовъ, занимаютъ первый планъ картины. Съ одной изъ площадокъ зàмка открывается къ югу другая долина узкая и плодородная, орошаемая рѣкою Мелесомъ, на берегахъ которой, по увѣренію многихъ, родился Гомеръ. Рѣка течетъ подъ древнимъ водопроводомъ, хорошо сохранившимся и довольно красиво построеннымъ; вездѣ лежитъ на ней тѣнь высокихъ деревъ; послѣ многихъ излучинъ она льется подъ мостъ Каравановъ, по которому безпрерывно тянутся обозы съ богатою шерстью Ангорскою, съ Персидскими коврами и шелкомъ.»

Тщетно ищешь въ Смирнѣ остатковъ великолѣпнаго ея зодчества. Сравненіе древняго города съ новымъ невыгодно для послѣдняго. «Впрочемъ, тоже можно сказать о всѣхъ городахъ Левантскихъ: главная прелесть ихъ въ однихъ воспоминаніяхъ.»

Народонаселеніе въ Смирнѣ простирается до 130,000 душъ. Кромѣ многократныхъ опустошеній отъ войны,

этотъ городъ терпитъ весьма часто отъ землетрясеній, чумы и пожаровъ.

Въ осми миляхъ къ западу отъ Смирны, должно проходить мимо небольшаго архипелага и залива Вурлы, бывшаго нѣкогда Клазоменскою пристанью; тутъ суда снабжаются водою. Выступивъ изъ залива и обогнувъ мысъ Кара-Бурунъ, путешественникъ входитъ въ широкій каналъ, отдѣляющій островъ Сціо отъ материка; на берегу его городъ Киссъ (Cyssus) замѣненъ былъ Чесмою (Чесме), построенною на скатѣ холма, въ углубленіи залива, гдѣ въ 1770 году Русская эскадра истребила Турецкій флотъ.

Сціо пересѣкается многими цѣпями горъ, образующими очаровательныя долины. Холмы одѣты виноградниками, померанцевыми и шелковичными деревьями, дубами и мастичными фисташниками; послѣдніе воздѣлываются съ чрезвычайнымъ раченіемъ: мастика, вытекающая изъ нихъ, продается весьма дорого; женщины на Востокѣ жуютъ ее безпрерывно, чтобы дышать ароматами.

Сціо все еще славится красотою своихъ женщинъ, но по странности наряда онѣ кажутся уродливыми.

Сціо, богатый и цвѣтущій при началѣ возстанія Грековъ, соблюдалъ въ этой борьбѣ строгое безучастіе, а потому флоты Оттоманскіе не безпокоили его долгое время. Къ несчастію, въ 1822-году прибылъ къ острову одинъ Самосскій начальникъ съ нѣсколькими судами и высадными войсками и двинулся противъ главной крѣпости, гдѣ былъ Турецкій гарнизонъ. Тутъ закипѣлъ духъ рвенія въ жителяхъ Сціо: они соединились съ

Самосцами; зàмокъ былъ взятъ приступомъ, и весь гарнизонъ палъ подъ остріемъ меча. Вскорѣ подоспѣла въ пристань эскадра Турецкая; малодушные Самосцы бросились на суда свои и бѣжали. Тщетно главные купцы и гражданскіе чиновники острова умоляли Капитанъ-Пашу о милосердіи, опираясь на невинность свою во все продолженіе Греческаго мятежа. Турки остались непреклонными. Закипѣло убійство, и двои сутки свирѣпствовало безпощадно. Послѣ этой страшной годины, Сціо почти вовсе опустѣлъ и сдѣлался обителью бѣдности; гдѣ прежде цвѣла жизнь, тамъ теперь только груды развалинъ. Слабые остатки народонаселенія стеклись мало по малу на прежнія пепелища; но пройдетъ еще много лѣтъ, пока островъ возвратится къ первобытному *благосостоянію.*

Множество островковъ разсѣяны къ югу отъ Сціо; влѣвѣ, на материкѣ, открывается заливъ Скала-Нова, а въ углубленіи его стоятъ развалины Эфеса, близъ деревни Айясалукъ. Насупротивъ мыса Самсона, которымъ онъ оканчивается, лежитъ островъ Самосъ, съ своими горами, то крутыми и голыми, то ярко зеленѣющими и лѣсистыми; есть на немъ и хорошо воздѣланныя равнины; у главнаго его города Вати обширная и спокойная пристань. Къ западу отъ Самоса—Икарія, небольшой островокъ гористый и лѣсистый; а къ югозападу другой островокъ Патмосъ, весь въ скалахъ, но со многими хорошими пристанями.

На вершинѣ самой высокой его горы возносится обитель Евангелиста Іоанна Богослова; преданіе говоритъ, что

этотъ монастырь сооруженъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, во время изгнанія своего жилъ святой Апостолъ.

На берегу материка увидите устье Мейндеръ-Бююка (Меандра), рѣки чрезвычайно излучистой; на югъ отъ нея процвѣталъ нѣкогда Милетъ, городъ знаменитый въ древности торговлею, богатствами, и многочисленными поселеніями, которыя учреждалъ онъ въ разныхъ мѣстахъ; думаютъ, будто бы открыли развалины его близъ деревни Палата (Л. XLIII—4).

На югъ отъ устья Меандра—глубокій заливъ, окраемый къ югу длиннымъ полуостровомъ, а насупротивъ его лежитъ островъ Станхіо (Косъ), гористый и плодородный, знаменитый рожденіемъ Иппократа. Отъ этого острова перешло названіе одному заливу твердой земли, на полуденномъ берегу котораго стоитъ Будрунъ (Галикарнассъ,) построенный на отлогости пригорка; тутъ видны во многихъ мѣстахъ слѣды древняго города, а въ окрестностяхъ груды развалинъ. Г. Бьюфортъ, капитанъ Англійскаго флота, полагаетъ, что славный памятникъ воздвигнутый Артемизою ея супругу, занималъ то мѣсто, гдѣ теперь замокъ, господствующій надъ городомъ.

Къ юговостоку отъ Станхіо, островъ Родосъ представляетъ взору холмы свои, восходящіе уступами и замыкаемые къ верху высокою горою. «Островъ этотъ, говоритъ Дидо, знаменитѣе нынѣ храбростью рыцарей, защищавшихъ его укрѣпленія, нежели древнимъ своимъ чудеснымъ колоссомъ.» У него двѣ пристани: малая, пренебреженная Турками, дѣйствительно вовсе незначительна; другая, обширнѣе, можетъ вмѣщать сорока-пушечные фрегаты; но она слишкомъ подвер-

жена сѣвернымъ и сѣверовосточнымъ вѣтрамъ; напротивъ того первая совершенно укрыта, и въ ней производится починка судовъ.

По разсказамъ Савари, Дидо и другихъ путешественниковъ, новый городъ, построенный на развалинахъ древняго, занимаетъ четвертую часть его пространства; въ немъ нѣтъ ни какого примѣчательнаго памятника; нѣтъ даже и слѣдовъ древности: все было расхищено или истреблено. Пройдя многія излучистыя улицы, гдѣ въ хилыхъ и, по большой части, деревянныхъ домахъ живутъ Турки, достигаешь улицы широкой и прямой, теперь еще слывущей подъ именемъ улицы Рыцарей: по обѣимъ сторонамъ ея тянутся мраморные помосты; она идетъ въ гору отъ пристани до *велико-магистерскаго замка, стоящаго надъ укрѣпленіемъ. Видъ* ея производитъ глубокое впечатлѣніе: счастливый случай сохранилъ по всей ея длинѣ тѣ самые домы, гдѣ нѣкогда жили храбрые рыцари; щиты ихъ, высѣченные на мраморѣ, и теперь еще остались надъ стрѣльчатыми дверьми; близъ этихъ гербовъ во многихъ домахъ устроены снаружи впадины, изваянныя въ видѣ готическихъ часовень. Проходя подъ Красными Воротами, видишь тяжелые рыцарскіе доспѣхи и длинные мечи, которые теперь намъ не по силамъ; они просто висятъ подъ сводомъ или расположены въ видѣ трофеевъ. Турки хвалятся ими, не зная того, что трофеи эти славнѣе для побѣжденныхъ, нежели для побѣдителей.

Хотя въ Родосѣ не осталось и слѣда прежняго его блеска, однако жъ выгодное положеніе на оконечности мыса, домы его, расположенные уступами, вѣковыя

крѣпости, стѣны, возвышающіяся на скалахъ, все придаетъ ему грозный видъ силы и могущества, изъ-дали поражающій мореплавателей. Прекрасныя деревья, покрывавшія нѣкогда густыми лѣсами горы острова, теперь рѣдѣютъ отъ-того, что Турки употребляютъ ихъ на постройку кораблей и никогда не подсаживаютъ новыхъ. Островъ надѣленъ чрезвычайнымъ плодородіемъ и приносилъ бы большой доходъ, если бы дурное управленіе не уменьшало съ каждымъ днемъ числа жителей. Здѣшнія вина въ большомъ ходу, плоды обильны и превосходны; но часть лучшихъ земель остается необработаною.

Насупротивъ Родоса, Макрійскій заливъ, въ материкѣ, имѣетъ превосходную пристань; берега его представляютъ развалины древнихъ Азіятскихъ городовъ. Къ югу возвышается мысъ Ирди-Бурунъ, составленный изъ горныхъ громадъ высокихъ и дикихъ. Съ этого мѣста, капитанъ Бьюфортъ началъ въ 1811 году обозрѣніе Караманскаго берега. Нѣсколько далѣе къ востоку, близъ берега, лежатъ развалины Патары, нѣкогда знаменитой прорицалищемъ Аполлона; тутъ видны слѣды прежней пристани, которая теперь превратилась въ болото, загруженное пескомъ и поросшее кустарниками; сообщеніе съ моремъ преграждено прямымъ и плоскимъ побережьемъ, безъ всякаго прохода; длинныя цѣпи намывныхъ холмовъ простираются во всѣ стороны.

За многими пустынными островами, у подножія крутаго берега, видѣнъ городъ Кастель-Россо, съ тѣсною, но глубокою пристанью. Островъ вездѣ нагъ и совершенно безплоденъ; городъ населенъ

одними Греками, управляемыми Турецкимъ агою. Здѣсь обыкновенно берутъ кормчихъ для другихъ прибрежныхъ мѣстъ, даже въ Сирію и Египетъ. Горы Карамании осѣнены густыми лѣсами и доставляютъ богатый запасъ для морскихъ построекъ.

Кастель-Россо образуетъ западный берегъ порта, наполненнаго островками и подводными камнями, и заключаетъ въ себѣ двѣ просторныя пристани: Северо и Вати. На крутоярахъ этихъ гаваней видно множество гробницъ, изсѣченныхъ въ скалѣ, которыя первоначально затворялись каменными дверями. Надгробные памятники разсѣяны по скату горы, но нѣтъ ни какого замѣчательнаго обломка; напротивъ того, перешеекъ, отдѣляющій Северо отъ твердой земли, представляетъ развалины огромныхъ зданій и между прочимъ остатки одного театра.

Далѣе, къ востоку отъ безчисленныхъ островковъ и заливцевъ Какавы, находится устье небольшой рѣчки Андраки, орошающей развалины Миры. На лѣвомъ берегу мелькаютъ остатки обширной Римской житницы, съ Латинскою надписью, возвѣщающей о построеніи ея въ царствованіе Траяна. Вдоль всего берега разсѣяны на каждомъ шагу остатки древнихъ памятниковъ.

Г. Бьюфортъ стоялъ на якорѣ противъ вершины Тахталы, въ семь тысячъ восемьсотъ футовъ вышиною. «Въ прошедшую ночь, говоритъ онъ, замѣтили мы съ нашего фрегата слабое, но постоянное сіяніе среди горъ; изъ показаній жителей, мы узнали что это янаръ, или волканическій огонь, и они предложили намъ лошадей къ нему доѣхать. Совершивъ

двѣ мили полемъ плодоноснымъ и отчасти обработаннымъ, потомъ продолжая путь извилистой дорогою, въ скалистой и лѣсной долинѣ, мы увидѣли во внутреннемъ углу одного развалившагося зданія подкопъ подъ стѣну, сдѣланный такимъ образомъ, какъ будто бъ нарочно хотѣли оставить отверзтіе около трехъ футовъ въ поперечникѣ и въ видѣ печнаго устья. Вотъ откуда выходитъ пламя, разливающее сильную теплоту, не оставляя на стѣнѣ слѣдовъ дыма. Мы отдѣлили отъ внутренности жерла куски окрѣплой сажи; несмотря на то, цвѣтъ стѣны едва былъ измѣненъ. Деревья, кустарники и всякаго рода растенія прозябаютъ около и близъ самаго отверзтія, подлѣ котораго бѣжитъ ручей съ окрестныхъ возвышеній; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ жерла, не примѣтно ни какихъ дѣйствій жара. Гора состоитъ изъ рыхлаго змѣевика и разбросанныхъ грудъ известковыхъ камней. Впрочемъ, въ окрестностяхъ мы не замѣтили ни какихъ волканическихъ произведеній.

«Нѣсколько далѣе, спускаясь съ горы, встрѣчаешь другую впадину, которая, въ продолженіи нѣкотораго времени, давала изъ себя, кажется, такое же пламя. Однако проводникъ увѣрялъ насъ что никто этого не запомнитъ; онъ говорилъ еще, что размѣръ и видъ отверзтія никогда не измѣнялись, что тутъ никогда не слыхали ни какого шуму, ни колебанія земли; что это жерло не извергало никогда ни камней, ни дыму, ни тлетворныхъ испареній, и что тщетно старались погасить выходящее оттуда яркое пламя большимъ количествомъ воды. Пастухи часто приходятъ сюда готовить себѣ пищу; наконецъ проводникъ не шутя

увѣрялъ насъ, что краденое мясо никогда здѣсь не изжарится.

«Безъ сомнѣнія, такое чудное явленіе существуетъ цѣлые вѣки, ибо, вѣроятно, естествоиспытатель Плиній разумѣетъ это мѣсто, говоря: «Гора Химера, близъ Фазелиса, непрерывно извергаетъ пламя, горящее днемъ и ночью.»

«Отъ этого страннаго мѣста мы возвратились другой дорогою и остановились у нѣсколькихъ Турецкихъ лачугъ, если можно назвать такъ груды камней, едва имѣющія видъ стѣнъ и поддерживающія въ видѣ кровли навѣсъ изъ древесныхъ вѣтвей, травы и листьевъ. Въ этихъ лачугахъ нѣтъ ни оконъ, ни камельковъ; нельзя вообразить себѣ ничего ничтожнѣе. Впрочемъ это *относится* къ *одной внѣшности*; мы не *заглядывали внутрь*: женщины замѣтивъ, что мы приближаемся, тотчасъ бросились домой, и взорамъ невѣрныхъ не было дозволено проникнуть въ ихъ завѣтное убѣжище. Въ продолженіе хорошой погоды, которая стоитъ въ здѣшнемъ климатѣ три четверти года, люди живутъ подъ тѣнію деревъ; койки, сбрую и мелкую посуду свою привѣшиваютъ къ вѣтвямъ, ковры разстилаютъ по землѣ и бо̀льшую часть дня только и дѣлаютъ, что курятъ трубки. Потокъ, возлѣ котораго всегда помѣщаютъ они свои тѣнистыя жилища, утоляетъ ихъ жажду и служитъ для омовеній; кисти винограда, висящіе со всѣхъ сторонъ, манятъ къ себѣ руку прохожаго.»

Въ августѣ мѣсяцѣ бѣлѣлось только немного снѣговыхъ полосъ на горѣ Тахталы, тогда какъ отдаленныя горы, внутри края, покрыты были снѣгомъ на

цѣлую четверть высоты считая отъ ихъ вершины. Отсюда можно заключить, что возвышенiе этой части Тавра простирается до 10,000 футовъ, и слѣдственно она немногимъ ниже Этны. Текрова, у подошвы Тахталы, замѣнила прежнiй Фазелисъ. Г. Бьюфортъ и сопутники его, обозрѣвъ развалины и надписи этого древняго города, рачительно помѣстили послѣднiя на прежнее мѣсто и въ томъ видѣ, въ какомъ нашли ихъ, «или лучше сказать, говоритъ онъ самъ, мы расположили ихъ такимъ образомъ, чтобъ онѣ какъ можно лучше сохранились; мы постоянно держимся этого правила въ нашихъ изслѣдованiяхъ для пользы будущихъ путешественниковъ.» За такую похвальную заботливость всѣ любители просвѣщенiя должны быть благодарны этимъ мореходцамъ.

Отъ Авовскаго мыса, близъ Текровы, Г. Бьюфортъ направилъ путь свой на сѣверъ, къ заливу Саталiи или Адалiи (Ольвiи). Городъ, носящiй имя этого залива, обширенъ и процвѣтаетъ торговлею; тутъ видна еще великолѣпная трiумфальная арка, сооруженная въ честь Адрiану. Потомъ, плывя въ восточномъ направленiи, путешественникъ посѣтилъ Лаару (Атталiю), съ превосходною пристанью, которая теперь завалена; Эски-Адалiю, названiе, данное Турками славнымъ остаткамъ древней Сиде, столь знаменитой нѣкогда ловкостью и искуствомъ своихъ мореходцевъ; здѣсь самый обширный и наилучше сбереженный театръ изъ всѣхъ, какiе только есть въ городищахъ этого берега; Алаiю (Coracesium), окруженную селенiями, зàмками и развалинами церквей, хотя и не очень древнихъ; Селинти (Селинусъ), который, по случаю смерти

Траяна, наименованъ Траянополисомъ, и котораго развалины достойны вниманія; Анемуръ, ничтожный замокъ, въ сосѣдствѣ развалинъ Анемуріума, особенно замѣчательныхъ многочисленными гробницами; Селефке (Селевкія), городокъ съ пристанью; въ немъ примѣтны еще обширные водоемы, погребальныя пещеры, театръ и другія зданія; Мезетлю, близъ остатковъ Солеи или Помпеополиса, и теперь еще поражающихъ удивленіемъ: великолѣпная колоннада, при входѣ въ гавань, состоитъ изъ сорока четырехъ цѣлыхъ колоннъ.

Въ пятнадцати миляхъ къ юго-юговостоку отъ мыса Анемура, крайняго на югѣ Карамaніи, лежитъ островъ Кипръ, котораго длина отъ востока къ западу пятьдесятъ двѣ мили, а средняя ширина отъ сѣвера къ югу двадцать. Марити, Мекдональдъ Кинниръ, Г. Дидо, Г. Калле и многіе другіе путешественники посѣщали его, и вотъ вкратцѣ то, что они замѣтили.

Кипръ перерѣзанъ отъ востока къ западу цѣпью высокихъ и утесистыхъ горъ, которыхъ главная вершина, гора Святаго Креста (Олимпъ), — почти въ средоточіи острова и пускаетъ отъ себя въ разныя стороны второстепенныя вѣтви, образующія вдоль берега остроконечные мысы. Кипръ терпитъ недостатокъ въ водѣ: лѣтомъ рѣки изсякаютъ отъ засухи, а колодцы, по большей части, доставляютъ солоноватую воду.

Ларнака, при заливѣ юговосточнаго берега, близъ развалинъ Цитіума, — мѣсто пребыванія многихъ консуловъ Европейскихъ; большая часть купцовъ живетъ въ нижней части, называемой Морскою, потому, что нѣсколько ничтожныхъ лавочекъ разставлены тамъ на берегу. Въ бытность Г-на Дидо на

островѣ, поднялась буря. «Два дня спустя, говоритъ онъ, смотря изъ оконъ консульскаго дома, находящагося въ самой высокой части Ларнаки, я чрезвычайно удивился, замѣтивъ, что этотъ городъ какъ будто бы исчезъ подъ ковромъ зелени: отъ дождя вышла трава на всѣхъ кровляхъ съ насыпями, которыя, равно какъ и стѣны домовъ, сдѣланы изъ земли, смѣшанной съ соломою. Тогда былъ январь; но погода была такъ же пріятна, какъ среди лучшихъ дней весеннихъ. . . .

«Женщины безобразны въ Ларнакѣ, хотя внутри острова онѣ вообще пригожи; въ Левкозіи или Никозіи, столицѣ острова, я видѣлъ женщинъ замѣчательной красоты.

«На пути къ этому городу, проходишь монастыремъ, сооруженнымъ близъ горы, на которой возносится церковь Святаго-Креста Олимпійскаго, потомъ деревенькою Даліе, которой имя напоминаетъ древнюю Идалію. Тутъ нѣтъ слѣдовъ древности; одно преданіе, да имя деревни вмѣстѣ съ именемъ *Священнаго Сада* (Іеросъ Кепосъ) близъ Паѳоса (Баффо), вотъ все, что осталось отъ Идаліи, Паѳоса, Амаѳонта и Венериныхъ садовъ, нѣкогда столь знаменитыхъ на островѣ Кипрѣ.

«Видъ города Левкозіи, построеннаго въ равнинѣ, очарователенъ; бѣлизною стѣнъ своихъ отдѣляется онъ рѣзкою чертою отъ высокихъ горъ. Нѣкоторые домики очень красивы и почти всѣ они съ садами; прочность многихъ стѣнъ показываетъ, что онѣ были строены Венеціанами.

«Окружность Левкозіи весьма обширна, но внутренность города, большею частію, пуста. По вѣрнѣй-

шимъ показаніямъ, какія я могъ достать на островѣ, общее народонаселеніе его простирается не свыше 80,000 душъ. Строгія мѣры, принятыя правительствомъ противъ переселенія, не могли положить ему преграды; а оттого уже и около Фамагусты лежатъ въ запустѣніи поля, несмотря на плодоносіе ихъ и близость къ морю. Между тѣмъ, по положенію своему, по обилію почвы и разнообразію ея произведеній, представляющихъ большія выгоды торговлѣ, островъ могъ бы легко удовлетворять потребностямъ милліона жителей. Къ нему и теперь приходить нѣсколько кораблей для вывоза въ Европу или въ Турцію хлопчатой бумаги, шелку бѣлаго и желтаго, сухаго корня красильной марены, умбры, винъ, пшеницы, ячменю и соли.

«Въ двухъ миляхъ отъ Левкозіи, нашли мы на дорогѣ груды камней, составляющія алтари проклятій, которые ставятся жителями противъ того или другаго чиновника, угнетавшаго ихъ ярмомъ самоуправства. Вода, которая гніетъ во многихъ мѣстахъ отъ застоя, и которая, при хорошихъ распоряженіяхъ, могла бы доставлять большую помощь земледѣлію, составляетъ главную причину лихорадокъ, ежегодно свирѣпствующихъ между жителями. Европейцы, поселившіеся въ Ларнакѣ кажется нарочно избрали самое нездоровое мѣсто, ибо оно окружено болотами.»

На восточномъ берегу лежитъ Фамагуста, въ пяти миляхъ къ югу отъ Саламида, чтó назывался потомъ Констанціей; она знаменита славной обороною Венеціанъ противъ Турковъ, нарушившихъ самымъ постыднымъ и звѣрскимъ образомъ капитуляцію, подписанную въ

1571-мъ году; теперь онъ погребенъ въ развалинахъ, гдѣ живутъ около ста Турковъ.

Церино (Керинія), на сѣверномъ берегу, откуда отправляются курьеры на твердую землю, теперь уже ничѣмъ не примѣчателенъ; тоже самое можно сказать и о Лимасолѣ (Амаѳонтѣ), на южномъ берегу, о Баффо и другихъ городахъ западнаго берега.

Возвращаясь на твердую землю, при устьѣ Тарсусъ-Чая (Cydnus) увидите вправѣ Эзлу (Казанлы), пристань Тарсуса. Проѣхавъ двѣнадцать миль правымъ берегомъ рѣки, достигнете этой столицы, довольно еще обширной и торговой, и занимавшей въ древности блистательную и знаменитую чреду своимъ могуществомъ, богатствами и училищами. По словамъ Киннира: «Когда смотришь на нее въ нѣкоторомъ разстояніи съ вершины небольшаго холма, она кажется скорѣе лѣсомъ, нежели городомъ, отъ безчисленныхъ и обширныхъ садовъ, которые ее окружаютъ. Со времени паденія Римской державы, Тарсусъ столько разъ былъ взятъ и раззоренъ, что въ немъ едва остались слѣды прежняго великолѣпія, и онъ не занимаетъ теперь и четвертой доли древняго своего пространства. Безчисленное множество небольшихъ ручьевъ, проведенныхъ изъ Кидна (Тарсусъ-Чая), орошаютъ его; но эта рѣка, нѣкогда протекавшая самымъ городомъ, теперь на полъ-мили отъ него къ востоку. Окрестности подвержены наводненіямъ во время тали снѣговъ, и видны еще слѣды канала, изрытаго, по приказанію Юстиніана, для спуска излишнихъ водъ въ такихъ случаяхъ.

«Дорога отъ Тарсуса къ востоку идетъ чрезвычайно плодоносною равниной, которая производитъ хлопчатую бумагу и заключаетъ въ себѣ многія деревни Греческія, раздѣляемыя садами и виноградниками. Высокія горы отстоятъ на шестнадцать или семнадцать миль влѣво отъ дороги, ведущей въ весьма древній городъ Адану, который лежитъ на правомъ берегу рѣки Сейгуна и почти столь же обширенъ какъ и Тарсусъ, но лучше выстроенъ. Величественный портикъ возносится среди базара; изящный каменный мостъ и водопроводъ, рачительно содержимый, также обращаютъ на себя вниманіе.

«Выѣхавъ изъ города и переправясь черезъ Сейгунъ, пустился я къ юговостоку по равнинѣ, прорѣзанной цѣпью горъ, которая идетъ въ томъ же направленіи; потомъ оставилъ за собой другую равнину, отъ природы плодородную, но необработанную и пустынную. Мессисъ (Моснуэстъ), большое селеніе изъ землянокъ, разбросанныхъ по грудамъ песку и щебня, лежитъ на правомъ берегу Сейгуна, черезъ который сдѣланъ красивый каменный мостъ. Изъ равнины вступаешь въ горный хребетъ и проѣхавъ шесть миль узкимъ и каменистымъ ущельемъ, спускаешься въ пустынную долину, среди безплодныхъ и темноцвѣтныхъ горъ. Хотя поверхность земли и опалена жаромъ знойнаго солнца, однако же густая и зеленѣющая трава покрывала тучный кряжъ этой равнины. Дорога снова подымается на высоты и ведетъ къ разоренному городу Картанлыку (Кастабалѣ), гдѣ живутъ четыре или пять Туркменскихъ семействъ: это были первыя одушевленныя существа,

которыхъ встрѣтили мы отъ самаго Мессиса. Потомъ ѣдете вы мили три плоскою возвышенностью и углубляетесь въ тѣснину, поросшую частымъ кустарникомъ; далѣе, скалы сближаются, и вы проходите подъ ветхимъ портикомъ изъ чернаго гранита, называемымъ Кара-Капи (Черныя Ворота); оттуда спускаетесь въ узкую равнину, гдѣ направо Скандерунскій заливъ; у подошвы горъ — развалины новаго города Аяса; къ сѣверозападу легкія возвышенія; къ югу Исская губа, а къ востоку обширное болото. Подаваясь на востокъ и потомъ на югъ вдоль губы, встрѣчаешь Пайясъ на отлогомъ скатѣ холма, въ четверти мили отъ высокой цѣпи Аманской, отдѣляющей Киликію отъ Сиріи; Пайясъ занимаетъ мѣсто древняго Исса, славнаго побѣдою Александра надъ Персами. Весь край, которымъ ѣхали мы отъ Аданы, представляетъ печальную картину слѣдствій произвольнаго, тиранскаго управленія.»

Къ сѣверу отъ горъ, соединяющихъ Аманскій хребетъ съ Тавромъ, лежитъ Марачъ на одномъ изъ притоковъ Сейгуна, и на одной изъ дорогъ, ведущихъ отъ востока къ западу. Продолжая путь въ этомъ направленіи, вы переѣзжаете рѣку Сейгунъ, потомъ Ак-су и наконецъ отрасли горы Тавра. Страна между сосѣднимъ городомъ Келендри и Карамбою называется у Турковъ Ичилемъ. По словамъ Киннира: «Это — неизмѣримый лѣсъ дубовъ, буковыхъ, пихтовыхъ, и можжевеловыхъ деревьевъ. Въ немъ живутъ нѣсколько Туркменскихъ ордъ, которыя разводятъ верблюдовъ, лошадей и быковъ; барановъ тамъ нѣтъ, зато пасутся многочисленныя стада козъ, охраняемыя

чрезвычайно большими собаками, которыя отличаются длиною своей шерсти, смышленостью, силою и свирѣпостью. Дороги дурны и почти непроходимы.

«Караманъ, отчасти построеный изъ развалинъ Ларенды (Larenda) лежитъ въ удолѣ, примыкающемъ къ обширной равнинѣ Конiйской, среди которой круто подымается кряжъ Караджа-дагъ; на буграхъ его, исчезающихъ въ дали, подобно волнамъ необозримаго моря, нѣтъ ни деревьевъ, ни кустарниковъ. Впрочемъ, нѣкоторыя мѣста плодородны, другiя напитаны селитрою, и только самомалѣйшая часть обработана и населена. Караваны часто подвергаются разграбленiю.

«Караманъ, на полуденной оконечности равнины и у подошвы Бедлыринъ-дага, отрасли Тавра, занимаетъ съ своими полями и садами обширное пространство; климатъ здоровый, вода въ изобилiи; здѣсь выдѣлываютъ грубыя ткани для одежды простолюдиновъ.»

У подошвы Караджа-дага видны еще развалины Мадена; остатки древности встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ по дорогѣ, улучшающейся по мѣрѣ удаленiя отъ горъ и приближенiя къ Конiэ (Iconium). Мечети, разбросанныя въ живописныхъ положенiяхъ, и училища или медресе́ придаютъ городу величавую наружность; но многiя изъ его общественныхъ зданiй въ чревычайномъ упадкѣ. Мечеть Султана Селима, сооруженная по образцу Софiйской въ Константинополѣ, и мечеть шейха Ибрагима, обширны и великолѣпны. Стѣны городскiя построены изъ развалинъ древнихъ зданiй; ворота и башни испещрены

Арабскими надписями. Киннирь замѣтиль Греческія буквы на обломкахъ подножій колоннъ, но онѣ были на такомъ возвышеніи, что ему не возможно было разобрать ихъ. Подъ фронтономъ воротъ, ведущихъ въ Ладикъ (Лаодикею), онъ усмотрѣлъ великолѣпный барельефъ и колоссальную статую Геркулеса изящной работы; нѣкоторыя фигуры чрезвычайно искажены. Турки пытались возстановить ихъ, приставляя къ нимъ ноги и руки; но грубое исполненіе этихъ приставныхъ частей являетъ разительную противуположность съ нѣжною и легкою работою древнихъ.

Жители Коніэ воспользовались водами маленькой рѣчки для поливанія садовъ и полей; остальная часть ея теряется въ небольшемъ озерѣ, въ пяти или шести *миляхъ* къ сѣверу. Съ обѣихъ сторонъ возвышаются снѣжныя вершины, но къ востоку лежатъ обширныя поля.

Проѣхавъ четырнадцать миль въ сѣверовосточномъ направленіи по малонаселенному и гористому краю, Кинниръ прибылъ въ Ладикъ (Laodicea Combusta). Отъ древняго города остались только обломки колоннъ, подножій и капителей, превращенныхъ Турками въ гробницы.

На пути изъ Ладика къ сѣверозападу, Кинниръ оставилъ вправо, на равнинѣ, два малыя озера, принимающія въ себя небольшую рѣку Эйльгунъ-су, текущую на востокъ. Переплывъ черезъ нее, онъ достигъ цвѣтущаго города Эйльгуна, котораго рынки обильно снабжены запасами и товаромъ. Далѣе видѣлъ онъ Эк-Шегръ, у подошвы горъ; потомъ проѣхалъ чрезъ Кечлукъ, окруженный садами; дорога и

здѣсь извивается у подножія большаго горнаго хребта.

Въ четырехъ миляхъ къ востоку, отъ Эк-Шегра до Кечлука разстилается озеро; оно граничитъ къ сѣверу высотами, поросшими камышемъ, которымъ жители кроютъ домы. Балудынъ, при рѣкѣ Акаръ-Су, лежитъ у подошвы горнаго хребта, къ западу отъ обширной равнины. Чтобы достигнуть Афіумъ-Кара-Гиссара, должно вторично переѣхать Акаръ-Су. Афіумъ-Кара-Гиссаръ (Apamea Cibotus), довольно хорошо выстроенъ для Турецкаго города и извѣстенъ фабриками, на которыхъ выдѣлываются черные войлоки, и множествомъ опіума, добываемаго изъ маку, который обильно разводится въ околоткѣ.

Почти въ семи миляхъ къ западу отъ Кара-Гиссара виденъ чудный монастырь, состоящій изъ пещеръ, прорытыхъ въ горномъ кряжѣ; нѣсколько монаховъ живутъ въ этой обители.

За Кара-Гиссаромъ, Киннирь продолжалъ путь къ сѣверо-сѣверозападу по странѣ пустынной, безплодной и гористой; потомъ онъ углубился въ горы и спустился въ равнину большаго города Кютайе (Cotyaeum), расположеннаго частію при подошвѣ Пурсакъ-Дага, частію на крутизнѣ этихъ горъ. Ветхая мечеть замѣчательна страннымъ зодчествомъ; на стѣнахъ города сохранилось еще много Греческихъ надписей.

Киннирь, повернувъ потомъ къ сѣверу, взбирался на горы, осѣненныя пихтами, елями и букомъ. Воздухъ холодѣлъ по мѣрѣ приближенія къ Олимпу, котораго снѣжная вершина стремится въ облака и какъ

бы исчезаетъ въ густомъ туманѣ, почему Турки назвали ее Доманъ-дагъ (дымная гора). Киннирь достигъ Олимпа четвертаго марта; цѣлое утро шелъ сильный снѣгъ.

Тюрба—одно изъ пяти селеній, лежащихъ въ веселой долинѣ, на берегахъ рѣчки, подъ ущельями горы Олимпа. Жители этихъ селеній избавлены отъ податей, но зато обязаны охранять проѣзжихъ, и служить имъ вожатыми. Ни одинъ еще путешественникъ не погибъ здѣсь въ снѣгахъ. Подобно монахамъ Сенъ-Бернардскимъ, поселяне держатъ особаго рода большихъ собакъ, которыя чутьемъ отыскиваютъ затерявшихся путниковъ. Перебравшись чрезъ двѣ рѣчки, текущія къ сѣверу, вы спускаетесь въ тучную и лѣсистую Іони-Гульскую долину, орошаемую рѣчкой Іони-Су. По тропинкамъ между скалъ достигнете наконецъ долины города Бруссы (Prusa), лежащаго отъ востока къ западу на высотахъ, въ прелестномъ мѣстоположеніи, у подошвы Олимпа и неподалеку отъ Нилюфера. Въ немъ много теплыхъ источниковъ, при которыхъ выстроены великолѣпныя зданія; на вершинахъ огромныхъ скалъ находится разрушенный замокъ, древнее мѣсто пребыванія Султановъ; на полустертыхъ барельефахъ виднѣется еще Римскій орелъ (Л. XLIII—3). Народонаселеніе Бруссы простирается до 100,000 душъ; жители занимаются торговлею и выдѣлываніемъ шелковыхъ тканей; въ окрестностяхъ разведено много тутовыхъ деревъ.

Теперь возвратимся въ Коніэ и послѣдуемъ оттуда на западъ по пути болѣе южному и не такъ извѣстному, какъ тотъ, который мы доселѣ обозрѣвали.

Въ югозападномъ направленіи, по переѣздѣ чрезъ горы, вы увидите многолюдное селеніе Сераски-Серай и близъ него, обильныя теплыя воды; далѣе озеро Гулъ-Бегъ-Шари, имѣющее болѣе шестидесяти миль въ окружности; въ немъ ловятъ множество большихъ рыбъ; истокъ его неизвѣстенъ. Другое озеро, не менѣе рыбное, но не такъ обширное, орошаетъ стѣны за̀мка довольно красиваго города Игерде; рѣка, выходящая изъ озера, течетъ къ югу и впадаетъ въ море близъ Аталіи.

Къ западу отъ Игерде находится большой городъ Бурдуръ, населенный кожевниками, красильщиками и ткачами; свѣтлые ручьи орошаютъ почти всѣ улицы; округъ его покрытъ горами, взгроможденными самымъ страннымъ образомъ. Вблизи начинается озеро Аги-Гулъ, простирающееся къ сѣверу и сѣверозападу; воды его солоны, берега очень живописны.

Въ двѣнадцати миляхъ къ сѣверовостоку отъ Бурдура, близъ селенія Агла-Су, видны прекрасныя развалины; полагаютъ, что это остатки Сегаласса. «Великолѣпный театръ, по словамъ Г. Аронделя, въ такомъ состояніи, какъ будто бы вчера на немъ играли.» Остатки обширнаго портика, гимназіи и другія древности, также заслуживаютъ вниманія.

Вся западная часть страны, обозрѣваемой нами, во многихъ мѣстахъ покрыта развалинами древнихъ городовъ; но не всѣ еще достовѣрно извѣстны, потому что цѣлые округи не были еще обозрѣваемы. Гюзель-Гиссаръ, цвѣтущій торговлею и бумажными фабриками, почти заступаетъ мѣсто «Магнезіи, что̀ на Меандрѣ.» Далѣе возвышается Эски-Гиссаръ, близъ развалинъ

Траллеса. Чандлеръ посѣщалъ Ала-Шегръ, близъ горы Тмола (Бузъ-Дага), испещренной самымъ благоухающимъ ладанникомъ. Здѣсь процвѣтала нѣкогда Филадельфія, истребленная землетрясеніями и людьми. Перерѣзавъ Тмолъ и слѣдуя теченію Сарабата (Hermus), вы достигаете Сарта, древнихъ Сардъ, мѣста пребыванія царей Лидійскихъ, низверженныхъ Киромъ. Г. Ликъ наблюдалъ въ окрестностяхъ памятникъ Аліата, отца Крезова: онъ имѣетъ видъ круглой пирамиды, вышиною въ двѣсти футовъ; основаніе его, состоявшее, по словамъ Геродота, изъ дикаго камня, имѣетъ шесть стадій въ окружности. Къ западу отъ холма, на которомъ онъ воздвигнутъ, бѣжитъ Пактолъ, текущій изъ ближней горы и впадающій въ Гермъ (Сарабатъ). Нѣкогда онъ струился по площади Сардской и катилъ въ волнахъ своихъ такое множество золотыхъ крупинокъ, что онѣ составляли главный доходъ предковъ Креза. Этотъ источникъ богатствъ наконецъ изсякъ. Если вѣрить словамъ Геродотовымъ, то, кромѣ Пактола и гробницы Аліата, въ Лидіи ничего не было чрезвычайнаго. Между Тмоломъ и цитаделью видны еще развалины большаго храма.

Сарабатъ, до впаденія своего въ море, проходитъ черезъ Магнизу (Магнезія при Сипилѣ). Гора Сипилъ справедливо почиталась у древнихъ постояннымъ жилищемъ бурь и грозъ. Магниза очень многолюдна и ведетъ обширную торговлю. Далѣе на сѣверъ, городъ Акъ-Гиссаръ (Ѳіатира), при Кадосѣ, почти не сохранилъ слѣдовъ прежняго великолѣпія. На сѣверозападѣ, Кыркагачъ извѣстенъ въ цѣломъ Левантѣ превосходной хлопчатой бумагою и медомъ. Вся дорога на сѣверъ идетъ че-

резъ поля хлопчатой бумаги. Потомъ начинается страна гористая, которая, по расказамъ Шатобріана, «была бы покрыта славными дубовыми, сосновыми многоголовниковыми, щелкунцовыми, терпентиновыми и фисташковыми деревьями, если бы Турки давали чему нибудь рости; но они пожигаютъ юныя растенія и искажаютъ деревья. Селенія въ этихъ горахъ бѣдны, но стада обильны и разнообразны: на одномъ и томъ же дворѣ увидите быковъ, буйволовъ, барановъ, козъ, лошадей, ословъ, муловъ, вмѣстѣ съ курами, индѣйками и гусями. Дикія птицы, каковы аисты и жаворонки, водятъ дружбу съ ручными животными, и среди этихъ мирныхъ обитателей царствуетъ верблюдъ, самый мирный изъ всего общества.»

Позади горъ течетъ рѣка Сусу-Гирли (Граникъ); переѣхавъ ее, можно слѣдовать по двумъ дорогамъ, изъ которыхъ правая ведетъ въ Бруссу, а лѣвая въ Микалицу, большой Турецкій городъ, лежащій при рѣкѣ того же имени; пристань Микалицы на рѣкѣ, въ шестнадцати миляхъ отъ Мраморнаго моря. Къ сѣверо-сѣверозападу отъ Бруссы, Кинниръ проѣхалъ во-первыхъ послѣдніе мысы горы Олимпа, потомъ, переправясь чрезъ Горни, спустился съ высотъ на берега залива Моданіи. Въ городѣ того же имени садятся на суда для отплытія въ Константинополь; съ востока, въ заливъ впадаетъ рѣка Гила, вытекающая изъ озера Исника.

На восточномъ берегу этого рыбнаго озера, посреди развалинъ древнихъ памятниковъ, виденъ городъ Исникъ (Никея), въ древности славный своимъ великолѣпіемъ, а въ первые вѣка христіянства соборами, тамъ происходившими; наконецъ въ Среднія Времена

подвигами крестоносцевъ. Толстыя его стѣны, башни и ворота еще довольно хорошо сохранились. Теперь это жалкій городъ, производящій однако довольно дѣятельную торговлю.

На пути изъ Никеи, въ юговосточномъ направленіи, вы увидите узкую и безплодную долину, потомъ горы. Лука находится на берегахъ Галла (Gallus), который разливаетъ плодородіе по долинѣ, наполненной садами и огородами. Согатъ, при Сангарѣ, былъ въ Средніе Вѣка мѣстомъ пребыванія Отмана, основателя Имперіи Оттоманской.

Послѣ девятичасоваго перехода между утесистыхъ холмовъ, вы спуститесь по отлогому скату въ обширную долину Ески-Шегра (Дорилеи), гдѣ войска крестоносцевъ, предводительствуемыя Готфридомъ Бульонскимъ разбили Турковъ. Эта долина, равно какъ и большая часть долинъ Мало-Азійскихъ, плохо обработана по причинѣ малолюдства. Обильные ключи теплыхъ водъ бьютъ въ нижней части города, орошаемаго Бурсукомъ, который подалѣе соединяется съ Сангаромъ. Дорога въ Константинополь изъ Ески-Шегра довольно хороша.

Обширная равнина или, лучше сказать, плоская возвышенность, которую проѣзжаютъ къ юговостоку за Эски-Шегромъ, безплодна, камениста, пустынна; однако въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ находятся обильныя пастбища для лошадей. Сейдъ-Гузъ, городъ бѣдный, полуразрушенный, съ ветхимъ зàмкомъ; Киниръ обозрѣвалъ тамъ стержни мраморныхъ колоннъ и другіе обломки. Далѣе, онъ увидѣлъ развалины другаго города, и замѣтилъ на кладбищѣ двѣ прекра-

сныя колонны и другіе мраморные обломки. «Въ этихъ странахъ, прибавляетъ онъ, памятники чаще всего встрѣчаются на кладбищахъ.»

Средина сосѣдней долины украшена купами прелестныхъ деревъ. Въ окрестностяхъ уединеннаго селенія Креймака протекаютъ два ручья, которыхъ берега усѣяны обломками.

Севри-Гиссаръ возвышается на крутизнѣ цѣпи обрывистыхъ скалъ, примыкая на югъ къ равнинѣ. Между прочими рѣдкостями, Киннирь видѣлъ тамъ трехъ львовъ, изъ бѣлаго мрамора, величиною болѣе настоящихъ, но работы посредственной; на одномъ изъ нихъ надпись Греческая, равно какъ и на бѣломъ мраморномъ саркофагѣ; но обѣ онѣ очень стерты. Обломки мраморныхъ колоннъ и карнизовъ, которыми усѣяны улицы и окрестности, ведутъ къ предположенію, что Севри-Гиссаръ стоитъ на мѣстѣ какого нибудь древняго города, можетъ быть, Абростолы. Но какъ вся эта часть Фригіи была нѣкогда покрыта городами и селеніями, теперь невозможно опредѣлить мѣстностей при недостаткѣ вѣрныхъ указаній.

Въ шести миляхъ на юговостокъ, селеніе Гамамъ-Айда расположено въ прелестной долинѣ, окруженной рощицами; оно славится минеральными водами, и Киннирь предполагаетъ, что это то самое селеніе, которое во времена Римлянъ называлось Термою, по существованію въ немъ теплыхъ ваннъ. На милю далѣе, въ Гиджакѣ, видны развалины древнихъ зданій, замѣчательныхъ своей прочностью. Страна оживляется множествомъ рѣчекъ. Вотъ развалины и сады Ермы (Germa), Римскаго поселенія, и города, знаме-

нитаго своей святостью; поселяне занимались жатвою пшеницы и ячменя.

Миновавъ селеніе Миргонъ, вы вступаете въ край, обильный пажитями, прорѣзанный долинами и буграми, на которыхъ стоятъ Туркменскіе шатры. Въ четырехъ миляхъ появляется опять Сангаръ, шириною только въ тридцать футовъ, но быстрый, глубокій и крутоярый; чрезъ него переброшенъ деревянный мостъ. Кинниръ направилъ путь къ сѣверу, потомъ къ востоко-юговостоку: кряжъ земли возвышается; вся страна дика и пустынна. Нѣтъ ни какого слѣда хлѣбопашества, и жилищъ; вдругъ, съ высоты холма, открывается Ангора (Анкиръ) въ двѣнадцати миляхъ къ сѣверо-востоку. Многіе путешественники посѣщали и описывали этотъ городъ. Онъ выстроенъ на западной и южной сторонѣ одного изъ холмовъ, лежащихъ къ востоку отъ долины. Стѣны его нисходятъ до береговъ рѣчки Табаганы, которая, принявъ въ себя Инсухъ, впадаетъ въ Чибукъ-Су; однако воды мало въ Ангорѣ, лѣсу также; его замѣняютъ высушеннымъ навозомъ.

Нѣкогда, множество великолѣпныхъ зданій украшали этотъ городъ; отъ нихъ почти ничего не осталось; существующія теперь зданія, стѣны и ворота города, выстроены изъ ихъ обломковъ. Всѣ путешественники говорили о памятникѣ Анкирскомъ, величайшемъ изъ всѣхъ, какіе существовали въ Азіи до новѣйшей эпохи. Онъ былъ весь изъ огромныхъ плитъ бѣлаго мрамора, и составлялъ часть Августова храма; въ длинной, почти совершенно уцѣлѣвшей, Латинской надписи исчислены главныя событія жизни

императора. Съ нѣкотораго времени, памятникъ разрушается болѣе и болѣе, и вскорѣ напрасно будутъ его искать.

Въ Ангорѣ много фабрикъ, на которыхъ выдѣлываютъ камлоты изъ шерсти водящихся здѣсь особенной породы козъ, которая тониной равна шелку; она вьется отъ природы космами, въ шесть и семь дюймовъ длиной, и отличается необыкновенной бѣлизною. Округъ, гдѣ родятся эти козы, простирается только на девять миль около Ангоры и Бейбазара; въ другихъ мѣстахъ доброта шерсти портится; ростомъ эти козы менѣе другихъ. Шерсть многихъ животныхъ въ помянутомъ округѣ отличается такими жъ особенностями, какъ и козья.

«Ангора, восклицаетъ Турнфоръ, порадовала насъ болѣе всѣхъ городовъ Левантскихъ. Мы воображали, что кровь мужественныхъ Галловъ, населявшихъ нѣкогда окрестности Тулузы и страны, лежащей между Севенискими и Пиренейскими горами, течетъ еще въ жилахъ обитателей этого города.» Часть Малой Азіи, завоеванная Галлами, была названа Галатіей.

Путь отъ Эрзъ-Рума до Ангоры былъ очень часто посѣщаемъ путешественниками. Въ шести миляхъ отъ Байбута, вы покидаете Требизондскую дорогу и направляетесь на западъ къ долинѣ Супурской, перерѣзанной ручьемъ, который соединяется съ Экиль-Ирмакомъ. «Около Бать-Чифлика, по словамъ Г. Фонтанье, долина съуживается и оставляетъ рѣкѣ довольно тѣсное пространство. Къ западу она хорошо обработана; на востокъ видны только пастбища и шатры кочующихъ племенъ. . .

«На пути въ Кара-Гиссаръ, вы увидите прелестную ложбину, усѣянную селеніями; справа и слѣва огромныя скалы, торчащія утесомъ, рѣзко отдѣляются отъ волнистаго кряжа, котораго отлогіе бугры одѣты самою прекрасною зеленью. Мы были тамъ во время жатвы, въ исходѣ августа; всѣ поселяне вышли снимать хлѣбъ. И какъ пріятно было видѣть движеніе и дѣятельность въ такомъ краѣ, гдѣ обыкновенно царствуетъ тишина и страхъ. Женщины работаютъ на ряду съ мущинами; на всѣхъ шелковыя платья,—обыкновенный нарядъ въ этихъ странахъ, который во всякомъ другомъ мѣстѣ показался бы излишней роскошью.»

Чтобы достигнуть Кара-Гиссара, должно переѣхать двѣ цѣпи горъ. «Я не встрѣчалъ страны, гдѣ бы было столько потомковъ Магомета; тутъ видишь вездѣ зеленыя чалмы. Мнѣ сказали, что въ городѣ нѣтъ никакихъ древнихъ памятниковъ; я не очень этому вѣрю, потому что замѣтилъ, недалеко отъ воротъ, стѣну, которая вѣрно была построена не Турками. Въ окрестностяхъ, по Требизондской дорогѣ, есть рудники, откуда извлекаютъ все количество квасцовъ, потребляемое на здѣшнихъ фабрикахъ; есть также неразработанныя свинцовыя руды.

Кара-Гиссаръ окруженъ прекрасными садами. Потомъ дорога идетъ между скалъ, осѣненныхъ соснами; земля мало обработана, и народонаселеніе скудно. Кызыль-Ирмакъ переходятъ въ бродъ. «Жатва была уже кончена, но снопы оставались въ полѣ, и мы не замѣтили большой заботливости объ ихъ сохраненіи. Впрочемъ и самая малая кража въ Турціи такъ

строго наказывается, что едва ли кто отважится на это ремесло.» Поселяне, кажется довольны своею участью. То были Армяне.

За цѣпью горъ вступаешь въ равнину города Сиваса (Севастъ); онъ построенъ на такой гладкой плоскости, что, приближаясь къ стѣнамъ его, видишь только одни первые домы, и чтобъ судить объ его пространствѣ, надобно обойдти его весь. Въ немъ замѣчательны остатки крѣпостцы, какъ говорятъ, построенной Греками, и, въ одной изъ улицъ, оставленная мечеть, насупротивъ огромнаго караванъ-серая. Оба памятника изъ мрамора, и напоминаютъ счастливые дни исламизма.

Въ двадцати миляхъ къ сѣверозападу отъ Сиваса возвышается Токатъ, при маленькой рѣчкѣ Токатланъ-Су, вытекающей изъ горъ на югѣ. Въ водахъ ея мочатъ козьи кожи для выдѣлки и окрашиваютъ ихъ въ разныя краски; онѣ извѣстны въ Европѣ подъ именемъ сафьяновъ. Токатъ знаменитъ также своими желѣзными заводами, фабриками шелковыми, хлопчато-бумажными, ситцевыми и ковровыми. Жителей въ немъ считается до 100,000. Мѣстоположеніе города очень живописно; онъ окруженъ загородными домами, садами и прекрасно обработанными нивами. Въ сосѣдственной долинѣ большое изобиліе всякаго рода плодовъ; много разведено виноградниковъ и шелковичныхъ деревьевъ. Токатъ, особенно изъ-дали, походитъ болѣе на Европейскій, нежели на однообразный мусульманскій городъ. Можно было бы замѣтить еще, что здѣсь начинается вліяніе богатствъ, и что различіе вѣръ не такъ рѣзко раздѣляетъ людей

въ ихъ отношеніяхъ. Здѣсь уже смягчается Азіатская грубость нравовъ, и, прибывъ сюда съ востока, подумаешь, что оставилъ край варварства и вступилъ въ предѣлы образованнаго міра.

«Изъ Токата, я не старался слѣдовать за большими караванами, потому что здѣсь нѣтъ уже ни какой опасности; мы должны были проѣзжать все плодоносныя мѣста, населенныя земледѣльцами друзьями порядка и спокойствія.

«За четыре часа пути до Амазіи, начинаются сады, принадлежащіе этому городу. Великолѣпное зрѣлище непрерывныхъ загородныхъ домовъ, шелковичныхъ и плодовыхъ деревьевъ, простирается до самыхъ городскихъ воротъ. На скатѣ горъ ростутъ дремучіе лѣса, гдѣ наилучшіе плоды родятся сами собою, а на плоскости собираютъ разные роды хлѣба.»

Амазія лежитъ въ двадцати миляхъ къ сѣверозападу отъ Токата, на оконечности узкой тѣснины, у подошвы холма, вообще въ томъ самомъ мѣстѣ, которое за 1840 лѣтъ описалъ великій географъ Страбонъ, уроженецъ этого города. Жителей въ немъ до 100,000. Г. Морьеръ посѣщалъ пещеры, вырытыя въ горѣ подъ крѣпостью; есть другія, еще ниже, въ которыхъ видны остатки живописи. «Очень жаль, говоритъ Г. Фантанье, что въ Амазіи нѣтъ средствъ сдѣлать важныхъ поисковъ и разрытій: мало городовъ, гдѣ бы древнія развалины такъ хорошо сохранились. . . . Лучшій памятникъ временъ новѣйшихъ есть, безъ сомнѣнія, мечеть, построенная султаномъ Баезидомъ, на полянѣ при въѣздѣ въ городъ; минареты высятся между кипарисовъ и между тутовыхъ деревъ.... Шелкъ—

лавное богатство Амазіи; плоды въ изобиліи; много дѣлаютъ вина и перегоняютъ его въ водку; Турецкая молодежь предпочитаетъ этотъ напитокъ, потому что отъ него можно скоро опьянѣть, а мусульманинъ только и ищетъ въ винѣ, что опьянѣнія.»

Фабрики Амазійскія не важны и не пользуются извѣстностью; тамъ выдѣлываютъ бумажныя ткани и потомъ набиваютъ ихъ красками.

По словамъ Морьера, «жители Амазіи отличаются вѣжливостью и вниманіемъ къ чужеземцамъ. Женщины слывутъ прекраснѣйшими и любезнѣйшими во всей Малой Азіи. Только однажды представился мнѣ случай судить объ нихъ. Проѣзжая, верхомъ на лошади, по улицамъ, я увидѣлъ женщину безъ покрывала, игравшую у дверей дома своего съ маленькой Негритянкой. Давно я не видалъ такой хорошенькой. Взглянувъ на меня, она не бѣжала и не старалась укрыться отъ моихъ взоровъ: вѣроятно мы были одушевлены равнымъ любопытствомъ. Я нанималъ въ домѣ богатаго Турка. У него было три брата, жившихъ по сосѣдству; они всѣ посѣтили насъ. Никогда не встрѣчалъ я такихъ бѣлолицыхъ Азіатцевъ; въ обхожденіи они были удивительно кротки, любезны и вѣжливы. Съ восторгомъ говорили они о своей отчизнѣ, хотя никогда не видали другихъ городовъ.»

Весьма гладкою равниной приближаетесь вы къ Марсивану, замѣчательному прекраснѣйшимъ орѣшникомъ и хлѣбными полями, окружающими его. Въ четырехъ миляхъ къ западу лежитъ большое селеніе Хаджи-Кіой, сборное мѣсто карава новъ Смирнскихъ, Ангорскихъ, Эрзъ-Румскихъ и другихъ. На двѣ мили

отъ этого селенія находятся мѣдные рудники, дѣятельно разработываемые; изъ нихъ добываютъ металлъ, исключительно пригодный для дѣланія звучныхъ цымбаловъ.

Переѣхавъ чрезъ горы, достигаешь Османджика, котораго окрестности хорошо обработаны; онъ выстроенъ при Кызыль-Ирмакѣ, образующемъ здѣсь уже широкую рѣку. Ее переплываютъ два раза; она течетъ потомъ на сѣверъ, а дорога идетъ къ западу до равнины Тосійской, гдѣ разводятъ сарацынское пшено, получившее отъ нея свое названіе. Это пшено похоже на Персидкое и предпочитается Египетскому; зато оно дороже, и потому его не возятъ въ Константинополь. Съ другой стороны видны купы кустарниковъ (rhamnus infectorius), которыхъ сѣмена, извѣстныя подъ именемъ Авиньіонскихъ зеренъ, даютъ желтую краску. Далѣе, на скатѣ горъ, одѣтыхъ лѣсами, мелькаютъ селенія; поля вездѣ хорошо обработаны, до самой Тосіи. Въ этомъ городѣ преимущественно производятъ ткань, извѣстную въ цѣломъ Левантѣ тониною и мягкостью: это — Ангорское шали́, выдѣлываемое изъ шерсти козъ, о которыхъ мы прежде упоминали.

Перебравшись чрезъ холмики, покрытые хорошо содержимыми садами, вы спускаетесь въ прекрасную равнину Куле-Гиссара. Этотъ городъ стоитъ въ пріятномъ мѣстоположеніи. Г. Фонтанье́ встрѣчалъ въ здѣшнемъ округѣ многія стада Ангорскихъ козъ. Саранча, налетѣвшая тучами на окрестности Ангоры, заставила перегнать ихъ въ Куле-Гиссаръ; ихъ пасли на горахъ, устланныхъ дерномъ, и купали въ водахъ

Този-кара-су. Фабриканты жаловались уже на измѣненіе шерсти, причиненное различіемъ климата и пастбищъ.

Черкесъ — маленькой, красивый городокъ; около него насажены прямыя аллеи для гульбища, а не для погребенія мертвыхъ, что составляетъ большую рѣдкость въ Турціи. Въ 1740 году, Пококъ совершилъ путь отъ Ангоры до Черкеса; онъ сначала ѣхалъ чрезъ высокія горы, которыя сравнивалъ съ Савойскими, потомъ спустился въ узкую долину, и видѣлъ два минеральные источника, горячій и теплый.

Киннирь, оставивъ Ангору, направилъ путь къ Юзгату, на юговостокъ, и ѣхалъ краемъ, часъ отъ часу болѣе безплоднымъ и пустымъ, вдоль рѣки, которая постепенно становилась у́же; потомъ перебрался чрезъ высокія горы и спустился къ водоему Кызыль-Ирмака. Край — обнаженный, покрытый пастбищами, но малолѣсный и безплодный; тамъ бродили стада Туркменскихъ ордъ. Юзгатъ — довольно большой городъ, выстроенный въ глубокой долинѣ, огражденной со всѣхъ сторонъ крутыми горами. Равнины и высоты смѣняются непрестанно. Далеко не доѣзжая Кайсаріэ, открылась гора Аргей (Арджисъ), при подошвѣ которой лежитъ этотъ городъ, почему древніе называли его Кесаріею Аргейской, а прежде именовался онъ Мазакою. Теперь пространство его незначительно; онъ служитъ сборнымъ мѣстомъ купцовъ Мало-Азійскихъ и Сирійскихъ, пріѣзжающихъ за хлопчатою бумагой, которую собираютъ въ большомъ количествѣ на окрестныхъ поляхъ; но эта торговля теперь весьма затихла. Неизвѣстно, были ли когда въ Кайса-

ріэ великолѣпные и многочисленные памятники: отъ нихъ не осталось ни какого слѣда; примѣчательны только, въ западной части, высокія стѣны съ окнами, вѣроятно нѣкогда принадлежавшія какому нибудь дворцу. Новые памятники, состоящіе изъ мечетей, заслуживаютъ особеннаго вниманія, потому что выстроены до взятія Константинополя и, слѣдовательно, по правиламъ древняго зодчества Арабовъ.

«Гора Аргей, говоритъ Г. Тексье, возвышается надъ городомъ и соединяется съ цѣпью Тавра почти непримѣтными высотами. Внѣшній ея видъ показываетъ, что она произведена силою подземныхъ огней. Вершина ея, всегда покрытая снѣгомъ, способствуетъ къ умѣренію лѣтнихъ жаровъ. Это высочайшая изъ всѣхъ горъ Малой Азіи. Въ отдаленнѣйшей древности, для жителей здѣшней страны, гора эта была предметомъ непрестаннаго изученія и удивленія. Возвышаясь среди плоской равнины, она кажется еще огромнѣе въ своемъ объемѣ, почему они почитали ее высочайшею изъ горъ, увѣряя даже, что съ вершины ея видны моря Черное и Средиземное. Наблюдатели новѣйшихъ временъ убѣдились въ неосновательности такихъ показаній.»

Весь кряжъ Кайсаріэ и даже почти всей Малой Азіи волканическаго свойства. Г. Тексье посѣщалъ долину Ургабскую, въ шести миляхъ къ западу отъ Кайсаріэ; она широка, и поверхность ея усѣяна безчисленнымъ множествомъ пемзовыхъ конусовъ, на пространствѣ семи миль въ длину и четырехъ въ ширину. Въ древности тамъ были вырыты гробницы; нынче могильныя пещеры превратились въ селенія.

Французскій путешественникъ Люка (Paul Lucas) описалъ въ 1715 году эту самую долину; но такъ какъ онъ былъ человѣкъ безъ свѣдѣній и сочиненія его не всегда заслуживаютъ вѣроятія, то и въ этомъ случаѣ сомнѣвались въ справедливости его показаній.

Въ наше время г. Тексье и Камиллъ Каллье трудами своими пролили новый свѣтъ на области Малой Азіи. Послѣдній, въ особенности, пояснилъ все, что касается до землеописанія этой страны, равно какъ и Курдистана Оттоманскаго, Сиріи, Палестины, Аравіи Петры и Сѣвернаго Египта; вмѣстѣ съ другимъ Французскимъ путешественникомъ, Стамати, онъ проѣхалъ высокія долины притоковъ Эвфрата; потомъ достигли они мѣста, гдѣ соединяются рукава этой рѣки, и, продолжая путь до рѣки Тигра, вступили въ древній городъ Амиду, нынѣшній Діарбекиръ.

Этотъ городъ, бывшій крайнимъ восточнымъ пунктомъ ихъ путешествія, едва не сдѣлался послѣднимъ его предѣломъ. Пріѣздъ ихъ съ нѣсколькими спутниками возбудилъ въ жителяхъ какое-то смутное подозрѣніе. Внезапно разнеслась молва, что они посланы привести въ исполненіе планъ преобразованій, начатыхъ въ Константинополѣ, и, въ особенности, учредить рекрутскій наборъ. Эти слухи возстановили простолюдиновъ, и жизнь путешественниковъ была въ опасности; они принуждены были поспѣшно выѣхать изъ Діарбекира, пуститься обратно къ западнымъ горамъ и укрыться въ ущелія Таврскія, перерѣзываемыя Эвфратомъ.

Діарбекиръ посѣщали многіе другіе Европейскіе путешественники. Этотъ обширный городъ лежитъ на

правомъ берегу Тигра; онъ выстроенъ на скалахъ, образованныхъ лавою, и окруженъ ими; дома въ немъ тоже изъ лавы; они сильно отражаютъ солнечные лучи, и потому жаръ здѣсь нестерпимый.

Народонаселеніе простирается до 60,000 душъ и состоитъ изъ Турковъ, христіанъ различнаго вѣроисповѣданія и Жидовъ. Чрезъ Діарбекиръ проходятъ всѣ караваны; здѣсь выдѣлываютъ бязь, ситцы, полушелковыя ткани; красный сафьянъ, тамъ приготовляемый, почитается лучшимъ въ цѣломъ Левантѣ; здѣсь же очищаютъ мѣдь, добываемую въ рудникахъ Арганскихъ. Изъ плодовъ отличаются арбузы; они такъ велики, что лошадь не можетъ поднять болѣе двухъ. Климатъ города не совсѣмъ здоровый.

Продолжая путь вдоль береговъ Тигра, путешественникъ переправляется чрезъ него въ бродъ, равно какъ и черезъ его протоку; удаляясь отъ Тигра, дорога идетъ на югъ краемъ неровнымъ и нерѣдко пустыннымъ; пригорки окаймлены съ обѣихъ сторонъ виноградниками, доставляющими прекрасное, сладкое и вмѣстѣ тонкое вино.

Мардинъ, къ сѣверозападу, лежитъ на вершинѣ горъ, соединяющихъ цѣпь Таврскую съ горами Курдистана. Народонаселеніе подобно Діарбекирскому; климатъ здоровый; воду достаютъ только изъ чистернъ, почему, во время засухи, бываетъ въ ней большой недостатокъ. Жители ведутъ дѣятельный торгъ бумажными тканями, отличной бѣлизны, шелковыми и полушелковыми издѣліями, масломъ, фисташками и плодомъ малебомъ, котораго косточки очень сочны и вкусны.

Къ югу, путь идетъ негладкою равниною, обработанною только около селеній, которыя часто подвергаются грабежамъ Курдовъ; въ разныхъ мѣстахъ видны слѣды древности. Только бѣдная деревня осталась отъ обширнаго и многолюднаго города Низибина, лежавшаго на равнинѣ, почти у подошвы горы Кара-Дере (Masius), близъ рѣчки Джаджака, впадающей въ притокъ Эвфрата, Кабуръ. Джаджакъ, въ которомъ вода не очень хороша, течетъ подъ маленькимъ мостомъ у въѣзда въ городъ.» Нѣкогда былъ тамъ другой протокъ Куэзъ, о которомъ увѣряютъ, что вода его причиняла смерть испившему. Воздухъ здѣсь заразительный; оттого жители блѣдны и имѣютъ нездоровый видъ.»

Въ этихъ пустынныхъ округахъ *встрѣчается* много Курдовъ, и они часто тревожатъ путешественниковъ, не имѣющихъ надежнаго прикрытія. Страна ихъ, лежащая болѣе къ востоку, раздѣлена между Персіей и Турціей; но они независимы, руководствуются особенными законами, и состоятъ подъ управленіемъ собственныхъ своихъ вождей. Турецкіе Курды осѣдлѣе Персидскихъ; ихъ почитаютъ потомками древнихъ Парѳянъ. Станъ у нихъ высокій, цвѣтъ лица бѣлый, и носъ орлиный. Они сами называютъ себя Курдъ или Курманджи. Языкъ ихъ сходенъ съ Персидскимъ по корнямъ и правиламъ грамматики, но перемѣшанъ со множествомъ словъ Сирійскихъ и Халдейскихъ. Они магометанскаго исповѣданія. Ричъ, обозрѣвавшій ихъ область, издалъ рисунокъ солдатъ, стоявшихъ на стражѣ у дворца одного изъ ихъ начальниковъ. «Лица ихъ дышатъ дикостію, одежда состоитъ изъ бѣла-

го шерстянаго платья, въ родѣ Персидскаго. Шапки особенно странны: онѣ изъ чернаго войлока, узки къ верху и оканчиваются къ низу длинными лопостями. Они опирались на длинные карабины.

«На Курдахъ обыкновенно длинное платье и чалма. Женщины, подобно Турчанкамъ, носятъ шаравары и очень широкую рубашку, перетянутую поясомъ съ большими золотыми или серебряными бляхами; сверхъ рубашки надѣваютъ платье, застегнутое около шеи, но разрѣзное внизу; оно дѣлается изъ бумажной ткани, болѣе или менѣе тонкой, изъ шелковой матерiи или изъ золотой парчи, смотря по времемени года и состоянiю. Потомъ слѣдуетъ бенишъ или плащъ, обыкновенно атласный, одинаковаго покроя съ платьемъ, но съ узкими рукавами, не доходящими до локтей. Зимой, вмѣсто плаща, надѣваютъ *либаду*, изъ бумажной матерiи на ватѣ. Зимою же носятъ и шелковыя или шерстяныя клѣтчатыя *чакохьи*: это родъ пелерины, сзади спускающейся до икръ; иногда плащъ замѣняетъ чакохью. Головной уборъ состоитъ изъ шелковыхъ платковъ, или, лучше сказать, шалей, испещренныхъ всѣми радужными цвѣтами, искусно заколотыхъ спереди булавками, и образующихъ повязку въ два фута вышиною; концы шали висятъ сзади до пятокъ. Богатыя женщины украшаютъ спереди повязку широкими золотыми кружевами. Съ обѣихъ сторонъ висятъ коральки; сверху, большая кисейная шаль, собранная спереди, образуетъ узелъ на груди и спускается на спину. Шаль носятъ только замужнiя женщины; волосы у нихъ совер-

шенно подобраны, оставлено только по одному локону съ каждой стороны. (Л. XLIV—1).

«Этотъ головной уборъ чрезвычайно тяжелъ, и трудно къ нему привыкнуть. Обыкновенно, онъ истребляетъ большую часть волосъ на маковкѣ. Едва можно повѣрить, что женщины спятъ въ такомъ нарядѣ, дѣлая для поддержанія его особыя подушечки. У нихъ мало драгоцѣнныхъ вещей; всѣ украшенія состоятъ въ золотѣ и кораллахъ; простолюдинки убираются мелкою серебряною монетою, кусочками металловъ и бусами.

«Женщинъ Курдскихъ держатъ не такъ строго, какъ Турецкихъ и Арабскихъ. Онѣ не прячутся дома ни отъ прислуги мужескаго пола, ни даже отъ постороннихъ. Когда выходятъ, онѣ окутываются покрываломъ, но, исключая только знатныхъ дамъ, и то лишь въ такомъ случаѣ, когда при встрѣчѣ онѣ не желаютъ быть узнанными, никогда не опускаютъ его на лице. Иногда онѣ показываются даже и въ обществѣ безъ покрывала. Не смотря на свободу и наружную нескромность, онѣ очень строгой нравственности и гораздо цѣломудреннѣе Турчанокъ.»

Продолжая путь по степи на востокъ, вы увидите горы; за ними страна каменистая и неровная, потомъ начинаютъ появляться стада, и Тигръ открывается передъ вами.

За рѣкою взорамъ представляются обширныя развалины. Тамошніе жители говорятъ, что это остатки Ниневіи; но мѣсто этой столицы первой Ассирійской Монархіи занимаетъ повидимому Эски-Мосуль (Старый

Мосуль). Онъ населенъ Арабами и Курдами, кочующими на берегахъ Тигра.

Мосуль, построеный на правой сторонѣ этой рѣки, почитается главнымъ городомъ Месопотаміи. Названіе это придаютъ большей части страны, лежащей между Тигромъ и Эвфратомъ; оно принадлежитъ ей издревле; Турки именуютъ ее Джезире; она очень плодоносна по берегамъ рѣкъ, но безплодна въ другихъ мѣстахъ, покрытыхъ лѣсомъ и каменьями.

Въ Мосулѣ, чрезъ Тигръ устроенъ каменный мостъ на шестнадцати сводахъ, доходящій только до половины рѣки; далѣе придѣланъ мостъ деревянной, который въ полноводье снимаютъ, и тогда переправляются на паромѣ. По чрезвычайной глубинѣ рѣки, каменный мостъ нельзя было кончить. Европейцы легко бы одолѣли подобное препятствіе; но духъ Турецкой изобрѣтательности не беретъ такъ далеко.

Торговля древняго Мосуля теперь утратила прежній блескъ свой: киссеи (муслины) получили наименованіе свое отъ этого города, однако жъ ихъ ткутъ не въ Мосулѣ; тамъ ихъ только красятъ или набиваютъ, а привозятъ изъ Индіи черезъ Басру. Тамъ же выдѣлываютъ и бумажныя ткани. Товары и даже путешественниковъ переправляютъ часто по Тигру до Багдада на судахъ, называемыхъ *келекъ*; это родъ плотовъ, которые держатся на бурдюкахъ. Весна самое лучшее время года для такого плаванья, потому что рѣка дѣлается тогда шире и быстрѣе, и келеки менѣе подвержены опасности попасться въ руки Арабовъ, которые караулятъ ихъ въ кустарникахъ и, бросая крючья, притягиваютъ къ себѣ плотъ. Ино-

гда эти разбойники, положивъ платье и оружіе на голову, пускаются вплавь лишь посѣтить путешественниковъ. Чтобы отдѣлаться отъ нихъ, имъ даютъ курительнаго табаку. Келеки ходятъ только днемъ, а ночью останавливаются у какого нибудь селенія, но всегда съ большими предосторожностями. Прибывъ къ мѣсту своего назначенія, судовщики разгружаютъ келекъ, отвязываютъ бурдюки и продаютъ ихъ вмѣстѣ съ лѣсомъ; если путь недалекъ, они берутъ ихъ съ собою и хранятъ до другаго случая. Такія суда ходятъ даже къ Діарбекиру, а до Багдада вы и не увидите другихъ. Тамъ, рѣка Тигръ, по глубинѣ своей, поднимаетъ уже большія барки.

Двѣ дороги ведутъ сухимъ путемъ изъ Мосуля въ Багдадъ: одна лѣвой стороною Тигра, другая степью и чрезъ Текритъ. Этотъ городокъ, лежащій на шесть дней пути внизъ по теченію рѣки и на правомъ берегу ея, такъ хорошо укрѣпленъ по мѣстному своему положенію, что Тамерланъ, овладѣвъ всею Месопотаміей, не могъ овладѣть зàмкомъ, защищавшимъ его, и теперь отчасти разореннымъ. Между Мосулемъ и Текритомъ рѣка образуетъ много острововъ; русло ея излучисто.

Слѣдуя другимъ путемъ изъ Мосуля къ Багдаду, Дюпре вскорѣ потерялъ изъ виду Тигръ; онъ путешествовалъ по странѣ неровной. При спускѣ изъ небольшаго ущелья, онъ проѣзжалъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда стоялъ Маглубей, совершенно разрушенный землетрясеніями; тамъ теперь двѣ деревушки, влѣво и вправо отъ дороги. Далѣе Энкеватъ,—по мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ, поле сраженія Гангамельскаго,

гдѣ Александръ побѣдилъ Дарія. Не въ дальнемъ разстояніи, Дюпре проѣзжалъ Эрбиль, древній Арбелъ, которымъ овладѣлъ Александръ, побѣдя Персовъ въ битвѣ, называемой Арбельскою. Надъ Эрбилемъ господствуетъ крѣпость, висящая на насыпной горѣ и окруженная рвомъ, среди поля, что́ составляетъ обширную кругообразную цитадель.

Поля хорошо обработаны и орошены многими рѣками, впадающими въ Тигръ. Почва Кайкукскаго округа производитъ много ячменю; на скалахъ сосѣдняго городка, построеннаго, подобно Эрбилю, на насыпномъ возвышеніи, добываютъ нефть. Первыя финиковыя деревья показываются въ Синѣ, но плодовъ еще нѣтъ; ихъ начинаютъ собирать только за Чаукъ-Чаемъ. Грунтъ становится неровнымъ; дорога то приближается къ Тигру, то отходитъ въ сторону; рѣка ширѣетъ и принимаетъ величественный видъ; селенія, расположенныя на равнинѣ, со всѣхъ сторонъ окружены финиковыми деревьями. И вотъ Багдадъ.

Киннръ плылъ на келекѣ, внизъ по Тигру. По берегамъ видны временныя жилища, или черные шатры поселянъ, обработывающихъ берега на двѣсти шаговъ съ каждой стороны; далѣе все пески и степи. Древняя плотина выстроена, говорятъ, монархами Ассирійскими, для поднятія водъ Тигра и для облегченія поливки земель. Тамъ и сямъ мелькаютъ села, холмы и даже горы; индѣ русло рѣки перерѣзано островами и подводными камнями. Направо и, въ особенности, налѣво, проходите вы передъ устьями рѣкъ и передъ источниками нефти, которые сильнымъ запахомъ извѣщаютъ о своей близости. На правомъ

берегу высится надъ Гамамъ-Али (банями Али) круглая гора, изъ которой вытекаютъ сѣрные источники; воды эти часто посѣщаются.

Быстрина Тигра все одинакова; близъ Текрита онъ очень широкъ; берега его покрыты машинами для поливанія полей, гдѣ растутъ чрезвычайно вкусныя дыни. Первыя пальмовыя деревья показываются немного выше Эски-Багдада (стараго Багдада). Саманаръ, на лѣвомъ берегу, былъ любимымъ мѣстомъ пребыванія многихъ калифовъ; посреди развалинъ его замѣчаютъ великолѣпную гробницу и очень высокую коническую башню; на вершину ея сдѣлана такая отлогая лѣстница, что по ней свободно всходятъ мулы и лошади.

Далѣе видны развалины дворца халифовъ; кажется, что онъ былъ очень обширенъ и выстроенъ изъ кирпичей; но теперь нѣтъ въ немъ ничего, привлекающаго вниманіе. Онъ лежитъ среди степи, гдѣ зной долженъ быть силенъ до чрезвычайности. Другія развалины въ здѣшнемъ округѣ обличаютъ мѣста древнихъ городовъ.

Обходя Багдадъ, съ трудомъ повѣришь, что это городъ, основанный халифами, знаменитый ихъ пребываніемъ и который волшебные разсказы «Тысячи одной ночи» представили воображенію нашему въ такомъ очаровательномъ видѣ. По единодушному свидѣтельству новѣйшихъ путешественниковъ, въ Багдадѣ нѣтъ ничего привлекательнаго; тѣсныя его улицы очень пыльны лѣтомъ и очень грязны зимой. Домы, изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, стоятъ отдѣльно и съ такими низкими воротами, что надобно накло-

няться, входя въ нихъ. Жилища богатыхъ людей обширны; каждое съ дворомъ и садомъ; кровли съ насыпью и служатъ для ночлега во время лѣтнихъ жаровъ. Базары чисты, пространны, изобильны и образуютъ родъ отдѣльнаго города; каравансераевъ очень много; мечети, за исключенiемъ тѣхъ, гдѣ находятся гробницы имамовъ, постройки весьма обыкновенной; на одной изъ нихъ минаретъ съ ощутительнымъ наклономъ. Кажется, въ Багдадѣ никакъ не болѣе 100,000 жителей; фабрики незначительны: тамъ красятъ кисеи, ткутъ шелковые платки, и только; но этотъ городъ, по положенiю своему, есть складочное мѣсто всѣхъ товаровъ Европейскихъ, Турецкихъ, Арабскихъ, Персидскихъ и Индѣйскихъ; торговля его обширна; въ немъ много чрезвычайно богатыхъ купцевъ всѣхъ вѣроисповѣданiй; караваны приходятъ туда ежедневно.

Кромѣ базаровъ между примѣчательными зданiями Багдада отличается дворецъ паши. Что принадлежитъ до сада, вотъ что говоритъ о немъ Англiйскiй путешественникъ Кеппель, посѣтившiй его въ 1824 году: «Онъ заключаетъ въ себѣ восемь или десять акръ, обведенныхъ земляной стѣною и наполненъ безпорядочнымъ сбродомъ разныхъ растенiй, кустовъ и плодовыхъ деревьевъ. Лѣтняя бесѣдка, на берегу Тигра, — лачуга, во всемъ достойная сада: неопрятность, сырость и нерадѣнiе, почти вовсе изгладили слѣды цвѣтовъ, когда-то напачканныхъ по стѣнамъ аль-фреско. Чтобы вознаградить себя нѣкоторымъ образомъ за утрату сказочнаго очарованiя, мы наслаждались изъ оконъ этой бесѣдки прелестнымъ видомъ Багдада

*

и его окрестностей.» Почти весь городъ выстроенъ на лѣвомъ берегу Тигра; пловучій мостъ соединяетъ его съ предмѣстьемъ противуположнаго берега.

Чтобы спуститься по рѣкѣ ниже Багдада, употребляютъ большія лодки съ мачтою и четырехъ-угольнымъ парусомъ. При благопріятномъ вѣтрѣ плывутъ подъ парусомъ; но излучины Тигра часто принуждаютъ тянуть лодку гужомъ; шесть веселъ съ каждой стороны способствуютъ ея ходу. Италіянскій путешественникъ, Сестини, разсказываетъ, что «берега рѣки, вообще низменные, плоскіе и песчаные, обработаны только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Вы проходите передъ устьями многихъ рѣкъ и передъ развалинами нѣсколькихъ городовъ, процвѣтавшихъ въ древности; иногда видите львовъ, гуляющихъ по берегу. Амара, которая, какъ сказываютъ, на полъ-пути отъ Багдада къ Басрѣ, возвышается насупротивъ канала, изрытаго руками человѣческими и проходящаго отъ Тигра къ Эвфрату. Тинистая и часто наводняемая почва идетъ не измѣняясь до Корны, мѣстечка съ крѣпостцею, при сліяніи обѣихъ рѣкъ. Уголъ Месопотаміи дышетъ прелестью для того, кто проѣхалъ чрезъ столько пустынь безплодныхъ. Прибережья Тигра и Эвфрата осѣнены пальмами, которыя и величавымъ видомъ, и зеленью лелѣютъ взоры. Полагаютъ, будто бы тутъ былъ земной рай; но мнѣ кажется, мѣсто это пріятнѣе для глазъ, чѣмъ для жительства.»

Ниже Корны, Тигръ и Эвфратъ, слившись въ одно русло, принимаютъ имя Шатъ-эль-Араба; по этой рѣкѣ могутъ ходить суда въ пятьсотъ тоннъ; на правомъ берегу ея, въ двадцати пяти миляхъ отъ Корны,

возвышается Басра. Этотъ городъ чрезвычайно безобразенъ и непривлекателенъ для иноземцевъ; въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, жары здѣсь нестерпимы; сѣверный вѣтеръ освѣжаетъ иногда воздухъ въ исходѣ августа, но и въ сентябрѣ жаръ еще чрезвычайно силенъ; горячки похищаютъ тогда множество людей. Зима почти сплошь дождлива; снѣгъ изрѣдка выпадаетъ, но холодъ ощутителенъ, однако же не такъ, чтобы постоянно нужна было искуственная теплота.

Хотя Басра на тридцать восемь миль отъ впаденія Шатъ-эль-Араба въ Персидскій заливъ, корабли, приходящіе изъ Индіи, Маската, отъ береговъ Аравіи и Персіи, могутъ безопасно бросать якорь неподалеку отъ городскихъ стѣнъ; потому и кипитъ тамъ живая и дѣятельная торговля. Тутъ есть конторы у Французовъ и Англичанъ; на базарахъ обильный запасъ Европейскихъ и Азіятскихъ товаровъ; народонаселеніе простирается до шестидесяти тысячъ душъ. Сады и огороды, между которыхъ проведены каналы, очищаемые приливомъ рѣки, занимаютъ большую часть внутренности Басры.

Нибуръ, Сестини, Кеппель и многіе другіе путешественники плыли изъ Басры вверхъ по Шатъ-эль-Арабу. Вдоль береговъ до Корны встрѣчаешь круглыя огорожи изъ тростника и пальмовыхъ вѣтвей, для ловли рыбы, которая остается тамъ при убыли воды. Край съ обѣихъ сторонъ населенъ Арабами. Деревня Деръ, вправѣ, теперь уже развалилась; но въ ней находится мечеть, которая, по преданіямъ мусульманъ принесена туда ангелами; ее посѣщаютъ домовые, что̀

и принудило жителей удалиться отъ нея; въ ней нѣтъ дверей и минареты безъ перилъ.

Берега Эвфрата, выше Корны, гораздо низменнѣе береговъ Шатъ-эль-Араба; близъ деревеньки Мансуріэ мелькаетъ соединительный каналъ, котораго другое устье въ Амарѣ, на Тигрѣ. Близъ Фелли встрѣчается другой каналъ. На берегахъ рѣки поля засѣяны просомъ, и земледѣльцы съ большимъ трудомъ отстаиваютъ ихъ отъ расхищенія птицъ и дикихъ звѣрей.

Эвфратъ становится излучистымъ и образуетъ многіе острова; берега его то возвышаются, то опять понижаются. Аргіэ, не смотря на постигшія его военныя бѣдствія, все еще городъ обширный, окруженный садами; въ немъ строятъ суда. Деревни, иногда очень большія, показываются вправѣ и влѣвѣ. Отъ одной изъ нихъ, Лемлюма, лежащей на лѣвомъ берегу, насупротивъ острова того же имени, начинается край пустынный. Тутъ Нибуръ переплылъ рѣку, вышелъ на берегъ и съ дружиною Арабовъ продолжалъ путь верхомъ на сѣверозападъ, къ Румайе. «Я не встрѣчалъ, говоритъ онъ, мечетей вдоль дороги, но видѣлъ и въ деревняхъ, и среди полей множество *куббетовъ*, или небольшихъ зданій на гробницахъ Турецкихъ угодниковъ; вѣроятно, эти памятники означаютъ мѣста прежнихъ селеній. Почва вездѣ цвѣтетъ изобиліемъ; однако жъ многіе небольшіе протоки, нѣкогда орошавшіе ее, теперь высохли, и жилища тамъ рѣдки. Многочисленныя стада быковъ, барановъ и лошадей пасутся тамъ и сямъ на поляхъ. Близъ Румайе, въ обширный каналъ вливалась вода Эвфрата, который отсюда на четыре мили; каналъ входитъ обратно въ рѣку близъ

Семау, лежащаго гораздо ниже; но теперь онъ наполняется только въ половодье, а въ декабрѣ мѣсяцѣ былъ совершенно сухъ.

«Отъ Румайе до Мешхедъ-Али я проѣхалъ семь миль, встрѣчая еще многіе высохшіе каналы и маленькіе куббеты, куда, за недостаткомъ мечетей, жители, собираются на молитву. Городокъ Мешхедъ-Али получилъ имя свое отъ великолѣпной мечети, построенной въ честь Али, четвертаго халифа; многіе Мусульмане вѣруютъ, что этотъ зять и родственникъ Магометовъ тутъ погребенъ. Гробницу его посѣщаетъ множество богомольцевъ, особенно шіиты, и набожнѣйшіе изъ нихъ просятъ, чтобъ ихъ похоронили у этого святилища; тѣла ихъ препровождаютъ сюда не только изъ окрестностей, но даже изъ Персіи и Индіи. Въ храмѣ этомъ было нѣкогда богатое сокровище, перенесенное въ одну изъ мечетей Багдада, для предохраненія его отъ хищныхъ рукъ Вахабитовъ. Надиръ-шахъ покрылъ куполъ и верхи минаретовъ мѣдью, которую потомъ вызолотили, и она горитъ какъ жаръ при блескѣ солнца. Куполъ оканчивается вверху простертою рукою, представляющею длань Али. Храмъ окруженъ площадью, гдѣ каждый день происходитъ торгъ, и все вмѣстѣ обнесено строеніями, гдѣ живутъ главные священнослужители мечетей. Городъ былъ построенъ около святилища; сунниты и шіиты, которые вездѣ питаютъ другъ къ другу непримиримую вражду, живутъ здѣсь дружелюбно, и каждое мгновеніе призываютъ имя Али.

Мили на двѣ къ востоку-сѣверовостоку отъ Мешхедъ-Али, былъ нѣкогда городъ Куфа, гдѣ прохо-

дилъ большой каналъ Джей-Заадъ, параллельный съ Эвфратомъ; ложе его теперь высохло; округъ совершенно опустѣлъ и городъ оставленъ. Тутъ всего любопытнѣе мечеть, гдѣ Али былъ смертельно раненъ; но отъ нея остались только четыре голыя стѣны, обломки и разныя мелкія зданія.

«Двадцать пятаго декабря отправился я къ сѣверу, въ Кефиль; такъ Арабы называютъ и пророка Езекіиля. Тысячи Іудеевъ ежегодно приходятъ въ эту деревню посѣщать гробницу его, которая стоитъ безъ всякихъ украшеній въ часовнѣ, съ небольшою башнею. По выходѣ изъ Кефиля, я проѣзжалъ множество ручейковъ, которые въ это время года почти всѣ изсякли; впрочемъ здѣсь встрѣчаешь только разсѣянныя хижины и куббеты.

«Двадцать шестое декабря я пробылъ въ Гиллѣ, а на другой день отправился въ Мешхедъ-Госсейнъ, городъ, построенный въ Кербелайскомъ округѣ, знаменитомъ, въ лѣтописяхъ исламизма, битвою, въ которой погибъ сынъ Али, Госсейнъ. Это мѣсто было тогда необитаемо; вскорѣ сдѣлали его цвѣтущимъ и провели туда воду изъ Эвфрата, а теперь тамъ обширный лѣсъ финиковыхъ деревъ. Городъ больше и многолюднѣе Мешхедъ-Али, но выстроенъ хуже. Въ стѣнахъ главной мечети, чрезвычайно красивой, находится часовня, которая, по словамъ шіитовъ, стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тѣло внука Магометова было попираемо конскими копытами и гдѣ оно погребено. Куполы и четыре минарета украшаютъ мечеть, которой внѣшняя стѣна занята обширнымъ окномъ со стеклами: большая рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ стекла

неупотребительны! это, можетъ-быть, даръ какого нибудь Персіянина, приславшаго ихъ изъ Шираза, богатаго стекломъ.

«Шіиты показываютъ также гробницы многихъ родственниковъ и друзей Госсейна, погибшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ день Кербельскій; въ честь одного изъ нихъ воздвигнута мечеть. Шіиты благоговѣютъ ко многимъ другимъ мѣстамъ въ городѣ и въ окрестностяхъ. Съ такою же набожностью, хотя и не съ такимъ восторгомъ, сунниты посѣщаютъ мечеть Госсейна.

«Тридцатаго декабря я возвратился въ Гиллу вмѣстѣ съ двумя стами богомольцевъ. Этотъ городъ, расположенный на правомъ берегу Эвфрата, довольно обширенъ, потому что заключаетъ въ себѣ множество садовъ съ финиковыми, лимонными, апельсинными и гранатовыми деревьями.»

Гилла, процвѣтавшая еще въ 1766 году, когда посѣтилъ ее Нибуръ, много уже потерпѣла въ 1825, когда былъ тамъ Миньянъ. Нѣмецъ Раувольфъ (1574), Италіянецъ Піетро Делла-Валле, Бошанъ (Beauchamp), Оливье и Брюгьеръ, Ричъ, Ремондъ, Кеппель, Миньянъ и многіе другіе путешественники, видѣли этотъ городъ, на правомъ берегу Эвфрата, противоположномъ тому, гдѣ въ отдаленнѣйшей древности возвышался Вавилонъ, столь знаменитый своей обширностью, вышиною своихъ стѣнъ, мѣдными вратами, многочисленными чертогами, храмомъ Бела, висячими садами, наконецъ тотъ Вавилонъ, который Геродотъ почиталъ первымъ городомъ въ мірѣ.

Полагаютъ, что Гилла заключалась въ Вавилонѣ; пловучій мостъ соединяетъ ее съ мѣстомъ древней

столицы. При первомъ взглядѣ, площадь, на которой стояла Гилла, не представляетъ ни какихъ слѣдовъ города; надобно обойти ее всю, чтобъ замѣтить какую нибудь груду обломковъ. Между ними, пригорокъ, названный Арабами Эль-Казръ (за̀мкомъ), кажется соотвѣтствуетъ тому мѣсту, гдѣ былъ царскій дворецъ; подлѣ него звенья стѣнъ, служившихъ, повидимому, основаніемъ висячему саду; престарѣлое дерево съ дупломъ и теперь еще растетъ на этомъ мѣстѣ; длинные переходы и комнаты служатъ притономъ для дикихъ звѣрей. Пригорокъ представляетъ видъ четырехъугольника; окружность его около тысячи ста обыкновенныхъ шаговъ; его толща уменьшается каждый день отъ убылыхъ кирпичей, которые безпрестанно изъ него таскаютъ.

Подымаясь берегомъ вверхъ по теченію рѣки, Миньянъ, въ продолженіи двухъ часовъ, производилъ самые внимательные поиски, и, между кирпичными и каменными обломками, нашелъ по-край воды два мѣдные болта. «Не домогаюсь, говоритъ онъ, опредѣлить въ точности ихъ назначеніе; однако жъ довольно вѣроятно, что они принадлежали къ мосту, наведенному тутъ на Эфратѣ; положеніе этого мѣста, близостью своей къ тому, гдѣ подозрѣваютъ существованіе чертоговъ и знаменитыхъ висячихъ садовъ, согласуется съ обыкновенными догадками.» Раувольфъ, приближавшійся къ этимъ развалинамъ водою, упоминаетъ объ остаткахъ древняго кирпичнаго моста, который существовалъ еще въ его время. Можно составить себѣ вѣрное понятіе о берегѣ рѣки и о холмѣ

Амрамскомъ, возвышающемся далѣе, по срисованному мною виду. (Л. XLIV—2).»

На правой сторонѣ Эвфрата, въ двухъ миляхъ къ югу отъ Гиллы, пригорокъ, названный Арабами Бирсъ Немродъ, имѣетъ въ окружности двѣ тысячи футовъ и двѣсти футовъ въ вышину; на немъ башня, въ тридцать пять футовъ отъ основанія. Еще видны три изъ осьми оградъ, которыя, вѣроятно, вѣнчали нѣкогда его вершину. Наблюдатели угадывали въ этомъ памятникѣ столпъ Вавилонскій, который, подъ названіемъ храма Белова, занималъ еще обширное пространство во времена Александра.

«Обозрѣвая городище Вавилона, говоритъ Оливье, видишь, что земля почти вездѣ была копана. Арабы роютъ здѣсь болѣе двѣнадцати столѣтій и вынимаютъ кирпичи, изъ которыхъ выстроены почти всѣ города здѣшняго края. Но что споспѣшествовало, на ряду съ этими раскопами, къ истребленію всѣхъ почти развалинъ Вавилонскихъ, это то обстоятельство, что жители его, строясь на гладкой рыхлой землѣ, вовсе не имѣвшей камня, и въ странѣ, гдѣ лѣсъ всегда былъ рѣдокъ, поневолѣ прибѣгали къ илу, наносимому рѣками, для дѣланія кирпичей: они сушили ихъ на солнцѣ и потомъ связывали тростникомъ, котораго было у нихъ такъ много. По той же причинѣ, они обыкновенно употребляли для зданій, изъ жженаго кирпича, горную смолу вмѣсто извести. Разумѣется, что зданія, построенныя изъ нежженаго кирпича, по разрушеніи своемъ, долженствовали оставить только слабые слѣды своего существованія, и самые обломки вскорѣ смѣшались съ окружавшею ихъ землей.

«Однако вопреки времени и Арабамъ, и не смотря на непрочность веществъ, употребленныхъ для сооруженія Вавилона, тамъ есть еще нѣкоторыя большія зданія. Видишь стѣны весьма толстыя, разрушенныя Арабами до самаго основанія; онѣ изъ жженаго кирпича, связаннаго упомянутою смолою; на каждомъ слоѣ кирпичей тонкая настилка изъ тростника и горной смолы, или асфальта. Между пригоркомъ Казръ и рѣкою — много обломковъ и фундаментовъ древнихъ стѣнъ; тутъ обыкновенно попадаются большіе кирпичи съ гвоздеобразными надписями.»

Раскапывая землю, находятъ маленькіе цилиндры, вообще изъ твердыхъ камней, съ различными изображеніями на поверхности.

Вавилонъ на двадцатѣ миль къ югу отъ Багдада. Оставивъ Багдадъ и слѣдуя лѣвымъ берегомъ Тигра, послѣ трехъ часовъ ѣзды, достигаешь Діалы, а проѣхавъ еще два часа, увидишь развалины Ктесифона, гдѣ возвышается огромный памятникъ, называемый Такъ-Кезре и описанный Ивомъ, Бошаномъ и Кеппелемъ: онъ изъ жженаго кирпича, на четверть мили отъ рѣки Тигра; полагаютъ, что это бывшій дворецъ Царей Парѳянскихъ. Городище Ктесифона простирается почти на двѣ мили. Во многихъ мѣстахъ видны еще стѣны, его окружавшія; онѣ очень толсты, довольно высоки и сооружены изъ сушеныхъ на солнцѣ кирпичей, связанныхъ соломою. Тамъ и сямъ разсѣяны груды обломковъ и слѣды кирпичныхъ стѣнъ. У берега рѣки есть нѣсколько такихъ остатковъ изъ жженаго кирпича, спаеннаго смолою вмѣсто извести. Прозябеніе на мѣстѣ этого города обильнѣе, нежели

въ окрестностяхъ; тра́вы больше, кусты толще и многолистнѣе.

У праваго берега Тигра, насупротивъ Ктесифона, существовалъ другой городъ, которому нынѣшній служилъ предмѣстіемъ; то была Селевкія, которой распространеніе подъ владычествомъ Грековъ начинало затемнять блескъ великолѣпнаго Вавилона; она отчасти возрасла на счетъ его. Здѣсь, какъ и въ Ктесифонѣ, много развалинъ, много обломковъ; укрѣпленія, изъ нежженаго кирпича, доселѣ еще примѣтны. Ктесифонъ и Селевкія слывутъ у Арабовъ подъ именемъ Эль-Медайнъ (двухъ городовъ). Выше Гиллы, Эвфратъ течетъ не такъ быстро, какъ подъ этимъ городомъ. Другіе города на берегахъ его — Гитъ, близъ котораго, есть обильные источники горнаго масла; Аннахъ, котораго округъ отличается плодоносіемъ и производитъ хлопчатую бумагу, финики и множество различныхъ плодовъ; Киркезія, при устьѣ Хабура, текущаго съ востока; Ракка-Бейда, при устьѣ Брлыкхе; этотъ городъ окруженъ развалинами; знаменитый халифъ Аарунъ-аль-Рашидъ построилъ въ немъ за́мокъ.

Дорога, идущая прямо къ сѣверу чрезъ Месопатамію, ведетъ отъ береговъ Эвфрата въ Харранъ, на правомъ берегу Джаллаба, — городъ упавшій, населенный Арабами и знаменитый только пораженіемъ, которое Крассъ претерпѣлъ здѣсь отъ Парѳянъ. На десять миль къ сѣверозападу лежитъ Урфа, хорошо выстроенный городъ, на скатѣ двухъ холмовъ, омываемыхъ Ибрагимъ-Халхомъ. «Между двумя холмами, говоритъ Оливье́, бьетъ чрезвычайно обильный ключъ, доставляющій воду жителямъ и орошающій множе-

ство садовъ. Нѣсколько пониже источника, устроенъ четырехъ-угольный водоёмъ, шаговъ во сто длиною, въ которомъ плаваетъ бездна рыбы. Число ея отъ того такъ усилилось, что она, по мнѣнію жителей, посвящена Аврааму, и что тотъ не проживетъ часа, кто поѣстъ ея или даже причинитъ ей малѣйшій вредъ. По берегамъ водоема ходятъ пирожники для набожныхъ и праздношатающихся, которые хотятъ угостить рыбъ и потѣшиться зрѣлищемъ, какъ онѣ спѣшатъ со всѣхъ сторонъ, тѣснятся, толкаются и опрокидываютъ одна другую, хватая бросаемые имъ куски. Рыба, чрезмѣрно многочисленная для такого тѣснаго пространства, во всякое время доставляетъ увеселеніе, и мѣсто это посѣщается болѣе всѣхъ другихъ въ городѣ. Водоемъ съ одной стороны омываетъ стѣны мечети, а съ другой онъ осѣненъ красивыми чинарами.»

Урфа населена Арабами, Курдами, Турками, Армянами и Жидами. Она цвѣтетъ промышленостію и торговлею. Здѣсь дѣлаются бумажныя ткани, разныя золотыя и драгоцѣнныя вещи, и превосходный сафьянъ. За́мокъ, на вершинѣ известковой скалы, представляетъ множество обломковъ разнаго времени. Во всѣхъ крутизнахъ этого холма, къ западу отъ города, пробиты четырехъ-угольныя или дугообразныя отверстія, ведущія къ гробницамъ, также изсѣченнымъ въ скалѣ; нѣкоторыя изъ нихъ отличаются изяществомъ наружныхъ украшеній; многія служатъ могилами семействамъ Курдскимъ.

Урфа называлась въ древности Каллироэ и Эдес-

сою, и подъ послѣднимъ названіемъ играла важную роль во времена крестовыхъ походовъ.

Многочисленные караваны идутъ через этотъ городъ; тѣ изъ нихъ, которые отправляются на западъ, переходятъ почти всегда равнину, окраенную на разстояніи двѣнадцати миль къ сѣверу цѣпью горъ, которая даже въ началѣ марта убѣлена еще снѣгами. Проѣхавъ мѣловые холмы, спускаешься на берегъ Эвфрата въ маленькомъ городкѣ Бирѣ, гдѣ переправа через эту рѣку и вмѣстѣ дверь въ Сирію.

«По свидѣтельству Ремонда, правый берегъ Эвфрата совсѣмъ не высокъ въ Бирѣ; лѣвый гораздо выше его. Въ этомъ мѣстѣ рѣка широка и быстра, но въ малую воду караваны переѣзжаютъ ее въ бродъ на одиннадцать часовъ пути ниже. У устья Хабура, Эвфратъ весьма широкъ; въ Аннахѣ и Гитѣ онъ поуже. Въ высшей степени разлива, онъ становится чрезвычайно быстръ, и тогда масса воды въ немъ болѣе, нежели въ Тигрѣ. Отъ Бира до Фелудже нѣтъ поливательныхъ каналовъ; въ Месопотаміи встрѣчаются только болота, образовавшіяся отъ разливовъ рѣки. Оба берега вообще возвышенны, хотя края ихъ и неровны. Для орошенія полей своихъ Арабы употребляютъ, вмѣсто каналовъ, гидравлическія машины. Тутъ есть нѣсколько острововъ: самый большой, между Аннахомъ и Гитомъ, населенъ и хорошо обработанъ; есть также многія болота, изъ коихъ главное извѣстно подъ именемъ Кара-Османъ (Черный-Лѣсъ); оно повыше Фелудже, и этотъ маленькій городокъ добываетъ оттуда дрова на уголья, отправляемые въ Багдадъ.

«Немного пониже Фелудже, представляется гать, устроенная съ незапамятныхъ временъ для удержанія Эвфрата въ его руслѣ. Паша Багдадскій печется о сжегодномъ исправленіи этой насыпи. Такимъ образомъ, только отсюда рѣка становится менѣе крутоберегою, прорѣзывается разными каналами и, въ большія полноводья, разливается до Гиллы, а иногда и до Багдада.

«Какъ ни быстро течетъ Эвфратъ между Биромъ и Гиллою, но отъ Гиллы почти до Лемлюма онъ дѣлается стремительнымъ, хотя, приближаясь къ этому замѣчательному мѣсту, питаетъ въ теченіи своемъ многіе протоки, изрытые промышленностью на обоихъ берегахъ его для оплодотворенія почвы. Каналы, по правую сторону рѣки, входятъ въ нее обратно, а протоки, на лѣвой сторонѣ, изчезаютъ въ поляхъ и образуютъ тамъ обширныя болота. Нѣсколько съуженный въ Гиллѣ, Эвфратъ, удаляясь отъ туда, расширяется мало по малу удивительнымъ образомъ; хотя берега съ обѣихъ сторонъ чрезвычайно высоки, однако вездѣ видны слѣды причиняемыхъ имъ опустошеній. Отъ Румайе до Лемлюма, правый берегъ пониже лѣваго, и еслибъ не сдѣлали тамъ насыпи, рѣка залилабъ равнину, которая ниже уровня ея русла. Въ Лемлюмѣ она сильно убываетъ въ объемѣ, иногда раздѣляется даже на два рукава: Арабы - Казаилы прорываютъ влѣво каналъ, отнимающій у нея добрую треть водъ ея, и оба эти рукава проходятъ болотами, о которыхъ говорено прежде и которыя тянутся на югъ. Нѣсколько миль ниже Лемлюма, Эвфратъ, разлитіями своими, производитъ топи вправо и влѣво, и

здѣсь-то теченіе его наименѣе быстро; но въ Самуэ большая часть каналовъ возвращается въ его ложе, и Эвфратъ, стѣсняясь возвышеннѣйшими берегами, течетъ опять съ прежнею быстротой, хотя русло его тамъ и извилистѣе. Наконецъ, берега его понижаются ближе къ Корнѣ, и онъ часто заливаетъ земли, чрезъ которыя течетъ.»

Въ наше время пытались учредить пароходство по Эвфрату, отъ Бира до Персидскаго залива; но разныя причины воспрепятствовали успѣху этихъ опытовъ.

Месопотамія, которой именемъ означаютъ всю часть Азіатскихъ владѣній Порты, омываемую среднимъ теченіемъ Эвфрата и Тигра, смежна къ западу съ малой Азіей или Анадоліей. Послѣдняя страна, гранича къ югу хребтомъ Аманскимъ и Средиземнымъ моремъ, къ западу—Архипелагомъ, Дарданельскимъ проливомъ, Мраморнымъ моремъ и Константинопольскимъ проливомъ, а къ сѣверу Чернымъ моремъ, составляетъ вмѣстѣ съ Арменіей, къ сѣверовостоку, обширную плоскость, которая понижается уступами на западъ, поддерживаясь къ югу высокою и крутою цѣпью Тавра, и пуская отъ себя къ Архипелагу многія отрасли, къ которымъ, кажется, принадлежатъ сосѣдніе острова.

Берега иззубрены множествомъ заливовъ, бухтъ и пристаней, гдѣ стоять на якорѣ безопасно и удобно; къ югу они круты и часто обрывисты.

Поверхность края нерѣдко плоска и безплодна; въ немъ встрѣчаются солончатыя степи, озера безъ

истоковъ и волканическія пространства, входящія довольно далеко въ Месопотамію. Землетрясенія здѣсь не рѣдки.

Климатъ, чрезвычайно суровый на высокихъ горахъ, въ другихъ мѣстахъ—умѣренный, пріятный, благорастворенный; на южномъ берегу господствуетъ палящій зной; на сѣверномъ нерѣдко туманъ и сырость; смертоносная язва слишкомъ часто опустошаетъ Анадолію.

Природа создала ее одною изъ богатѣйшихъ странъ земли; но съ того времени, какъ она подвластна Туркамъ, исчезло первобытное ея благоденствіе. Прекрасныя рѣки орошаютъ ее; произведенія земли вездѣ обильны тамъ, гдѣ приложено раченіе; мѣдные, свинцовые и желѣзные рудники даютъ богатую добычу, хотя и неискусно разработываются; промышленость и торговля процвѣтаютъ болѣе, нежели въ Европейской Турціи.

Чтобы представить читателямъ природу и нынѣшнее состояніе Малой Азіи въ нѣсколькихъ общихъ, но вмѣстѣ и характеристическихъ чертахъ, мы дозволимъ себѣ прибѣгнуть къ прекрасному «Обозрѣнію» этого края, помѣщенному въ Запискахъ Военно-Топографическаго Депо въ С. Петербургѣ.

«Малая Азія — называя такъ полуостровъ, лежащій между Чернымъ Моремъ, Мраморнымъ Моремъ, Архипелагомъ и Средиземнымъ Моремъ — ограничивается къ востоку линіею, идущею отъ Самсуна (при Черномъ Морѣ) черезъ Токатъ, Кесарею и Адану, до Средиземнаго Моря. Она такимъ образомъ заклю-

чается между 36°0′ и 42°8′ сѣверной широты, и между 43° 40′ и 54° 10′ восточной долготы.

«Не считая ни одного изъ прилежащихъ къ ней острововъ, Малая Азія содержитъ въ себѣ 7,400 географическихъ квадратныхъ миль (около 360,000 верстъ квадратныхъ).

«Взятый вмѣстѣ, Малоазійскій полуостровъ представляется одною большою вѣтвію Аpоранга. Вѣтвь эта, которой начало и первыя видоизмѣненія относятся не сюда, но къ описанію восточной Анатоліи, переходитъ перешеекъ полуострова во всю ширину его отъ Самсуна до Аданы, и тянется на западъ, въ различныхъ видахъ, до самаго Архипелага. Окончаніе ся составляетъ цѣпь прилежащихъ къ материку острововъ, отъ Тенедоса до Родоса.

«По линіи отъ Самсуна къ Токату, поверхность земли возвышается, начиная отъ морскаго берега, не очень круто, но довольно быстро: волнистыя высоты, на срединѣ пространства между Самсуномъ и Токатомъ, уже лежатъ не ниже пятисотъ саженъ надъ моремъ; еще выше — мѣста тоже волнистыя, съ легкими скатами, южнѣе Токата; самую же большую высоту перешейка надъ моремъ (саженъ восемь сотъ или болѣе) составляетъ почти плоское пространство, между Кара-Магара и Кесарейскою равниной, и въ собственности средина этого пространства. Отъ Кара-Магара и далѣе, по дорогѣ на югъ, видно менѣе двухъ третей горы Арджиса, вершина которой возвышена надъ Кесарійскою равниною на тысячу триста саженъ: высоту Кесарійской равнины слѣдственно можно принять въ триста и, можетъ-быть, болѣе са-

*

женъ надъ моремъ, Девели-Кара-Гиссарскую—очень немногимъ болѣе. Хребетъ Тавруса (Тавра) Али-Дагъ возвышается постепенно надъ Девели-Кара-Гиссарскою равниной саженъ на пятьсотъ, слѣдственно надъ моремъ саженъ на восемьсотъ; скатъ его идетъ хребтами съ холмистою опушкою до Аданской равнины, весьма мало возвышенной надъ Средиземнымъ Моремъ.

«Отъ каждой части перешейка, хребетъ Тавруса тянется сплошь параллельно съ берегомъ Средиземнаго Моря до Эйердирскаго озера и окрестностей Аталіи; далѣе онъ разсыпается въ отдѣльныя горы, наполняющія югозападную часть полуострова.

«Поверхность земли, уже не низкая въ сѣверной части перешейка, возвышается еще болѣе около Визирь-Кюпри, и тянется въ видѣ широкой полосы вдоль берега Чернаго Моря тремя хребтами, соединяющимися потомъ въ одинъ, извилистый, связанный основаніемъ съ Олимпомъ.

«Возвышенная средина перешейка идетъ къ западу, очень мало понижаясь, болѣе или менѣе волнистыми скатами до окрестностей Севри-Гиссара, и потомъ слегка возвышаясь до Морадъ-Дага, который подошвою своею соединяется съ Олимпомъ. Начиная отъ Юзгата на западъ, средняя полоса полуострова дѣлается ниже сѣверной: плоскія окрестности Сейдъ-Эль-Гази возвышены вѣроятно надъ моремъ саженъ до четырехъ сотъ.

«Морадъ-Дагъ и Олимпъ, понижаясь отъ вершинъ своихъ къ западу, наполняютъ своими отраслями западную часть полуострова. Нѣкоторыя изъ сихъ от-

раслей дѣлаются къ концу значительно высокими, какъ напримѣръ Ида, оставаясь однако всегда ниже Морадъ-Дага и Олимпа.

«Средняя полоса полуострова соединяется съ сѣверною полосой и горами западными посредствомъ многихъ хребтовъ и постепенныхъ скатовъ; но между ею и полосою горъ южною, то есть Таврусомъ, остается огромное плоское пространство: равнина отъ Аксарая до Бейшегра, отъ солянаго озера до Карамана. Оно посрединѣ исчерчено извилинами хребта, попеременно высокаго и низкаго, идущаго къ востоку отъ Султанъ-Дага (одной изъ западныхъ оконечностей Тавруса).

«Кромѣ того равниною можно еще назвать плоское пространство на востокъ и юговостокъ отъ Эски-Шегра, волнующееся весьма легкими скатами. Множество другихъ равнинъ разсѣяны преимущественно въ западной половинѣ полуострова; но онѣ, сравнительно съ двумя упомянутыми, по величинѣ своей незначительны.

«Двѣ рѣки втекаютъ въ полуостровъ изъ-за линіи, ограничивающей его къ востоку: Кызыль-Ирмакъ и Экиль-Ирмакъ. Обѣ онѣ впадаютъ въ море, заворотившись дугами сперва къ сѣверу, потомъ къ сѣверовостоку. Въ нихъ впадаютъ воды, стекающія съ восточной стороны средней полосы полуострова и съ промежутковъ трехъ хребтовъ сѣверной полосы.

«На самомъ полуостровѣ, всѣ, хотя нѣсколько значительныя, рѣки вытекаютъ изъ высокой полосы составляемой Морадъ-Дагомъ, Туманджи-Дагомъ, Муслукъ-Дагомъ и Идою. Только одна главная рѣка,

Меандръ, получаетъ начало въ западной оконечности Тавруса, тамъ, гдѣ хребты его разсыпаются въ отдѣльныя горы. Нѣсколько меньшихъ рѣчекъ течетъ изъ сѣверныхъ скатовъ сѣверной полосы полуострова въ Черное Море, изъ южныхъ скатовъ и западной оконечности Тавруса—въ Средиземное и изъ скатовъ западныхъ горъ — въ Архипелагъ.

«Промежутокъ между среднею полосою полуострова и Таврусомъ помѣщаетъ въ себѣ болѣе десяти бассейновъ прѣсной, соленой и горькой воды, не имѣющихъ видимаго стока, за исключеніемъ двухъ озеръ: Эйердиръ и Ойранъ. Изъ перваго вытекаетъ рѣка Дуденъ, изъ втораго Меандръ; обѣ текутъ частію на поверхности земли, частію подъ землею. Рѣчки, исчезающія подъ землею, есть и въ западныхъ оконечностяхъ Тавруса.

«Кромѣ-того, есть еще нѣсколько озеръ, неимѣющихъ стока: одно у подошвы Арджиса, при Девели-Кара-Гиссарѣ, одно на юговостокѣ отъ Акъ-Гиссара, одно южнѣе Ангары и три или четыре, весьма малыя, въ другихъ мѣстахъ края. Изъ остальныхъ озеръ четыре, наибольшія, стекаютъ: одно въ Мраморное море, одно въ Средиземное, одно въ Архипелагъ, одно въ Черное, — и нѣсколько малыхъ, лежащихъ у самаго берега, восточнѣе Бафры.»

Переходя отъ природнаго свойства страны къ тому, что сдѣлано изъ нея человѣкомъ, мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя общественныя учрежденія, каковы фонтаны, бани, кофейни, публичныя кухни, бросимъ потомъ бѣглый взглядъ на отличительныя черты частнаго быта и заключимъ картину описаніемъ

наружности Мало-Азійскаго города, руководствуясь тѣмъ же «Обозрѣніемъ Малой Азіи», о которомъ мы упоминали выше.

«Мало-Азійцы, какъ и всѣ обитатели жаркихъ климатовъ, весьма дорожатъ водою и стараются имѣть ее въ изобиліи. Въ наибольшей части селеній, какъ городовъ, такъ и деревень, есть довольно такъ называемыхъ фонтановъ или фонталовъ, — слово, взятое съ Французскаго fontaine и значащее не водометъ, а (водолей) струю воды, вытекающую изъ искуственнаго отверзтія въ камнѣ или деревѣ изъ крана. Сооруженіе фонтановъ почиталось и еще почитается дѣломъ богоугоднымъ; въ селеніяхъ и при дорогахъ, вездѣ, гдѣ только можно найдти чистый ключъ, изъ него дѣлаютъ фонтанъ. Для этого часто проводится вода изъ ключа подземною трубою на значительное разстояніе, даже иногда на нѣсколько верстъ; въ концѣ трубы строится каменное зданьице, по большой части, четвероугольное, въ сажень и болѣе вышиною; въ передней части его, повыше, вставляется доска съ надписью изъ Корана и съ именемъ строителя, а пониже, одинъ или нѣсколько крановъ источаютъ воду въ каменное же корыто. Иногда къ этому корыту присоединяется нѣсколько другихъ, рядомъ вправо и влѣво; всѣ они наполняются водою одно отъ другаго и доставляютъ удобство стаду скота пить вмѣстѣ и вдругъ. Возлѣ крана иногда виситъ желѣзный ковшъ на желѣзной же цѣпи, иногда и просто кладется при фонтанѣ ковшъ деревянный, который унесть не рѣшится никто, почитая подобное похищеніе святотатствомъ. Изъ корытъ вода стекаетъ въ сторону по

принаровленной къ тому ложбинѣ, и составляетъ потомъ ручеекъ или исчезаетъ, разливаясь по землѣ.

«Въ селеніяхъ, гдѣ фонтановъ много, вода изъ нихъ проводится и въ частные домы отраслію, которая проходитъ черезъ нѣсколько дворовъ и устроивается такъ, чтобы хозяева предъидущіе не могли ни брать воды у послѣдующихъ, ни даже помутить ее. Вообще Турки большіе искусники въ гидравлическихъ работахъ....

«Къ числу необходимыхъ въ каждомъ селеніи публичныхъ зданій принадлежатъ бани.

«Хорошая баня имѣетъ слѣдующее устройство: первая комната или зала, въ которой раздѣваются, бываетъ велика и очень высока; въ ней окна вверху; вдоль стѣнъ—возвышенія, раздѣленныя перилами... на нихъ всходятъ по нѣсколькимъ ступенькамъ. Иногда, если зала очень широка, рядъ такихъ же возвышеній расположенъ и посрединѣ ея, параллельно боковымъ; иногда посрединѣ залы только фонтанъ. На возвышеніяхъ лежатъ тюфяки. Вверху залы нѣсколько тонкихъ перекладокъ, для сушенія полотенцевъ. На полу, обыкновенно каменномъ, множество деревянныхъ, довольно высокихъ сандалій съ ремнемъ, прикрѣпленнымъ къ верхней ихъ части въ видѣ полукруга; въ полукругъ этотъ продѣвается нога.

«Послѣ передней залы слѣдуетъ небольшая комната (или иногда широкій корридоръ), которая не топится, но бываетъ уже довольно тепла отъ сообщенія дверью съ самою банею; въ комнатѣ этой нѣтъ ни какихъ приборовъ, ни украшеній. За нею слѣдуетъ баня. Обыкновенно это круглая или осмиугольная

зала съ куполомъ, въ который, въ круглыя отверзтія, вставлено десятка два, - три цвѣтныхъ стеколъ, имѣющихъ видъ полушарія; свѣтъ, проходящій сквозь нихъ въ залу, довольно слабъ. Посреди залы одно и у стѣнъ обыкновенно четыре возвышенія, въ полуаршинѣ отъ полу.... Въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ изъ стѣны выдаются краны съ теплою и холодною водою; подъ краномъ къ полу придѣланъ небольшой бассейнъ, выдолбленный въ видѣ полушара, около полуаршина въ поперечникѣ. Для стока воды въ полу есть жолоба, выходящіе сквозь стѣну наружу. Въ хорошихъ баняхъ, полъ, возвышенія, бассейнъ все изъ бѣлаго мрамора; въ иныхъ даже мраморомъ одѣты самыя стѣны; въ иныхъ у стѣнъ поставлены *купальни*, тоже мраморныя. Къ главной банѣ примыкаютъ три или четыре меньшія...

«Бани топятся снизу, для чего отъ печи проведены трубы подъ полъ....

«Приходящій въ баню раздѣвается въ передней залѣ (сторожкѣ) на одномъ изъ возвышеній, опоясывается вокругъ тѣла широкимъ кускомъ бумажнаго холста, который нарочно для того подаютъ ему, надѣваетъ деревянныя сандаліи и отправляется въ мойную залу. Если онъ особа знатная, то подъ руку его ведетъ одинъ изъ банщиковъ. Мытье продолжается часъ, два и иногда гораздо болѣе. Банщики Турецкіе изучаютъ искусство мыть очень тщательно, со многими неизвѣстными въ Европѣ тонкостями. Они постепенно распариваютъ тѣло моющагося, растираютъ его сперва слегка, потомъ очень сильно, вытягиваютъ члены его въ составахъ и жмутъ различнымъ образомъ, са-

дятся даже на него. Все это может очень нравиться жителямъ Востока, но для непривычнаго къ такимъ операціямъ кажется утомительнымъ и даже противнымъ. Когда мытье кончено, гостя укутываютъ съ головы до ногъ въ полотенца, которыя нигдѣ не завязываются узломъ, но складываются такъ искусно, что очень плотно обхватываютъ все тѣло и никакъ не падаютъ; тутъ банщикъ ведетъ его подъ руку въ переднюю залу и, между тѣмъ, хлопаньемъ другой руки о бока свои даетъ знать о приближеніи вымывшагося. Его ведутъ на занятое имъ возвышеніе, кладутъ завернутаго въ полотенца на тюфякъ, накрытый простынею, покрываютъ другою простынею, и тутъ же подаютъ ему чашку кофе и трубку. Часъ или и болѣе лежитъ онъ такъ, неподвижный, не говоря ни слова, и неподвижными глазами глядя передъ собою на что попало; потомъ одѣвается, выпиваетъ еще чашку кофе, и уходитъ....

«Часто женщины отправляются въ баню поутру, на цѣлый день. Въ передней залѣ, онѣ отдыхаютъ послѣ мытья, завернутыя въ простыни, обѣдаютъ тамъ, пьютъ кофе, потомъ играютъ на тамбурахъ, — и опять моются, и возвращаются домой не прежде вечера.

«Кофе — необходимая вещь для существованія Анатолійца, и потому кофейни принадлежатъ къ самымъ необходимымъ зданіямъ во всѣхъ селеніяхъ, городахъ, мѣстечкахъ, деревняхъ, даже кочевьяхъ и мѣстахъ временныхъ работъ; словомъ, вездѣ, гдѣ есть нѣсколько Анатолійцевъ, есть уже и кофейня, хотя бы то было подъ открытымъ небомъ.

«Въ большихъ и небѣдныхъ городахъ кофейни строятся щеголевато, съ многими утонченностями восточныхъ прихотей. Вотъ, напримѣръ, парадная кофейня Смирнская или Брусская: большая комната, у двери которой, снаружи, широкіе прилавки съ перилами; прямо противъ двери, въ стѣну вдѣланъ каминъ, украшенный рѣзною работою на деревѣ и разрисованный яркими цвѣтами; иногда надъ нимъ, въ видѣ занавѣсы, красуется кусокъ шерстяной или шелковой ткани съ бахрамою, служащій для удержанія дыму, который могъ бы, отъ вѣтру, врываться изъ трубы въ комнату. Въ каминѣ всегда горятъ уголья, и на угольяхъ всегда, отъ ранняго утра до поздней ночи, грѣется въ огромномъ кувшинѣ вода; по сторонамъ же камина развѣшены на гвоздяхъ дюжины двѣ кофейничковъ всякаго размѣра, начиная отъ одной чашки кофе до двухъ десятковъ и болѣе; тутъ же, на полкѣ, стоитъ деревянный, съ красивою оковкою, ящикъ съ молотымъ кофе, а на полу огромный кувшинъ холодной воды. Посреди комнаты часто бываетъ фонтанъ,—маленькій, бѣдный водою, съ маленькимъ бассейномъ, но все фонтанъ.... У стѣнъ кофейни, кругомъ, кромѣ мѣстъ, занимаемыхъ дверью и каминомъ, идетъ родъ софы, что-то очень похожее на старинную Русскую лавку, въ аршинъ съ небольшимъ шириной и въ аршинъ отъ полу вышиной; софа эта покрыта тонкою узорчатою рогожкою или тонкимъ же войлокомъ. Стѣны украшены пестрою живописью — изображеніями кораблей, цвѣтовъ, деревьевъ, даже иногда нѣкоторыхъ животныхъ, но изображенія людей видны на нихъ очень рѣдко: списывать образъ человѣка почиталось,

а у многихъ еще и теперь почитается, грѣхомъ. На полкахъ, вдоль стѣнъ, и въ шкафахъ, по угламъ, разставлено множество хрустальныхъ кальяновъ, которыхъ длинные, вьющіеся чубуки висятъ на гвоздяхъ, какъ змѣи. Полъ устланъ рогожками....

«Въ малыхъ городахъ и деревняхъ, кофейни бываютъ гораздо проще: низкая софа у стѣнъ, каминъ и болѣе ничего. Замѣчательно, сохранившееся еще во многихъ мѣстахъ, обыкновеніе, держать у дверей кофейни деревянный, запираемый замкомъ ящикъ, въ крышкѣ котораго прорѣзано отверстіе, какъ въ нашихъ церковныхъ кружкахъ, для вклада въ ящикъ денегъ. Индѣ еще и теперь, какъ прежде, посѣтители кофейни не даютъ денегъ хозяину, а выходя, кладутъ ихъ въ ящикъ: предполагается, что каждый знаетъ, сколько чашекъ кофе онъ выпилъ, и по совѣсти, сообразно съ тѣмъ положитъ плату, не обманывая хозяина и не пользуясь даромъ такимъ священнымъ питьемъ, какъ кофе. Такая довѣренность къ честности каждаго начинаетъ одноко ослабѣвать: многія кофейни сняли свои ящики, и хозяинъ замѣчаетъ, сколько кому чашекъ отпущено и сколько кто выкурилъ кальяновъ.

«Въ кофейняхъ не держатъ ничего, кромѣ кофе, табаку, воды и иногда шербету, то есть, сладковатой воды, заправленной слабо запахомъ розъ или другихъ цвѣтовъ. Всякому приходящему подносятъ кофе, не дожидаясь его приказанія; трубку же или кальянъ подаютъ только по особому приказанію.

«Кофе варится полминуты: въ кофейничекъ наливается изъ большаго кофейника горячей воды, и сыплется ложечка кофе; это, на угольяхъ, вскипаетъ, и какъ скоро пѣна подымется вверхъ, кофе уже готовъ. Онъ выливается въ чашечку, имѣющую видъ полушарія и стоящую въ металлической, такъ сказать, рюмкѣ, и подается посѣтителю; причемъ кафеджи (дѣлающій кофе) кладетъ руку на сердце, и наклоняетъ слегка голову, если хочетъ оказать кому особенное уваженіе.

«Въ частныхъ домахъ Анатолійскихъ нѣтъ печей: для домашнихъ нуждъ служатъ кухни публичныя, которыхъ довольно много находится въ городахъ; въ деревняхъ же онѣ видны рѣдко. Большая часть кухни занята огромною печью съ широкимъ устьемъ, закрываемымъ заслонкою. Печь натапливается поутру, и поваръ, хозяинъ кухни, печетъ въ ней хлѣбы, варитъ и жаритъ разное кушанье для потребленія проходящихъ. Тутъ же у кухни и вѣсы, на которыхъ отвѣшиваются куски жаренаго или варенаго мяса, ломти слоеныхъ пироговъ съ мясомъ или сыромъ. Кромѣ приготовленія кушанья на продажу, печь публичной кухни служитъ и для нуждъ частныхъ домовъ: въ извѣстное время, женщины и дѣти сносятъ къ повару все, что въ домахъ хотятъ печь или жарить. Одинъ несетъ на деревянномъ лоткѣ тѣсто для хлѣбовъ, получившее уже отъ рукъ хозяевъ своихъ надлежащую форму; другой, на огромной сковородѣ, —слоеный пирогъ, тотъ—часть баранины, тотъ—индѣйку или курицу, иной—ягненка или горшокъ съ тыквою, —словомъ все, что требуетъ большаго жару,

нежели каковъ очажный. Каждый отмѣчаетъ принесенное имъ особымъ извѣстнымъ ему знакомъ, ставитъ на прилавокъ, и удаляется, не говоря ни слова. Поваръ ставитъ въ печь, что когда должно, досматриваетъ, чтобы все спеклось и сжарилось, какъ слѣдуетъ, вынимаетъ все потомъ на прилавокъ, и каждый изъ принесшихъ блюдо является взять его готовое, кладетъ за трудъ повару на прилавокъ нѣсколько *паръ*, — цѣну, всѣмъ извѣстную и очень рѣдко измѣняющуюся. Замѣчательно, что при множествѣ всякой всячины, приносимой въ кухню изъ частныхъ домовъ, при разборкѣ не бываетъ ни какой ссоры, ни какого замѣшательства; всякъ узнаетъ вещь свою, не ошибаясь. Неслыханное дѣло, чтобы поваръ удержалъ часть блюда для себя или попортилъ его по нерадѣнію: на честности и исправности основанъ весь доходъ его.

«Къ числу вещей публичныхъ надлежитъ отнести и каменныя ступы, разставляемыя, во всякаго рода селеніяхъ, на перекресткахъ или на площадкахъ. Всякъ, желающій толочь въ нихъ свой рисъ, приноситъ для того очень длинный деревянный молотъ, съ длинною же рукояткою Работа эта исполняется, по большей части, женщинами.»

Въ частныхъ жилищахъ «внутреннее убранство комнатъ почти всегда одинаково: очень низкія, въ четверть аршина отъ полу, софы при стѣнахъ; на нихъ подушки, имѣющія видъ цилиндровъ, болѣе аршина длиною, обтянутыя болѣе или менѣе дорогою тканью; шкафъ во всю стѣну для складки постелей и платья; сундуки, ящики и ящички, по угламъ; посуда, на

полкахъ и въ поставцахъ; подъ полкою, рядомъ по всѣмъ стѣнамъ, желѣзные крючки, для вѣшанія всякой всячины; иногда, при одной стѣнѣ, каминъ; нѣсколько деревянныхъ табуретовъ, низкихъ, малыхъ, крашеныхъ, иногда выложенныхъ костью или перламутромъ. По стѣнамъ, въ мужской половинѣ, развѣшано оружіе, мѣшечки съ бумагами; въ женской — небольшія зеркальца, покрывала (платки), фередже (верхнія женскія мантіи), пяльцы съ шитьемъ, мотки шелку и нитокъ. Кухни помѣщаются въ нижнемъ жильѣ. У небогатыхъ, женщины стряпаютъ сами; у тѣхъ, которые почитаютъ себя вельможами и не заставляютъ женщинъ заниматься хозяйствомъ, на кухнѣ есть повара. Иногда у самыхъ строгихъ блюстителей древнихъ обычаевъ, особенно же у ревнивыхъ мужей, кушанье передается въ женскую половину слѣдующимъ образомъ: въ стѣнѣ, отдѣляющей мужскую часть дома отъ гарема, и дѣлаемой нарочно очень толстою, прорѣзывается родъ окна; оно въ аршинъ вышиною и столько же шириною, внутри стѣны, а при наружныхъ сторонахъ ея довольно узко. Въ окнѣ этомъ ставится соразмѣрный ему величиною и двигающійся на вертикальной оси цилиндръ изъ тонкихъ дощечекъ, пустой внутри и раздѣленный полками на два или на три яруса. Въ одной сторонѣ цилиндра отверзтіе, въ которое можетъ войдти обыкновенно употребляемое для подачи на столъ блюдо. Приготовивъ кушанье, поваръ оборачиваетъ цилиндръ отверзтіемъ къ себѣ, ставитъ на полку кушанье и потомъ поворачиваетъ цилиндръ такъ, что отверзтіе его обращается къ сторонѣ женскихъ комнатъ; женщины бе-

рутъ блюда и послѣ обѣда передаютъ ихъ повару такимъ же образомъ....

«Улицы въ Мало-Азiйскихъ городахъ всѣ болѣе или менѣе кривы. Широкою улицею называется та, которая не у́же семи или девяти шаговъ. Если изъ этого числа вычесть по одному шагу съ небольшимъ на боковыя возвышенiя для пѣшеходцевъ, состоящiя изъ крупныхъ камней, то для средины остается шаговъ около шести пространства. Узкою же (улицею) почитается та, гдѣ ѣздокъ верхомъ не можетъ разъѣхаться иначе съ другимъ, какъ вскарабкавшись на тротуаръ или прижавшись по возможности къ стѣнѣ, то есть, такая улица имѣетъ отъ стѣны до стѣны менѣе трехъ шаговъ, а средина ея, за исключенiемъ боковыхъ возвышенiй, шага съ полтора. Узкiй переулокъ значитъ ущелiе, въ которомъ съ трудомъ расходятся два человѣка, а навьюченный мѣшками оселъ можетъ завязнуть, безъ всякой надежды выкарабкаться на просторъ.

«Гдѣ домы въ два и три этажа и притомъ верхнiй этажъ выдается впередъ четверти на три или на аршинъ противъ нижняго, а кровля на столько жъ противъ верхняго, тамъ, при посредственно-широкой улицѣ, между верхними жильями остается пространство, иногда не шире аршина, а кровли даже соприкасаются, такъ что, правда, на улицѣ никогда не бываетъ очень жарко, ибо внутрь ея никогда не заглядываетъ солнце, зато не бываетъ и сухо, и воздухъ спирается невѣроятнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что для стока нечистоты нѣтъ другихъ трубъ, кромѣ ложбины, по срединѣ улицы, на которую выливается

изъ домовъ все лишнее. Самые свѣтлыя и чистыя улицы бываютъ тамъ, гдѣ домы строятся на дворѣ; слѣдственно и самая улица есть не что иное, какъ дорога между заборами.

«Въ наибольшой части Мало-Азійскихъ городовъ, даже малыхъ, всѣ главныя улицы вымощены камнемъ; но мостовая, разъ сдѣланная, поддерживается весьма плохо: камни выбиваются изъ мѣстъ своихъ, и такъ какъ вообще они довольно крупны, то происходящія отъ того ямы крайне затрудняютъ ѣзду....

«Что же такое Турецкій городъ, напримѣръ, большой, лежащій внутри края? Какое производитъ онъ впечатлѣніе на иностранца? — Вотъ предмѣстіе, — не очень узкая, но кривая и непріятная улица, которой вымощена только средина; по сторонамъ ея — земляные заборы, кое-гдѣ обрушивающіеся, кое-гдѣ покрытые черепицею; но надъ заборами видны террасы или черепичныя кровли низшихъ домовъ, а индѣ домъ приставленъ къ самой улицѣ безоконною стѣною; на дворахъ мелькаетъ зелень деревьевъ; въ промежуткахъ домовъ на огородахъ, — зелень высокихъ травъ и кустовъ. Улица пуста; изрѣдка проходитъ по ней, своимъ скорымъ и мелкимъ шагомъ, нагруженный чѣмъ-нибудь оселъ, сопровождаемый своимъ хозяиномъ, который или куритъ трубку, или ступаетъ спокойно, глядя прямо передъ собою и не обращая вниманія ни на что встрѣчающееся; изрѣдка появляется женщина, въ бѣломъ покрывалѣ, или у калитки, или на улицѣ, или пробѣжитъ дитя, погруженное въ широкихъ своихъ шараварахъ. Но вотъ, на перекресткѣ, фонтанъ; мальчики, дѣвочки лѣтъ десяти, безъ

покрывалъ, взрослыя женщины, въ покрывалахъ, и старухи, носящія покрывало по привычкѣ, но не употребляющія его для закутыванія лица, — все это приходитъ къ фонтану, наливаетъ водою свои глиняные кувшины и уноситъ ихъ на спинѣ, держа ручку кувшина рукою, перекинутою черезъ плечо. Вотъ маленькая мечеть, съ низкимъ минаретомъ и плохою оградою; у дверей ея сидитъ дряхлый старикъ, съ потухшею трубкою въ рукахъ, и, неподвижный, безмолвный, смотритъ на конецъ своего носа. Вотъ нѣсколько домовъ больше и получше прежнихъ. Между ними мелькнулъ одинъ двуэтажный, выбѣленный, украшенный живописью около угловъ, синими цвѣтами и черно-вырисованною надписью. Черезъ заборъ виденъ уголъ его балкона, заслоненный частою рѣшеткою, какъ и два окна, обращенныя къ улицѣ въ одной сторонѣ стѣны втораго этажа. Дверцы рѣшетки въ одномъ окнѣ полуоткрыты; сквозь нихъ мелькаетъ что-то бѣлое и черное: это жена, дочь или служанка хозяина, привлеченная къ окну конскимъ топотомъ и любопытствующая посмотрѣть на проѣзжихъ напросторѣ и не сквозь рѣшетку. Она не осердится, если и ее увидятъ мелькомъ, особенно если ѣдетъ человѣкъ совсѣмъ посторонній, пріѣзжій, или напротивъ того человѣкъ очень знакомый ей съ тѣхъ поръ еще, какъ она ходила безъ покрывала. Вотъ кофейня: на прилавкѣ и наземи сидятъ нѣсколько человѣкъ, въ чалмахъ, съ трубками; въ окнахъ видны чалмы и бороды, сквозь табачный дымъ, разносимый, гуляющимъ, между рѣдкими рѣшетками оконъ, вѣтромъ; кафеджи суетится: одному подаетъ кофе, дру-

гому несетъ въ щипцахъ красный уголь для трубки, возлѣ третьяго ставитъ кальянъ. Это уже не предмѣстіе, а самый городъ. Домы густѣютъ и дѣлаются сплошными; они, кажется, лѣтъ десять не подвергались ни какой починкѣ: ставни сдѣлались косвенными или неправильными фигурами; на кровляхъ, мѣстами, не достаетъ многихъ черепицъ; штукатурка стѣнъ, гдѣ она была, пообвалилась, и деревянныя перекладины и косяки, служащіе строенію основой, выказываютъ таинства восточной архитектуры. Вотъ въ одномъ домѣ вывалился изъ стѣны довольно большой камень съ нѣсколькими сосѣдними земляными кирпичами; отъ этого произошло, около угла комнаты, новое окно, которое, въ ожиданіи задѣлки, кое-какъ заткнуто мѣшкомъ, наполненнымъ соломой. Вотъ, далѣе, небольшая, неправильной фигуры, площадка, и около нея мечеть, большая, высокая, красивая, съ большимъ куполомъ, съ высокимъ минаретомъ, котораго острая кровелька бѣла, какъ серебро, а луна на ней горитъ золотомъ. Преддверіе мечети подперто мраморными колоннами разной толщины....

«Вотъ, улица дѣлается у́же, мостовая сырѣе: начинается торговая часть города. Лавки, съ своими дверями, составляютъ два сплошные ряда, между которыми кровли почти сходятся, а въ промежуткѣ ихъ видна кое-гдѣ зелень,—висятъ, какъ колбасы, тыквы, индѣ же и виноградныя кисти. Лавочники сидятъ на прилавкахъ, поджавши ноги, курятъ, молчатъ. Женщины ходятъ (рѣдко по—одиначкѣ, а чаще обществами, отъ пяти до десяти) отъ одной лавки къ другой, смотрятъ товары, покупаютъ, разглядываютъ уже

купленное; онѣ говорятъ мало и съ купцами и межъ собою, поправляютъ падающія съ лицъ покрывала, глядятъ на все и на всѣхъ смѣло безъ малѣйшей застѣнчивости. Мужчинъ покупающихъ немного; развѣ иной беретъ табакъ или примѣриваетъ фесъ или красные башмаки. Между лавочниками замѣтны живостію своихъ движеній Греки, чистотою лицъ и безсмысленностію физіономіи—Армяне. При лавкахъ множество лотковъ и коробовъ съ плодами, съ овощами; все это на землѣ, какъ и сами продавцы; все держится неопрятно, какъ и руки, которыя кладутъ товаръ на вѣсы. На перекресткахъ видны, въ сторонѣ, другія улицы малаго базара, а тамъ возвышается главный, каменный, съ своими шестидесятью куполами. Солнце еще не сѣло, а на большомъ базарѣ уже наступаетъ ночь. Купцы съ шумомъ и стукомъ опускаютъ висячія двери своихъ лавокъ, запираютъ ихъ огромными ключами и уходятъ домой...

«Вотъ проглянулъ другой конецъ города; у воротъ большаго хана (каравансерая) толпится караванъ—десятка четыре муловъ, навьюченныхъ небольшими тюками. Звонъ колокольчиковъ и побрякушекъ раздается далеко среди окрестной тишины, едва понятной для Европейца, привыкшаго слышать въ городахъ своихъ безпрерывный шумъ и гулъ отъ экипажей, смѣшанный съ говоромъ народа. Погонщики лѣниво движутся около каравана, слѣзаютъ съ ословъ, закуриваютъ трубки, устанавливаютъ муловъ подъ навѣсъ, и молчатъ. Недалеко отъ хана пляшетъ старый дервишъ въ высокой войлочной шапкѣ; на него глядятъ мальчишки и женщины, перешептываясь между со-

бою съ видомъ таинственности! Дервишъ почитается святымъ.

«Кромѣ нѣкоторыхъ мѣстечекъ, христіанскія части въ селеніяхъ малы сравнительно съ Турецкими, но онѣ гораздо болѣе оживлены и лучше выстроены. Это особенно замѣтно въ береговой западной части полуострова, гдѣ даже и Турецкіе домы не столько угрюмы на видъ, гдѣ мусульмане привыкшіе видѣть Европейцевъ, начинаютъ мало-по-малу перенимать у нихъ то и другое, и приспособлять заимствованное къ своимъ жилищамъ. Тамъ появляются, мѣстами, стекла въ окнахъ; въ комнатахъ, софы дѣлаются выше, иногда даже низкіе табуреты замѣняются стульями грубой работы, а на заборахъ не ставятся заслонки для прикрытія балконовъ и комнатъ верхняго жилья отъ взоровъ сосѣда. Притомъ, замѣтна нѣкоторая перемѣна и въ устройствѣ кофеенъ, лавокъ, хановъ. Зданія дѣлаются, если не прочнѣе, то, по-крайней-мѣрѣ, чище и благовиднѣе; но улицы остаются по-прежнему тѣсными, даже тамъ, гдѣ выгорѣвшая часть селенія застроивается вновь. Никто не хочетъ пожертвовать, для просторнѣйшаго прохода, аршиномъ земли, а правительство въ такія дѣла вовсе не мѣшается: каждый воленъ строить, какъ ему угодно и что угодно; развѣ затѣя его отняла бы у сосѣдей послѣднее удобство, чего однако же не дѣлаетъ никто по врожденному чувству справедливости.»

Въ отношеніи къ гражданскому управленію Малая Азія дѣлится на разныя области и округи, принимающіе названіе пашаликовъ, мусселимлыковъ, бейлыковъ, воеводлыковъ, назырлыковъ, и агаликовъ, смо-

тря по тому, какого сана начальствующее ими лице. Большая часть губернаторскихъ мѣстъ на откупѣ, и каждый мусульманинъ, какого бы званія онъ ни былъ, можетъ, выплативъ назначенную сумму, сдѣлаться правителемъ округа или области, а потомъ уже его дѣло приложить стараніе о собственныхъ барышахъ. Онъ полный распорядитель въ подвѣдомомъ ему краѣ, и только смертные приговоры обязанъ представлять на утвержденіе высшаго правительства.

Народонаселеніе Малой-Азіи можно полагать приблизительно до четырехъ милліоновъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ Греки и Армяне составляютъ, можетъ-быть, одну двѣнадцатую долю.

ГЛАВА LXVIII.

Оттоманское Государство: Сирія.

Переплывъ черезъ Эвфратъ въ Бирѣ, вы ѣдете негладкою страной, гдѣ равнины плодоносны и хорошо обработаны. Вотъ большая деревня Бабъ съ срытыти укрѣпленіями. Въ шести миляхъ къ востоку открывается Алепъ, городъ обширный, который, по мнѣнію Сестини, можетъ почесться лучшимъ въ Оттоманской имперіи. Онъ хорошо выстроенъ изъ камня; улицы его рачительно вымощены и соблюдаются въ чистотѣ. Два землетрясенія въ 1822 году ниспровергли болѣе половины этого города и разрушили или чрезвычайно повредили большую часть общественныхъ зданій.

По мѣстоположенію своему, Алеппо или Алепъ служитъ средоточіемъ важной торговли между Европою и частію Леванта; народонаселеніе его простирается до двухсотъ тысячъ душъ: это смѣсь Арабовъ, Турковъ, Армянъ, Маронитовъ.

«Окрестности Алепа, по разсказамъ Оливье, нѣсколько гористы. Городъ расположенъ въ глубокой долинѣ, гдѣ протекаетъ небольшая рѣчка Коикъ, орошающая многіе обширные сады, назначенные для разведенія хлопчатой бумаги, табаку и различныхъ овощей. Эта рѣчка, выходя изъ города, направляется къ юго-юговостоку и образуетъ соленое озеро, хотя часть

Коика протекающая Алепъ и служащая единственнымъ источникомъ для жителей, вкусна и пріятна для питья. Каждый годъ, въ исходѣ лѣта, то есть, когда отъ испаренія усыхаетъ большая часть воды въ озерѣ, добываютъ морскую соль, употребляемую жителями Алепа и окрестными. Коикъ начинаетъ теченіе свое около цвѣтущаго города Антаба, къ сѣверосѣверовостоку отъ Алепа.

«Послѣдній окруженъ толстою, чрезвычайно высокою стѣною, прочно устроенною изъ красиваго известняка съ частыми башнями и рвомъ, который отчасти изгладился или былъ заваленъ. Окружность города около шести миль; домы всѣ каменные, большая часть изъ дикаго камня, съ прекрасными террасами на кровляхъ; нѣкоторые изъ нихъ по своему объему и внутреннему расположенію похожи на старинные наши монастыри.

«На срединѣ города находится довольно большой курганъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, окруженный весьма обширнымъ за́мкомъ, гдѣ нѣкогда жилъ градоначальникъ со всею своею стражею. Этотъ за́мокъ исчезаетъ теперь въ развалинахъ.

«Хотя Алепъ лежитъ подъ 36 11′ широты, воздухъ тамъ умѣренный и пріятный: лѣтомъ освѣжается онъ сѣверозападнымъ вѣтромъ, дующимъ каждый день съ Средиземнаго моря и Александретскаго залива. Холодъ зимою почти неощутителенъ, когда нѣтъ сѣвернаго вѣтра; но если этотъ вѣтеръ стоитъ нѣсколько дней, термометръ опускается ночью до четырехъ или пяти градусовъ ниже точки замерзанія, тогда какъ въ другое время онъ выше этой точки

осьмью или девятью градусами днемъ и двумя или тремя ночью. Лѣтомъ термометръ постоянно показываетъ 25 или 26 градусовъ. Иногда въ декабрѣ и январѣ выпадаетъ снѣгъ, но рѣдко лежитъ болѣе сутокъ.

«Зимою иногда идетъ дождь, осенью очень мало, но чаще въ началѣ весны; лѣто всегда чрезвычайно сухо, и облака—рѣдкое явленіе. Весною и осенью бываютъ вихри съ южной стороны, продолжающіеся не болѣе двухъ или трехъ дней, и тогда термометръ подымается до 28, 31 и даже 33 градусовъ; вѣтры эти удушливы, нездоровы, но, къ счастію, рѣдки.

«Воздухъ вообще благорастворенный по причинѣ возвышенности кряжа, сосѣдства степей и ясности неба. Однако жители подвержены нѣкотораго рода прыщамъ, постигающимъ дѣтей въ первый годъ ихъ рожденія, и даже взрослыхъ иностранцевъ, ежели они заживутся въ городѣ. Этотъ прыщъ обыкновенно выказывается на одной изъ щекъ у дѣтей и по всѣмъ частямъ тѣла въ другихъ возрастахъ. Когда онъ пройдетъ, послѣ него остается шрамъ.»

Дорога, черезъ цѣпь горъ, отдѣляющихъ систему Коика отъ водъ, текущихъ въ Оронтъ, ведетъ отъ Алепа въ городъ Антакіэ, бывшій столь знаменитымъ въ древности подъ именемъ Антіохіи. Онъ былъ обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ Селевкидовъ, царей Сиріи; многіе Римскіе Императоры жили въ немъ, и все дышало здѣсь роскошью; но этотъ блескъ исчезъ невозвратно. Осады, выдержанныя городомъ противъ Сарацынъ, Персовъ, Крестоносцевъ, разрушили великолѣпныя зданія, украшавшія его,

землетрясенія довершили его опустошеніе. Но и теперь видно истинное его положеніе, потому что окружность древнихъ его стѣнъ еще весьма явственна до вершины горъ, господствующихъ надъ нынѣшнимъ ничтожнымъ городомъ; въ немъ едва ли до десяти тысячь жителей. Памятниками минувшей славы остались нынѣ одни водопроводы (Л. XLV—4).

Стѣны Антіохіи омываются Оронтомъ, который сперва принимаетъ въ себя воды озера, лежащаго на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ къ западу и продолжаетъ свое теченіе къ Средиземному морю, куда впадаетъ на югъ отъ Александретскаго или Скандерунскаго залива. Городъ Александрета, въ шестнадцати миляхъ къ сѣверозападу отъ Антіохіи, долгое время былъ средоточіемъ довольно дѣятельной торговли, но чрезвычайная тлетворность его климата отъ испареній болота, лежащаго къ юговостоку, землетрясеніе, случившееся здѣсь въ 1822 году и многія другія причины, вынудили оставить его, не смотря на безопасность его рейда.

Суайдіэ, бѣдное мѣстечко при устьѣ Оронта, служитъ пристанью Антакіэ. Въ двухъ миляхъ болѣе къ сѣверу, Кепри замѣнилъ Селевкію, городъ укрѣпленный, основанный Селевкомъ Никаторомъ, на мысѣ.

Слѣдуя берегомъ къ югу отъ Суайдіэ, достигаешь до города Латакіэ (Laodicea ad marem). Мѣсто, которое онъ занимаетъ, неровно и покрыто садами, гдѣ находятъ многіе остатки древностей. Пристань, еще существующая, такъ засорена, что даже и мелкія суда съ трудомъ туда входятъ. Она прикрыта къ югу развалинами древнихъ стѣнъ и остатками раз-

рушившейся молы. Крѣпость защищаетъ входъ съ сѣверной стороны и сообщается съ твердою землею мостомъ, устроеннымъ на многихъ сводахъ; къ югу лежатъ остатки водоема, пробитаго въ скалѣ, безъ сомнѣнія, для постройки кораблей. Въ четверти мили къ сѣверу отъ пристани, найдете пещеры, служившія пріютами первобытнымъ жителямъ. Онѣ устроены ступенями однѣ надъ другими; Корансе насчиталъ ихъ осьмнадцать на самой верхней площадкѣ.

«Новый городъ, продолжаетъ этотъ путешественникъ, отстоитъ на четверть мили къ югозападу отъ пристани. На полуденной оконечности его возносится тріумфальная арка, поддерживаемая мраморными колоннами. Этотъ памятникъ сооруженъ, какъ полагаютъ, въ честь Римскаго императора Септимія-Севера; теперь онъ заслоненъ домами. Тутъ же вблизи находится другой портикъ коринѳскаго ордена, куда проходятъ черезъ двойной рядъ сѣро-гранитныхъ колоннъ, по видимому привезенныхъ изъ Египта. Онѣ, безъ сомнѣнія, составляли часть портика, принадлежащаго къ этому зданію. Теперь ихъ затѣснили въ рядъ лавокъ, составляющихъ главный базаръ Латакіэ.

«Этотъ городъ, хотя и мало населенъ, производитъ дѣятельную торговлю, особенно съ Египтомъ и островомъ Кипромъ. Позади города равнины, перерѣзанныя неровными холмами, орошаются различными излучинами Нагръ-эль-Кебира, который оплодотворяетъ землю своими разливами. Въ низменныхъ мѣстахъ ростетъ пшеница, ячмень, хлопчатая бумага, а въ верхнихъ разводятъ табакъ и виноградъ. Латакійскій табакъ цѣннѣе всякаго другаго въ Египтѣ.»

Продолжая путь берегомъ въ южномъ направленіи, увидите развалины многихъ городовъ.

Горы, которыя тянутся между водоемомъ Оронта и моремъ, суть хребетъ Казіусъ (Casius) древнихъ; на сѣверъ примыкаютъ онѣ къ горамъ Анатоліи; онѣ всѣ известковой породы и не такъ высоки, но переходъ черезъ нихъ труденъ по причинѣ неровной и утесистой ихъ покатости. На югъ онѣ присоединяются къ крайнимъ вѣтвямъ горы Ливана.

Между послѣднею цѣпью и той, которая идетъ съ нею въ параллель подъ названіемъ Анти-Ливана, открывается глубокая долина Бекаа, которую посѣщали многіе путешественники, между прочими Мондрель, Ла Рокъ, Вольней, Буркартъ, и гдѣ виденъ Баальбекъ (Геліополисъ), то есть, городъ солца, у подошвы Анти-Ливана, при послѣднемъ скатѣ горы въ равнину. «Приближаясь съ юга, говоритъ Вольней, вы усматриваете городъ на разстояніи полуторы мили за рядомъ деревъ, которыхъ зелень вѣнчаетъ онъ полосою бѣлыхъ куполовъ и минаретовъ. Черезъ часъ достигаете этихъ роскошныхъ орѣшинъ и вскорѣ, прошедъ запущенные сады извилистыми тропинками, видите себя у подошвы города. Передъ вами, обветшалая стѣна съ четыреугольными башнями подымается вправо на отлогость, обозначая черту древняго города. За стѣною, которая только отъ десяти до двѣнадцати футовъ въ вышину, видны пустыри и обломки, эти повсемѣстныя принадлежности городовъ Турецкихъ; но что особенно привлекаетъ вниманіе съ лѣвой стороны, это огромное зданіе, въ которомъ высокая стѣна и колонны обличаютъ одинъ изъ храмовъ, ос-

тавленныхъ намъ на диво древнимъ искусствомъ. Этотъ памятникъ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ и наилучше сохранившихся въ Азіи, заслуживаетъ особеннаго описанія (Л. XLV — 2).» Всѣ Европейцы, видѣвшіе Баальбекъ, отзываются съ такими же похвалами о великолѣпныхъ его древностяхъ.

Долина Бекаа есть древняя Целе-Сирія или, собственно, Полая Сирія. «Положеніе ея въ глубокой ложбинѣ, прибавляетъ Вольней, собирая тамъ нагорныя воды, всегда дѣлало ее однимъ изъ плодоснѣйшихъ округовъ Сиріи; но съ другой стороны сосредоточеніе солнечныхъ лучей производитъ здѣсь лѣтомъ жаръ, не уступающій даже Египетскому. Однако же воздухъ не вреденъ, безъ сомнѣнія отъ того, что онъ непрестанно обновляется сѣвернымъ вѣтромъ, и отъ того, что всѣ воды—проточныя, а не стоячія; тутъ можно безъ вреда спать на террасахъ. До землетрясенія, бывшаго въ 1759 году, весь край былъ покрытъ селеніями и обработанными полями Мотуалей; но гибельное это явленіе и ужасы слѣдовавшихъ потомъ Турецкихъ войнъ, почти все здѣсь истребили.»

Съ того времени, то есть, съ 1785 года, когда Вольней посѣщалъ эти страны, бѣдственность ихъ состоянія еще усугубилась отъ войнъ и землетрясеній.

Ущелія ведутъ изъ долины Бекаа въ долину Оронта или Аази. Слѣдуя по теченію рѣки къ сѣверу, встрѣчаешь на правомъ берегу Гомзъ (Emesus), довольно значительный по фабрикамъ своимъ на обоихъ берегахъ; обширный городъ Гаму, знаменитый цвѣтущею торговлею, промышленостью и водопод-

емными колесами, дѣйствительно величайшими изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ. Онѣ имѣютъ тридцать два фута въ поперечникѣ и изливаютъ воду въ бассейнъ, откуда она переходитъ протоками въ общественныя и частныя бани. Поля окрестныя чрезвычайно плодородны. Фамiэ (Апамеа), гдѣ цари Селевкиды учредили училище и разсадникъ своей конницы, обильными пажитями и теперь еще питаетъ многочисленныя стада; рыбная ловля въ озерѣ Эль-Такѣ, имѣющемъ связь съ Оронтомъ, весьма прибыльна.

«Въ исходѣ послѣдняго столѣтія, писалъ Вольней въ 1785 году, Англiйскiе купцы изъ Алепа, утомясь расказами Бедуиновъ о безчисленныхъ развалинахъ, находящихся въ степи, рѣшились изслѣдовать истину чудесныхъ слуховъ. Первая попытка, въ 1678 году, была не очень успѣшна. Арабы ограбили ихъ и они возвратились, не достигнувъ цѣли своей. Они снова ободрились въ 1691 году, и наконецъ имъ удалось обозрѣть означенные памятники. Описанiя ихъ, помѣщенныя въ «Актахъ Королевскаго Общества» Philosophical Transactions, встрѣтили много недовѣрчивости и возраженiй: не могли ни понять, ни убѣдиться, какимъ образомъ въ отдаленной глуши могъ существовать такой великолѣпный городъ, какой изображали рисунки. Но съ того времени, какъ Англичанинъ Докинсъ (Dawkins) издалъ, въ 1753 году, подробные чертежи, снятые на мѣстѣ, всѣ сомнѣнiя о томъ разсѣялись, и должно было согласиться, что древность не оставила ни въ Грецiи, ни въ Италiи ничего такого, чтобы могло сравниться съ великолѣпными развалинами Пальмиры.»

Вудъ (Wood), сотрудникъ и издатель путешествія Докинса, обнародовалъ описаніе этихъ дивныхъ развалинъ; Вольней, посѣтившій ихъ, предложилъ изъ него сокращенный очеркъ; приходили и другіе къ этимъ памятникамъ и при видѣ ихъ одушевлялись тѣмъ же чувствомъ, какое наполняло душу ихъ предшественниковъ. Особенно замѣчателенъ тутъ великолѣпный храмъ солнца, окруженный исполинскими рядами колоннъ и обширною четырехъ угольною оградой, которая образуетъ длинный внутренній портикъ; четыре огромныя гранитныя колонны, въ срединѣ входа; развалины самаго входа, представляющія колоннаду, на цѣлую милю въ длину; остатки тріумфальной арки и наконецъ гробницъ, въ видѣ четырехъугольныхъ башенъ о многихъ ярусахъ, изъ мрамора, безъ всякаго внѣшняго убранства, но съ колоннами и изваяніями внутри (Л. XLIV — 3 и 4).

«Пальмира, отстоящая на три дня отъ Эвфрата, обязана своимъ цвѣтущимъ состояніемъ выгодному положенію на большой торговой дорогѣ, искони существовавшей между Европою и Индіею. Два ключа прѣсной воды близъ города служили могущественною приманкой для первыхъ поселенцевъ этой, вездѣ безплодной и сухой, пустыни. Безъ сомнѣнія, эти двѣ причины обратили на себя вниманіе Саломона и подвигли мудраго царя, покровительствовавшаго торговлю, простерть свое оружіе до столь отдаленнаго рубежа Іудеи. Онъ построилъ тамъ крѣпкія стѣны, говоритъ историкъ Іосифъ, чтобы упрочить обладаніе свое, и назвалъ городъ Тадмуромъ, то есть, страною

пальмъ. Этимъ именемъ и теперь называютъ его Арабы, нынѣшніе его обитатели.

«Постепенное паденіе всѣхъ большихъ городовъ окрестныхъ, было, подъ державою Персовъ и наслѣдниковъ Александра Македонскаго, колыбелью того величія, въ какомъ Пальмира является какъ бы незапу при Парѳахъ и Римлянахъ. Тутъ насталъ для нея на нѣсколько вѣковъ періодъ мира и дѣятельности, дозволившихъ жителямъ ея соорудить великолѣпные памятники, которые удивляютъ насъ и въ развалинахъ.»

Въ царствованіе Одената и Зеновіи, Пальмира достигла высшей степени благоденствія; но, дерзнувъ бороться съ могуществомъ Рима, она была взята и разорена Авреліаномъ; Юстиніанъ возстановилъ и укрѣпилъ ее, но впослѣдствіи она была опустошаема непрерывными войнами, кипѣвшими въ тѣхъ странахъ; торговля, чрезвычайно упавшая, пошла черезъ Алепъ и Дамаскъ, а Пальмира обратилась въ ничтожную деревню, гдѣ живутъ нѣсколько сотъ Бедуинскихъ семей и куда нельзя заглянуть безопасно.

Степь въ направленіи отъ сѣверо-сѣверовостока къ юго-югозападу ведетъ изъ Пальмиры въ Дамаскъ, слывущій у Арабовъ Эль-Шамомъ. Дамаскъ, древнѣйшій изъ городовъ, упоминаемыхъ исторіею, лежитъ въ равнинѣ, открытой къ югу и востоку со стороны степи и сжатой къ западу и сѣверу горами, ограничивающими взоръ въ довольно близкомъ разстояніи. Въ замѣнъ того изъ нѣдръ этихъ горъ изливается множество источниковъ, дѣлающихъ изъ Дамасскаго края очаровательнѣйшее мѣсто въ цѣлой Сиріи. Арабы го-

ворятъ объ немъ съ восторгомъ и громко прославляютъ зелень и свѣжесть его рощей, изобиліе и разнообразность его плодовъ, многочисленность потоковъ и чистоту водометовъ и родниковъ. «А потому, прибавляетъ Вольней, только здѣсь и есть загородные домы отдѣльные и въ чистомъ полѣ. Туземцы тѣмъ болѣе должны цѣнить эти выгоды, чѣмъ ихъ менѣе въ мѣстахъ сопредѣльныхъ. Впрочемъ, тощая, хрящеватая и глинистая почва мало способна къ посѣву; за то свойство это обращается въ пользу плодовъ, доставляя имъ самую вкусную и пріятную сочность. Ни въ одномъ городѣ нѣтъ столько каналовъ и фонтановъ; у каждаго дома особенный. Всѣ эти воды доставляются тремя ручьями или лучше сказать тремя рукавами рѣки — Баградди, которая, оплодотворивъ сады на пространствѣ трехъ миль, течетъ на юговостокъ, въ лощину степи, гдѣ образуетъ болото, называемое Бегайратъ-эль-Маджъ, то есть, Сосновое Озеро.

Всѣ путешественники согласны въ томъ, что Дамаскъ одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ державы Оттоманской. Не смотря на его отдаленную древность, въ немъ нѣтъ ни одного примѣчательнаго памятника; но въ цѣломъ представляетъ онъ величественный видъ своими мечетями, базарами, дворцами и каравансераями (Л. XLV — 1). Здѣсь собираются многочисленные богомольцы изъ всѣхъ странъ магометанской Европы и Азіи и отправляются караваномъ въ Мекку. Это стеченіе иностранцевъ сдѣлало Дамаскъ средоточіемъ чрезвычайно дѣятельной торговли. Буркартъ говоритъ, что ни въ одномъ изъ городовъ Востока не продается столько рукописей, какъ здѣсь. Народонаселеніе

его, и съ жителями предмѣстій, простирается до 140,000 душъ, большею частію Арабовъ и Турковъ. Вольней говоритъ, что Турки почитаютъ жителей Дамаска худшими изъ всѣхъ подданныхъ имперіи; нигдѣ мусульмане не дышатъ такимъ изувѣрствомъ и нетерпимостью къ другимъ исповѣданіямъ, какъ тамъ.

Многіе путешественники обозрѣвали страны Ливана и Анти-Ливана. Высшая вершина перваго изъ этихъ хребтовъ подымается до 1491 тоаза. Снѣгъ на ней лежитъ большую часть года; съ моря видно ее за тридцать миль.

Почти вся страна между Латакіэ и Триполи представляетъ равнину. «Многочисленные ручьи, протекающіе здѣсь, говоритъ Вольней, доставляютъ ей обильныя средства къ плодоносію; но, не смотря на такую выгоду, равнина эта обработана гораздо менѣе горъ, даже не исключая и Ливана, хотя онъ весь покрытъ скалами и хвойнымъ лѣсомъ (Л. XLV—3). Главныя произведенія—пшеница, ячмень и хлопчатая бумага.

Продолжая путь къ югу, встрѣчаешь Джебеле (Gabala) съ Римскими развалинами; Моркабъ — мѣсто утесистое, заключенное между древними укрѣпленіями; Тортоза, гдѣ основанія стѣнъ высѣчены въ скалѣ, окружена пещерами, служившими для погребеній. Насупротивъ Тортозы, островокъ Руадъ, гдѣ находился сперва могущественный вольный городъ Aradus. Тамъ процвѣтали торговля, фабрики и искусства; рука времени не только все изгладила и опустошила, но даже истребила воспоминаніе о прѣсномъ источникѣ, открытомъ на днѣ моря Арадійцами.

Триполи (у Восточныхъ Тараболосъ) въ четверти мили отъ устья Нагръ-эль-Каде. Этотъ небольшой городъ отличается, по словамъ Эрби и Менгльса, красивою постройкою отъ всѣхъ другихъ городовъ Сиріи; онъ окруженъ садами и хорошо воздѣланными нивами; торговля его довольно дѣятельна, хотя рейдъ нѣсколько опасенъ по причинѣ подводныхъ скалъ.

Къ югу отъ Триполи лежитъ округъ Кезрауанъ, простирающійся отъ Нагръ-эль-Кельба, черезъ Ливанъ, до самаго Триполи. Джебайль (Byblos), значительнѣйшій городъ этого округа, имѣетъ не болѣе 6,000 жителей; слѣды прежней его пристани почти вовсе исчезли. Нагръ-эль-Ибрагимъ (Adonis),—съ единственнымъ мостомъ, какой, за исключеніемъ Трипольскаго, найдете во всей здѣшней сторонѣ отъ самой Антіохіи. Онъ объ одномъ сводѣ, шириною въ пятьдесятъ шаговъ, зодчества весьма легкаго, вышиною болѣе тридцати футовъ надъ берегомъ; кажется, онъ построенъ Арабами.

Въ срединѣ горъ, мѣста, наиболѣе посѣщаемыя Европейцами, сутъ деревни Эденъ и Бишаррай. Въ зимнее время многіе жители спускаются къ берегу и оставляютъ домы свои подъ снѣгомъ, и при нихъ нѣсколько сторожей. Отъ Бишаррая лежитъ дорога къ извѣстнымъ кедрамъ, которые отъ него на семь часовъ ходьбы, не смотря на то, что разстоянія тутъ всего три мили. Эти знаменитыя деревья стоятъ на неровномъ грунтѣ и образуютъ небольшой лѣсъ. «Я считалъ самыя старыя изъ уцѣлѣвшихъ, говоритъ Буркартъ: ихъ было двѣнадцать; другіе пятьдесятъ толщины посредственной и болѣе трехъ сотъ низкихъ и

молодыхъ. У древнѣйшихъ по нѣскольку стволовъ выходитъ изъ одного корня; на нихъ начертано множество именъ различныхъ путешественниковъ, начиная съ 1640 года.»

На рубежѣ Кезрауана, въ одной милѣ къ сѣверу отъ Нагръ-эль-Кельба, есть небольшое селеніе Антура, гдѣ у католическихъ миссіонеровъ красивый домъ на мѣстѣ чрезвычайно пріятномъ.

Бейрутъ (Berytus) къ югу отъ устья Нагръ-эль-Сагиба, въ равнинѣ, на берегу моря. До сего времени Друзы и Марониты вывозили изъ его пристани хлопчатую бумагу и шелкъ, собираемый ими, и получали въ обмѣнъ товары, которыми торговали съ сосѣдними народами.

Страна Друзовъ простирается на востокъ отъ Бейрута, въ долинахъ Ливана, отъ Баальбека до Арнуна. Здѣсь примѣчательнѣйшее мѣсто Даиръ-эль-Камаръ (Домъ Луны), резиденція эмировъ. Этотъ городокъ, дурно построенный, основанъ на отвалѣ горы, у подошвы которой бѣжитъ одинъ притокъ Нагръ-эль-Домура (Tamyrus). Народонаселеніе состоитъ изъ Друзовъ, Маронитовъ, Грековъ и нѣсколькихъ Турковъ.

Дворецъ, видѣнный Вольнеемъ, былъ не что иное какъ большой, некрасивый домъ, клонившійся къ разрушенію. Но дворецъ, описанный Ламартиномъ, великолѣпенъ: полъ югозападнаго павиліона наборный изъ мрамора, съ фонтаномъ посерединѣ; стѣны выложены слоновою костью и позолотою, и украшены Арабскими надписями изъ крупныхъ золотыхъ буквъ, подобно большой пріемной палатѣ эмира, которой

одна сторона драпирована богатѣйшими Кашмирскими тканьми.

Друзы — небольшое племя, обязанное происхожденіемъ своимъ раздору, который вспыхнулъ между мусульманами въ началѣ одиннадцатаго вѣка нашей эры. Новые раскольники бѣжали отъ гоненій въ гору Ливанскую и тамъ утвердились. Защищавъ долгое время независимость свою, они наконецъ признали надъ собою господство великаго султана и платятъ ему дань; но управляются своимъ собственнымъ эмиромъ.

Касательно вѣроисповѣданія, они раздѣлены на оккалей (посвященныхъ въ таинства) и джагатовъ (непосвященныхъ). Они вѣруютъ въ единаго Бога, воплощеннаго въ лицѣ халифа Гакима (Біамръ Аллаха), и къ этому суевѣрію присовокупляютъ еще многія другія. Впрочемъ, они не соблюдаютъ ни одного изъ богослужебныхъ обрядовъ, употребляемыхъ сосѣдними народами, и содержатъ свои собственные въ великой тайнѣ; это заставило приписывать имъ разные ужасы, но извѣстно, что рѣдкое вѣроученіе избѣгло подобной клеветы. Наконецъ священныя книги ихъ сдѣлались частію доступными, и въ нихъ нашли много пустыхъ бредней.

Друзы говорятъ чистымъ Арабскимъ нарѣчіемъ; они отличаются красотою, мужествомъ, гостепріимствомъ и трудолюбіемъ; цвѣтъ лица у женщинъ прелестенъ: станъ у нихъ стройный и кажется еще выше отъ чудной уборки ихъ головъ. Это прямой серебряный рогъ, въ футъ длиною, съ рѣзными изображеніями;

на немъ виситъ покрывало, спущенное красиво по обѣимъ сторонамъ лица.

Въ странѣ Друзовъ полагаютъ до ста двадцати тысячь жителей. Радушный пріемъ, оказанный ими Грекамъ и Маронитамъ, побудилъ этихъ христіанъ основать тутъ многія обители. Главная изъ нихъ Маръ-Ганна, сооруженная на крутомъ возвышеніи, у котораго зимою бѣжитъ потокъ Нагръ-эль-Кельбъ. Этотъ монастырь особенно примѣчателенъ Арабскою типографіею.

Марониты занимаютъ часть Кезрауана, лежащую къ сѣверу отъ той, которая населена Друзами; шейкъ ихъ зависитъ отъ эмира послѣднихъ. Они платятъ дань Оттоманамъ и признаютъ верховное владычество папъ. Обитель Канобинская, гдѣ живетъ Патріархъ Маронитовъ, находится въ горахъ, на десять миль къ востоко-юговостоку отъ Триполи, при Нагръ-Кадисѣ; въ странѣ ихъ болѣе двухсотъ мужскихъ и женскихъ монастырей.

Въ этомъ округѣ до полутораста тысячь жителей; туговыя деревья и виноградъ суть главные предметы земледѣлія. «Можно, говоритъ Вольней, почитать это племя раздѣленнымъ на два сословія: на народъ и шейховъ. Подъ именемъ шейховъ разумѣютъ значительнѣйшихъ жителей, которые отличаются отъ простолюдиновъ древностію рода и достаткомъ. Всѣ живутъ разсѣянно въ горахъ, селеніями, деревушками, отдѣльными домами, чего не бываетъ въ равнинахъ. Весь народъ земледѣльческій; каждый самъ обработываетъ небольшой участокъ, которымъ владѣетъ по праву собственности или на откупу. Шейхи живутъ

такимъ же образомъ, отличаясь отъ толпы только плохою шубою, лошадью и небольшимъ привольемъ въ пищѣ и помѣщеніи. Всѣ отличаются умѣренностію, ограничиваясь въ наслажденіяхъ, но и не лишая себя необходимаго, ибо роскоши почти вовсе не знаютъ. Вообще народъ бѣденъ, но ни кто не терпитъ крайней нужды, и если встрѣчаются между ними нищіе, то это не туземцы, а болѣе пришельцы изъ прибрежныхъ городовъ. Собственность также свято уважается, какъ и въ Европѣ: тутъ нѣтъ ни хищеній, ни прижимокъ, столь частыхъ между Турками; тутъ путешествуешь, и днемъ, и ночью, съ безопасностью, неизвѣстной во всѣхъ другихъ предѣлахъ имперіи. Пріѣзжій встрѣчаетъ такое жъ гостепріимство, какъ и у Арабовъ; однако замѣтитъ, что Марониты не такъ щедры, даже нѣсколько наклонны къ скупости. Сообразно правиламъ христіанскимъ, у нихъ только по одной женѣ, которую часто берутъ не видавъ и еще чаще не знавъ ея прежде; но противъ той же христіанской вѣры, они придерживаются обычая Арабовъ платить обидою за обиду, и ближайшій родственникъ долженъ мстить за каждаго убитаго. По привычкѣ, основанной на подозрѣніи и политическомъ состояніи страны, всѣ мужчины, шейхи и поселяне, постоянно вооружены кинжаломъ и ружьемъ. Оно быть-можетъ и не совсѣмъ хорошо; но отсюда проистекаетъ та выгода, что они съ надежною опытностью владѣютъ оружіемъ въ тѣхъ нужныхъ случаяхъ, когда надобно защищать отчизну свою отъ нападенія Турковъ. За неимѣніемъ строеваго войска, каждый долженъ ополчиться въ военное время, и будь эта

рать хорошо предводима, она превзошла бы многіе Европейскія арміи. Изъ переписей, учиненныхъ въ послѣдніе годы, видно, что тамъ 35,000 человѣкъ, способныхъ къ оружію.»

Къ сѣверу отъ Маронитовъ, простирается округъ Ансаріевъ или Нассарисовъ, народа земледѣльческаго грубаго, населяющаго цѣпь горъ, заключенныхъ между Антакіэ и Нагръ-эль-Кебиромъ. Онъ раздѣленъ на разныя племена или секты, болѣе или менѣе сближающіяся съ исламомъ; но догматы этой вѣры перемѣшаны у нихъ съ другими вѣрованіями, изъ чего выходитъ довольно нелѣпый сбродъ.

Ансаріи платятъ дань пашѣ Триполійскому. Горы ихъ вообще не такъ утесисты какъ Ливанскія и, слѣдственно, способнѣе къ обработкѣ; но по той же причинѣ и болѣе открыты для Туркокъ. Вѣроятно, отъ этого, не смотря на плодоносіе своей почвы, онѣ менѣе населены, нежели горы Друзовъ и Маронитовъ.

Нѣкоторое время, жители долины Бекаа, Мотуали, играли значительную роль и наводили ужасъ своимъ сосѣдямъ. То были мусульмане-шіиты; но послѣ различныхъ превратностей, они почти вовсе были уничтожены, а остатки ихъ укрылись въ Анти-Ливанѣ и въ Ливанѣ Маронитскомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и имя ихъ наконецъ совсѣмъ исчезнетъ.

Спускаясь съ Ливана къ берегу, дорога идетъ близъ монастыря Маръ-Эліасъ-Альзо, гдѣ жила въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ леди Эсѳирь Стенгопъ. Эта Англичанка, близкая родственница знаменитаго министра Питта, приняла всѣ обычаи Востока и пользовалась большимъ вліяніемъ между Арабами—Беду-

инами. Рекомендація ея къ нимъ была самымъ вѣрнымъ средствомъ для путешественника проѣзжать пустыню безъ дальнихъ неудобствъ. Радушно принимала она иноземцевъ, ее посѣщавшихъ; но злыя насмѣшки нѣкоторыхъ изъ путешествующихъ ея соотечественниковъ вынудили ее принимать къ тебѣ только сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ. Она дѣлала много добра въ странѣ, гдѣ утвердила свое жительство и гдѣ надѣялась окончить свои дни.

Въ трехъ миляхъ отъ монастыря, находится Саидъ, столь знаменитый въ отдаленнѣйшей древности, подъ именемъ Сидона, обширною торговлею и несмѣтными сокровищами. Сидонъ былъ родоначальникомъ городовъ Финикійскихъ, теперь онъ истлѣваетъ подъ развалинами. Памятники его исчезли; древняя и великолѣпная его пристань, обведенная высокими молами, засыпана; нынѣшняя пристань мала и почти загружена пескомъ. Однако тамъ производится еще порядочная торговля, потому что она служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ Дамаску и внутренности края. Въ окрестностяхъ находятся гробницы, изсѣченныя въ скалѣ. Шведскій путешественникъ Гассельквистъ полагаетъ, что это гробы царей здѣшней области; теперь они открыты и служатъ пріютомъ пастухамъ.

Въ семи миляхъ отъ Саида лежитъ Сарфейдъ (Сарепта), обширная деревня на холмѣ, откуда простираются великолѣпные виды; она окружена садами маслинъ и плодовыхъ деревъ.

Далѣе—переправа черезъ ручей Казміэ (Letane), текущій изъ долины Бекаа; дорога идетъ вдоль развалинъ, а къ югу отъ залива стоитъ городъ, построенный на

сѣверной оконечности полуострова. Имя его Суръ; онъ заступилъ мѣсто Тира, который былъ въ древности властителемъ морей, и который, занявъ своими поселеніями часть береговъ Средиземнаго Моря и Атлантическаго Океана, пріобрѣлъ торговлею безчисленныя сокровища. Тиръ былъ сперва построенъ на материкѣ; но жители его, уклоняясь отъ нападеній царя Ассирійскаго, перенесли городъ на ближній островъ; Александръ Македонскій, для достиженія ихъ, присоединилъ островъ къ твердой землѣ плотиною, превращенною земляными осадками въ перешеекъ, вдоль котораго примѣтны еще арки водопровода, доставлявшаго ключевую воду. Сурская гавань, изрытая руками человѣческими къ сѣверу отъ древняго острова, до того занесена пескомъ, что дѣти проходятъ по ней, не омочивъ чреселъ. Отверзтіе защищено по сторонамъ двумя башнями, гдѣ нѣкогда прикрѣпляли цѣпь въ 50 или 60 футовъ для совершеннаго огражденія гавани. Рядъ стѣнъ, которыхъ слѣды видны еще по основаніямъ, обхватывалъ все пространство острова, теперь, большею частію, покрытаго обломками. Между берегомъ и надводными скалами, въ разстояніи трехсотъ шаговъ, открывается нѣкотораго рода рейдъ, гдѣ корабли пристаютъ довольно безопасно. Въ послѣднее время, Суръ нѣсколько поднялся, и теперь это городокъ красивый.

Возвращаясь къ материку, путешественникъ увидитъ длинный рядъ развалинъ: за́мокъ, обширные водоемы, приписываемые преданіемъ Саломону; они получаютъ воду изъ ключей и сообщаются съ древнимъ

водопроводомъ. Потомъ по крутой тропинкѣ, пробитой въ известковой скалѣ, взбираешься на гору, которая, протяженіемъ своимъ въ море, образуетъ мысъ Бѣлый. Спустясь на другую сторону, идешь мимо большой громады развалинъ, изъ-подъ которыхъ вытекаетъ къ морю ручей прекраснѣйшей воды.

Мили двѣ далѣе, переходятъ черезъ гору весьма крутую и неровную, и вступаютъ въ Акрскую равнину. Путь къ ней каменистъ, но по свидѣтельству Мондреллям, видъ очаровательной равнины достаточно вознаграждаетъ за трудный переходъ отъ Бѣлаго мыса.

Проѣхавъ около мили равниною, вы достигаете древняго города Зиба, построеннаго на возвышеніи близъ берега, а въ трехъ миляхъ далѣе лежитъ Акра (Acco-Ptolemaïs). Этотъ городъ, извѣстный подъ именемъ Сенъ-Жанъ-д'Акра, былъ въ Средніе Вѣка послѣднимъ городомъ, похищеннымъ мусульманами у христіанскихъ царей Іерусалима. Въ наше время, онъ сопротивлялся упорнымъ нападеніямъ Наполеона Бонапарте. Онъ посредственной величины, расположенъ на сѣверной оконечности залива и построенъ на мысѣ. Хотя пристань на югѣ отъ города и тѣсна, однако производитъ обширную торговлю. По причинѣ ненадежности рейда зимою, корабли пристаютъ къ Каиффѣ (Sycaminus), лежащей насупротивъ, у подошвы горы Кармила. Этотъ знаменитый мысъ, вышиною въ двѣ тысячи футовъ, образуетъ полуденную оконечность Акрскаго залива и возвышается утесомъ. Бока его и вершина, говоритъ Англійскій путешественникъ Мёнро-Виръ (Munro-Vere), который всходилъ

туда въ 1833 году, одѣты дикими цвѣтами и кустарниками. Монастырь, недавно построенный, обширенъ и занимаетъ почти мѣсто того, который существовалъ со времени утраты христіанами Палестины. Онъ посвященъ Пророку Иліи. Видъ отъ него великолѣпный. Трехцвѣтное знамя развѣвалось на часовнѣ монастыря; Франція была тогда покровительницей Святаго Края.

«Кармилъ на всемъ своемъ протяженіи покрытъ пещерами, гдѣ нѣкогда жили пастухи и отшельники. Нѣкоторыя изъ пещеръ преданіе ознаменовало святостью, полагая, что тутъ жилъ Илія и другіе Пророки. Цѣпь Кармильская понижается постепенно къ югу. Путь нашъ продолжался между ею и моремъ; равнина, простирающаяся на полторы мили въ ширину, защищена противъ волнъ оградою утесовъ, откуда извлечено много камней на строенія.»

Этотъ берегъ усѣянъ развалинами древнихъ городовъ. Ама̀ (Dorum) составляетъ полуденный рубежъ Финикіи, по которой проѣзжаешь отъ самаго Триполи.

ГЛАВА LXVIII.

Оттоманское государство: Палестина (Хананская или Святая Земля).

Въ четырехъ миляхъ къ югу отъ горы Кармила, теченіе Корадже (Chorpus) означаетъ сѣверный предѣлъ Палестины. Потомъ вы достигаете береговъ рѣки Нагръ-Зерки, за которою водопроводъ, окопы и разные хорошо сохранявшіеся памятники внушаютъ невыразимое удивленіе. То остатки великолѣпнаго города Цезареи, построеннаго Иродомъ въ честь императора Августа. Тутъ есть улицы и площади. По замѣчанію графа Форбена, если возобновятъ ворота этихъ высокихъ и страшныхъ стѣнъ, можно будетъ снова жить въ городѣ и защищать его. Двѣ мили далѣе, дорога уклоняется отъ берега и переходитъ въ тучныя пажити зеленѣющей долины Саронъ, которая стелется на необозримое пространство. Пастухи Арабскіе не посѣщаютъ ея, по недостатку воды въ средней ея части. Дорога приближается къ морю. Тутъ увидите деревню Арсуфъ, замѣнившую Аполонію, и потомъ вы въ Яффу (Joppé).

У этого городка есть пристань, которая хотя и очень плоха, однако привлекаетъ къ себѣ большую часть христіанскихъ богомольцевъ, по близости своей къ Іерусалиму. Поэтому Яффская пристань описана

множествомъ путешественниковъ; она была главнѣйшимъ изъ Еврейскихъ портовъ въ древности.

Шатобріанъ, плывъ нѣсколько времени вдоль берега, вышелъ на сушу въ Яффѣ. « Вдали, говоритъ онъ, возвышались уступами горы Іудейскія; отъ подошвы этихъ горъ, обширная равнина нисходила до самаго моря. Здѣсь едва примѣтны слѣды обработки, и, вмѣсто жилищъ, стоитъ одинъ готическій замокъ въ развалинахъ, надъ которымъ возвышается опальный и оставленный минаретъ. На берегу моря, земля оканчивалась желтыми крутоярами, подернутыми чернотою и застилающими плоскость песчанаго берега, гдѣ волны разбивались у насъ передъ глазами. . . .

«Яффа жалкій сбродъ домовъ, столпленныхъ въ кружокъ и расположенныхъ уступами на отлогости возвышеннаго берега. Частыя бѣдствія, постигавшія этотъ городъ, умножили въ немъ развалины. Стѣна, въ двухъ мѣстахъ примыкающая къ морю, обхватываетъ городъ съ сухопутной стороны и предохраняетъ его отъ внезапнаго нападенія.»

«Къ востоку и сѣверовостоку отъ Яффы, говоритъ Вольней, тянется почти гладкая равнина, не орошаемая лѣтомъ ни рѣкою, ни ручейкомъ, но зимой омываемая водами нѣсколькихъ шумныхъ потоковъ. Не взирая на такую сушь, почва не совсѣмъ негодна къ обработкѣ, и, послѣ хорошихъ зимнихъ дождей, всѣ произрастенія возникаютъ обильно. Тучный черноземъ, впивая въ себя достаточный запасъ влаги, можетъ доводить лѣтомъ сѣмена и овощи до совершенной зрѣлости. Тутъ сѣютъ преимущественно кунжутъ,

арбузы и бобы; также нѣсколько хлопчатой бумаги, ячменю и пшеницы; но хотя пшеница цѣннѣе всѣхъ другихъ произведеній, ею менѣе всего засѣваютъ поля, отъ того, что она возбуждаетъ алчное корыстолюбіе Турецкихъ начальниковъ и хищничество Арабовъ»

Переѣхавъ черезъ горы къ востоку, путешественникъ вступаетъ въ древнюю Самарію или въ нынѣшнюю страну Наплузскую. Городъ этого имени, лежащій близъ Сихема, занимаетъ восточный бокъ горы Гаризимъ, насупротивъ горы Эбаля (Гевала), въ узкой долинѣ, роскошной плодородіемъ и очаровательной навзглядъ. Наплузъ (Наблусъ), представляющій какъ бы метрополію Іудеевъ секты Самаритянской, цвѣтетъ торговлею и промышленостью. На вершинѣ горы Гаризимъ, цари Самаріи соорудили храмъ въ соперничество съ Іерусалимскимъ. Народное преданіе помѣщаетъ въ Наплузѣ гробовую пещеру многихъ людей, знаменитыхъ между Евреями, и она посѣщается съ благоговѣніемъ. Между окрестными колодцами, особенно славится одинъ, который почитаютъ колодцемъ Іакова, и у котораго Христосъ Спаситель бесѣдовалъ съ Самаритянкою.

На двѣ мили къ сѣверу, ничтожная деревенька Себаста замѣнила Самарію, столицу державы Израильской, разрушенную однимъ изъ Ассирійскихъ государей. Иродъ вновь выстроилъ ее, украсилъ великолѣпными памятниками и, въ честь Августа, назвалъ ее Себастомъ (это Греческій переводъ имени Августъ). Тутъ уцѣлѣло нѣсколько колоннъ стоящихъ и опрокинутыхъ, среди множества обломковъ.

Вскорѣ открывается взорамъ долина Эсдрелонъ, плодоноснѣйшая изъ всѣхъ долинъ земли Ханаанской. На юговосточной ея оконетности возвышается гора Ѳаворъ, прославленная преображенiемъ Iисуса. Эта гора усѣченный конусъ, около пятисотъ саженъ вышиною, откуда представляется одинъ изъ роскошнѣйшихъ видовъ Сирiи. Вершина имѣетъ двѣ мили въ окружности. Нѣкогда на ней была крѣпость, но теперь едва осталось нѣсколько камней. Оттуда виденъ къ югу цѣлый рядъ долинъ и горъ, которыя идутъ до самаго Iерусалима. Семнадцатаго апрѣля 1799 года, войско Французское одержало побѣду близъ Ѳавора.

Въ двухъ миляхъ къ сѣверу увидите городокъ Назаретъ, гдѣ Iисусъ Христосъ провелъ первые годы земной жизни Своей; тамошнiй Латинскiй монастырь — зданiе обширное, и при немъ церковь, одна изъ прекраснѣйшихъ въ Палестинѣ. Въ подземномъ храмѣ нѣсколько пещеръ, обращенныхъ въ часовни, почитаются вѣрующими за части жилища Богоматери. Далѣе показываютъ различныя мѣста, освященныя пребыванiемъ Христа Спасителя. Кана, красивое сельцо въ окрестностяхъ Назарета, достопамятна первымъ Его чудотворенiемъ. Вы здѣсь въ Галилеѣ, цвѣтущей плодоносiемъ полей.

«Направляя путь къ востоку, вы переходите черезъ Iорданъ и вступаете въ Гауранскiя (Харранскiя) равнины, которыя чрезвычайно обширны. Богомольцы мусульманскiе, проходящiе черезъ нихъ, на пути въ Мекку, въ продолженiи пяти или шести дней, свидѣтельствуютъ, что тамъ на каждомъ шагу встрѣчаются

остатки древнихъ жилищъ. Однако въ равнинахъ они не такъ значительны, по недостатку въ прочныхъ строевыхъ матеріялахъ; кряжъ тамъ затвердѣлый, но почти безъ камней и даже безъ кремней. То, что пишутъ о нынѣшнемъ его плодородіи, совершенно согласно съ показаніемъ книгъ Библейскихъ. Повсюду, гдѣ сѣютъ пшеницу, она, при помощи дождей, даетъ обильную жатву, и выростаетъ въ человѣческую вышину. Богомольцы увѣряютъ также, что тамошніе жители одарены особенною силою и станомъ выше прочихъ Сиріянъ; они должны отличаться отъ нихъ и въ другихъ отношеніяхъ, потому что климатъ, чрезмѣрно знойный и сухой, болѣе походитъ на Египетскій, нежели на Сирійскій. Подобно жителямъ степей, они терпятъ недостатокъ въ источникахъ и лѣсахъ, разводятъ огонь трухою и строятъ шалаши изъ битой земли съ соломою. Лица у нихъ чрезвычайно смуглы. Они платятъ дань пашѣ Дамасскому; но большая часть селеній ихъ отдаются подъ покровительство нѣсколькихъ колѣнъ Арабскихъ, и если шейхи— люди умные, страна ихъ наслаждается благоденственнымъ спокойствіемъ, которое еще болѣе царствуетъ въ горахъ, окраяющихъ равнины къ западу и сѣверу; почему и стеклись туда многія семейства Друзовъ и Маронитовъ.»

Это свидѣтельство, заимствованное у Вольнея, подтверждено извѣстіями Буркарта, Зеетцена, капитановъ Эрби и Менгльса, равно какъ и другихъ путешественниковъ, бывшихъ въ Гауранѣ. Два послѣдніе, на обратномъ пути въ Палестину изъ Дамаска, перешли черезъ Джебель-эль-Шейхъ и увидѣли передъ собою

маленькое озеро Фіалу, почитаемое древними настоящимъ источникомъ Іордана; если это такъ, оно должно сообщаться съ рѣкою подземнымъ путемъ, ибо не имѣетъ видимаго истока. Далѣе они вступили въ Паніасъ (Caesarea-Philippi), игравшій знаменитую роль въ войнахъ владѣльцевъ Алепа и Дамаска съ Крестоносцами, которые называли этотъ городъ Панеасомъ. Онъ замкнутъ съ одной стороны рукавомъ Іордана, текущимъ отъ сѣверозапада, съ другой небольшимъ ручьемъ, а сзади горами. Въ окрестностяхъ много развалинъ, которыя были обозрѣваемы Зеэтценомъ и Буркартомъ. Рѣчка Паніасъ вытекаетъ изъ пещеры, вырытой въ крутой скалѣ, у которой по бокамъ нѣсколько нишей, украшенныхъ ваяніемъ и Греческими надписями. Полторы мили ниже, эта рѣчка вливаетъ воды свои въ западный рукавъ Іордана, идущій идетъ отъ одного изъ протяженій Анти-Ливанскаго хребта, которое извѣстно подъ названіемъ Джебель-эль-Шейха. Съ возвышенности его бѣгутъ и эти воды, и струи многихъ ручейковъ, орошающихъ равнину Дамасскую; само по себѣ оно составляетъ небольшую область Гасбею Іорданъ, называемый туземцами Эль-Арденъ или Шаріа, по соединеніи двухъ своихъ рукавовъ, ниже Паніаса, протекаетъ озеромъ Туле и достигаетъ Тиверіадскаго. А это, какъ бы втѣсненное въ жерло огнедышущей горы, извѣстно въ Евангеліи также подъ названіемъ озера Галилейскаго и Генисаретскаго (Л. XLVI—1).

Городокъ Тиверіадъ или Табаріе, лежащій на западномъ его берегу, отличается красивымъ мѣстоположеніемъ. Капитаны Эрби и Менглсъ говорятъ, что озеро

чрезвычайно изобилуетъ рыбою превосходною, но мало разнообразною. Извѣстно, что нѣкоторые изъ Апостоловъ были на берегахъ его рыбаками, до послѣдованія своего за Іисусомъ Хрістомъ. Оба Англійскіе путешественника поражены были удивленіемъ, не видя на этомъ красивомъ озерѣ ни одной лодки: рыбу ловятъ сѣтью, закидываемою съ берега.

Близъ Табаріэ находятся цѣлительные источники Эммаусъ, еще и теперь посѣщаемые больными. Отъ Капернаума, Виѳсаиды, Хоразина (Корозаима) и другихъ приозерныхъ городовъ остались однѣ развалины.

Вышеупомянутые путешественники, равно какъ Зеэтценъ и Буркартъ, обозрѣвали страну, лежащую къ востоку. Съ трудомъ подговорили они Арабовъ въ проводники себѣ. Они видѣли тамъ Босру (Bostra), которой древности напоминаютъ ея важность и великолѣпіе, когда, при императорахъ Траянѣ и Александрѣ Северѣ, украсившихъ и укрѣпившихъ этотъ городъ, Босра была метрополіею одной изъ областей Римской имперіи.

Джерашь (Gerasa), болѣе къ югу, долженствовала быть городомъ великолѣпнымъ. Построенная по двумъ сторонамъ долины, гдѣ протекаетъ рѣка, она, повидимому, состояла изъ двухъ улицъ, пересѣкающихся въ серединѣ накрестъ и украшенныхъ двумя рядами колоннъ. Нигдѣ не найдете столько великолѣпныхъ зданій на такомъ тѣсномъ пространствѣ.

Раввaѳъ Аммонъ (Philadelphia)—другой древній городъ, оставленный уже нѣсколько вѣковъ. Развалины огромныхъ чертоговъ, великолѣпный амфитеатръ и храмы, возвѣщаютъ о первобытномъ его блескѣ.

Горы, ограничивающія этотъ край съ востока, назывались Галаадскими. Восточнѣйшія изъ нихъ представляютъ громаду дикихъ, угловатыхъ скалъ, угрюмаго вида; по выраженію Вольнея: «онѣ возвѣщаютъ изъ-дали входъ въ пустыню и конецъ обитаемой земли.»

Эти горы примыкаютъ на сѣверъ къ Гермону, полуденной вѣтви Анти-Ливана; въ сѣверной части своей хребетъ Базанъ славится своими пастбищами и дубовыми лѣсами. Гора Абаримъ оканчивается къ югу горою Небо (Нававъ), гдѣ умеръ Моисей, и гдѣ, съ вершины Фазга, онъ могъ созерцать землю обѣтованную, куда ему воспрещенъ былъ входъ.

Равнина, между горами и Іорданомъ, вообще суха и бугриста, но перерѣзана плодоносными долинами. Эрби и Менгльсъ достигли деревни Сзальтъ черезъ виноградники, окруженные стѣнами. Въ окрестностяхъ ростутъ также оливковыя деревья. Двѣ трети жителей состоятъ изъ христіанъ. Тамъ и сямъ мелькаютъ падшіе памятники и выказываются гробницы, пробитыя въ скалѣ. Путешественники полагаютъ, что Сзальтъ тотъ Махеронъ, гдѣ усѣчена была глава Іоанна Крестителя.

Потомъ Эрби и Менгльсъ перешли въ бродъ черезъ Іорданъ. Рѣка была тогда очень быстра и полноводна; лошади пустились черезъ нее вплавь. Плодоносная равнина, въ которую вступили потомъ путешественники, простиралась къ сѣверу до Наплуза. Мондрель проѣзжалъ ее. Когда онъ простился съ нею у Канъ-Лебана, лежащаго къ востоку отъ небольшой прелестной долины, дорога пошла по камнямъ и горнымъ дебрямъ, гдѣ взорамъ его представлялись многія

разоренныя селенія. Очевидно, что земледѣліе тутъ нѣкогда процвѣтало.

Биръ пріятно расположенъ на холмѣ, выдающемся къ югу. Прошедъ два часа и двадцать минутъ въ этомъ направленіи, путешественникъ увидитъ съ вершины холма Іерусалимъ.

Мы сказали выше и здѣсь повторяемъ, что богомольцы идутъ наиболѣе Яфскою дорогою. «Тутъ, говоритъ Шатобріанъ, проѣзжаешь садами, нѣкогда прелестными, потомъ подаешься въ равнину Саронъ, восхваляемую за красоту въ Священномъ Писаніи. Поверхность ея неровна и образуетъ четыре площадки, отдѣленныя одна отъ другой грядою нагихъ и голыхъ камней. Кряжъ земли мелкій, бѣловатый, красный, и хотя песчаный, однако, повидимому, чрезвычайно плодородный. Но, благодаря губительному деспотизму мусульманскому, тутъ ростетъ только чертополохъ и блеклая трава, перемѣшанныя съ ничтожными разсадками хлопчатой бумаги, ячменю и пшеницы. Мѣстами мелькаютъ нѣсколько купъ маслинъ и смоковницъ.»

На половинѣ дороги отъ Яффы къ Рамѣ или Рамле, находится колодезь, упоминаемый всѣми путешественниками. Вскорѣ показывается Рамле, лежащая въ очаровательномъ мѣстоположеніи, на оконечности одной изъ высотъ или горбовъ равнины. Оттуда, черезъ опунцовый лѣсъ, пройдете къ минарету оставленной мечети, служившему нѣкогда колокольнею монастырю, отъ котораго уцѣлѣли довольно изящныя развалины, состоящія въ нѣкотораго рода крыльцахъ.

Домы въ Рамле гипсовыя мазанки съ небольшими куполами. Они какъ будто расположены въ лѣсу маслинъ, смоковницъ, гранатовыхъ деревъ, и окружены высокими опунціями. Изъ среды этихъ безпорядочныхъ купъ деревьевъ и домовъ высятся прекраснѣйшія пальмы Идумейскія. Монастырь, служащій пріютомъ путешественникамъ, таковъ же, какъ и всѣ другія обители Святой Земли. Онъ похожъ на крѣпость тяжелую и низменную.

Рамле — древняя Аримаѳея. Въ ней прядутъ хлопчатую бумагу и заготовляютъ мыло. Лодъ (Lydda и Diospolis), на полмили къ сѣверу, такъ же разоренъ, какъ и Рамле; но въ немъ бываетъ ярмонка два раза въ недѣлю.

За Рамлею дорога идетъ къ востоку и доходитъ до перваго горба Іудейскихъ горъ; далѣе вы погружаетесь въ лабиринтъ ихъ своенравныхъ излучинъ; онѣ коническаго вида, почти всѣ схожи между собою и подошвами примыкаютъ одна къ другой. На каждомъ отвалѣ утеса ростутъ купы низкихъ дубовъ и лѣсочки розовыхъ лавровъ. Въ глуби овраговъ возвышаются маслины, а иногда онѣ образуютъ цѣлыя лѣса на горныхъ скатахъ.

Подходя къ одному изъ селеній долины Святаго Іеремія, Шатобріанъ былъ пораженъ словами: «впередъ, маршъ!», явственно произнесенными по-Французски. «Оборотивъ голову, присовокупляетъ краснорѣчивый писатель, я увидѣлъ толпу маленькихъ Арабовъ, нагихъ, играющихъ въ солдаты пальмовыми палками. Не знаю, какое старое воспоминаніе весеннихъ лѣтъ тревожитъ меня, а сердце мое бьется

сильнѣе обыкновеннаго, когда заговорятъ о Французскомъ солдатѣ. Но видѣть Бедуинскихъ мальчиковъ, подражающихъ въ горахъ Іудеи военному ученью Французовъ и сохраняющихъ память о мужествѣ ихъ; слышать, какъ произносятъ они: en avant, marche! эти волшебныя слова, составляющія, такъ-сказать, пароль нашихъ армій, и единственныя, какія привыкъ слышать нашъ гренадеръ... тутъ умилился бы и не такой страстный любовникъ славы своего отечества... Я роздалъ нѣсколько мединовъ маленькой дружинѣ Бедуиновъ и сказалъ: впередъ, маршъ! а чтобы ничего не забыть при этомъ случаѣ, я прокричалъ имъ: такъ Богъ велитъ! Dieu le veut! какъ восклицали спутники Годфрида и Людовика Святаго.»

Изъ долины Іереміи переходишь въ долину Теревинѳскую, которая глубже и у́же первой. Тутъ есть виноградники и нѣсколько тростнику. Вы переходите потокъ по каменистому мосту, единственному на всемъ пространствѣ здѣшнихъ степей; влѣвѣ, подъ деревнею Калони, мелькаютъ Римскія развалины. За потокомъ селеніе Керіэтъ-Лефта, на берегу другаго изсякшаго ручья, похожаго на пыльную дорогу. Эль-Бире виденъ вдали на дорогѣ Наплузской. Вы все болѣе углубляетесь въ степь, гдѣ дикія смоковницы, разсѣянныя тамъ и сямъ, уныло шевелятъ при южномъ вѣтрѣ свои почернѣвшіе листья; земля, которая доселѣ сохраняла нѣсколько зелени, обнажается здѣсь вполнѣ; бока горъ становятся шире, пріемля видъ болѣе величавый и пустынный; вся растительность прекращается, даже и мхи исчезаютъ. Горы одѣваются

краснымъ, огненнымъ цвѣтомъ. Съ часъ взбираетесь вы по этимъ печальнымъ крутизнамъ, чтобы достигнуть до противулежащей тѣснины, а тамъ идете еще цѣлый часъ по нагой плоскости, усѣянной голышами. И вдругъ на самомъ краю ея видите рядъ готическихъ стѣнъ, укрѣпленныхъ четырехъ-угольными башнями, за которыми возвышаются верхушки зданій: предъ вами Іерусалимъ (Л. XLVI — 2).

Этотъ городъ, названный Арабами Эль-Кодсъ (Святымъ), являетъ, подобно многимъ другимъ, великій примѣръ превратности дѣлъ человѣческихъ. Но среди развалинъ и обломковъ, загромождающихъ стогны Іерусалима, онъ все еще предметъ благоговѣнія для христіанъ, магометанъ и Іудеевъ. «Всѣ они, говоритъ Вольней; всѣ, какой бы секты ни были, вмѣняютъ себѣ въ честь и въ славу видѣть этотъ городъ Благородный и Святой.»

Вотъ отъ чего нельзя исчислить именъ всѣхъ путешественниковъ, описавшихъ дивный Іерусалимъ. Европейскіе христіане обыкновенно останавливаются въ обители отцовъ Святой-Земли, не въ дальнемъ разстояніи отъ церкви Святаго Гроба, не производящей ни какого особеннаго впечатлѣнія простою внѣшностью своею (Л. XLVI — 3). Внутренность, видѣнная въ 1806-мъ году Шатобріаномъ, въ томъ состояніи, въ какомъ существовала она многіе вѣки, опустошена была пожаромъ 12-го октября 1807 года; но пламя не достигло Святаго Гроба, находящагося подъ куполомъ церкви въ часовнѣ, «священнѣйшей въ мірѣ и въ глазахъ философа, и въ глазахъ христіанина.»

За исключенiемъ немногихъ, всѣ путешественники, какого бы ни были исповѣданiя, подтверждаютъ эту прекрасную мысль Шатобрiана. Извѣстiя ихъ дышатъ глубочайшимъ благоговѣнiемъ, искреннею набожностiю и глубокимъ христiанскимъ чувствомъ. Да, безконечно мало число тѣхъ, которые оставались равнодушными при видѣ Гроба Господня!

Въ обозрѣнiи храма Iерусалимскаго мы послѣдуемъ за однимъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Г-мъ Норовымъ, который былъ тамъ въ 1835 году.

«Мѣсто, гдѣ основанъ храмъ Гроба Господня, называлось нѣкогда юдолью мертвыхъ. Евреи называли это мѣсто Голгоѳою. Кресты распятыхъ видны были здѣсь въ грудѣ праха и пепла сожигаемыхъ тѣлъ. Торжественный крестъ Спасителя, вознесшiй человѣчество до небесъ, таился подъ этими грудами около трехъ сотъ лѣтъ. Язычники, злобствуя на многочисленныхъ послѣдователей ученiя Христова, приходившихъ сюда покланяться въ тайнѣ, воздвигли, при Адрiанѣ, на Голгоѳѣ храмъ Венерѣ, а на мѣстѣ Воскресенiя храмъ Юпитеру, чтобы христiане, покланяясь своимъ святынямъ, казались поклонниками идоловъ. Но въ 326 году по Рождествѣ Хрiстовѣ, царица Елена сама прибыла въ Палестину. Прежде всего она разрушила капища идоловъ. Мѣстность святынь Iерусалимскихъ и вообще всей Палестины была тогда еще въ памяти у всѣхъ, и благочестивая царица сама собрала изустныя преданiя и увѣковѣчила ихъ сооруженiемъ храмовъ и письменами. Тогда былъ созданъ на этомъ священномъ мѣстѣ видимый нами великолѣпный храмъ, дополненный и украшен-

ный впослѣдствіи, бывшій столько разъ добычею пламени и сохранившій намъ, чудеснымъ Промысломъ Божіимъ, два неоцѣнимыя сокровища, — скалу Голгоѳу и погребальный вертепъ Спасителя!

«Пройдя нѣсколько шаговъ отъ входа, мимо ложи мусульманскаго привратника, съ одной стороны, и закрытыхъ комнатъ ризничаго—съ другой, вы находитесь уже у подошвы скалы Голгоѳы, а передъ вами простертъ на помостѣ камень, на которомъ происходило мѵропомазаніе Іисуса по снятіи его со креста. На право отъ васъ, двѣ мраморныя лѣстницы ведутъ съ двухъ сторонъ на высоту: это всходъ на Голгоѳу.... Передъ вами, за камнемъ мѵропомазанія, стѣна съ большими иконами, изъ которыхъ главная изображаетъ снятіе со креста. Налѣво, сквозь два отдѣленія, видны вдали пилястры, которыя образуютъ обширную ротонду; среди этой ротонды находится невидный еще отсюда Гробъ Господень.

«Сумрачная церковь Голгоѳы состоитъ изъ низкой двойной арки, подошедшей подъ потолокъ, по причинѣ возвышенія скалы, вмѣщенной во храмъ. Скромный Греческій престолъ, безъ иконостаса, поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ водруженъ крестъ Спасителя. Престолъ этотъ открытъ по бокамъ, и подъ нимъ видно круглое отверзтіе, гдѣ стоялъ крестъ. Направо, возлѣ престола, видна трещина скалы, распавшейся при кончинѣ Іисуса. Отверзтіе, гдѣ стоялъ крестъ, и трещина, обложены позолоченнымъ окладомъ. Поверхность скалы одѣта плитами желтаго мрамора. Все богатство этой удиненной церкви состоитъ въ нѣсколькихъ дорогихъ лампадахъ,—даръ хри-

стіанскихъ царей; онѣ висятъ надъ престоломъ, передъ которымъ стоитъ большое распятіе. Направо отъ Греческаго престола, подъ другою меньшею аркою, устроенъ придѣлъ католическій. Передъ нимъ означено на мраморѣ мѣсто, гдѣ возлагали Іисуса на крестъ. Подлѣ католическаго придѣла виденъ направо придѣлъ во имя св. Елены, пристроенный снаружи. Подъ крыльцами, ведущими на Голгоѳу, есть еще нижняя церковь, у подошвы священной скалы, посвященная св. Іоанну Предтечѣ. Тамъ можно видѣть сквозь желѣзную рѣшетку, передъ престоломъ Предтечи, природную скалу Голгоѳы и камни, распавшіеся при смерти Искупителя. Составъ этой священной скалы известково-мѣловатый.

« Обошедъ крыльца святой Голгоѳы, поворачиваютъ въ галерею, которая идетъ кругомъ всей соборной церкви Грековъ, занимающей средину храма до половины. Другая половина принадлежитъ ротондѣ гроба Господня. Эта галлерея заключаетъ разные придѣлы, посвященные воспоминаніямъ страстей Господнихъ. Въ первомъ придѣлѣ Греческій престолъ основанъ на обломкѣ колонны, взятой изъ преторіи Пилата; повѣствуютъ, что къ этой колоннѣ Іисусъ былъ привязанъ, когда терпѣлъ поруганія отъ неистовой толпы. За этимъ придѣломъ слѣдуетъ живописный спускъ по сорока девяти ступенямъ въ лощину, которая была подлѣ скалы Голгоѳы и куда повергались тѣла и кресты распинаемыхъ; тамъ былъ найденъ крестъ Господень, обнаруженный чуднымъ исцѣленіемъ одной жены. Тутъ устроена церковь о двухъ придѣлахъ.

«Возвратясь изъ подземной церкви въ большой храмъ, и продолжая путь по прямой галереѣ вдоль Греческаго собора, мы приближаемся къ ротондѣ Святаго Гроба, которая видна налѣво, а направо расположена въ особенномъ отдѣленіи церковь католическая; она нѣсколько выходитъ изъ главнаго корпуса зданія. Послѣдуемъ прежде туда. Церковь католиковъ занимаетъ мѣсто вертограда, гдѣ, по Воскресеніи, Іисусъ Христосъ явился божественной Своей Матери. Тутъ же и встрѣча Спасителя съ Маріею Магдалиною.

«Направляясь отъ камня мѵропомазанія налѣво къ Святому Гробу, мы проходимъ мимо того мѣста, гдѣ Матерь Божія стояла во время мѵропомазанія Спасителя; оно обозначено мраморнымъ кругомъ. Это принадлежность Армянъ, и отсюда идетъ лѣстница въ главную ихъ церковь. Еще нѣсколько шаговъ далѣе, и мы находимся въ величественной ротондѣ, составленной изъ осмнадцати пилястръ съ коринѳскими капителями; онѣ соединены арками въ три этажа и поддерживаютъ огромный куполъ. Свѣтъ дневной, проникая сверху, падаетъ длинными лучами на воздвигнутый посереди помоста легкій мраморный храмъ; этотъ храмъ облекаетъ гробъ сына Божія, Искупителя міра! Не надобно изъяснять то, что неизъяснимо, это чувство при приближеніи къ Гробу Господню и къ Голгоѳѣ. Наружность Гроба Господня представляется въ видѣ часовни изъ желтоватаго мрамора; она увѣнчана красивымъ куполомъ на аркахъ. По бокамъ этой часовни пилястры, а фронтонъ украшенъ четырмя Византійскими витыми колоннами. Надъ дверью — картина, изъ мраморнаго мозаика, изображающая Вос-

кресеніе Хрістово; сверхъ-того, дверь осѣнена полотнянымъ навѣсомъ, изображающимъ тотъ же предметъ. При входѣ, низкое крыльцо изъ бѣлаго мрамора, съ перилами; по обѣимъ сторонамъ большіе серебряные подсвѣчники со свѣчами. Войдя въ часовню, мы находимся въ преддверіи Гроба Господня. Гробъ Господень есть каменный вертепъ, котораго отверзтіе было завалено камнемъ... Оставшійся обломокъ отъ этого камня вдѣланъ въ большую мраморную вазу; она служитъ престоломъ при совершеніи литургіи и освящена пятнадцатью драгоцѣнными лампадами. Обломокъ камня — такого жъ известковаго кряжа, какъ и скала Голгоѳы. По обычаю Іудеевъ, тѣла усопшихъ обвивались полотномъ и полагались въ вертепѣ на высѣченномъ въ стѣнѣ пологѣ. Таковъ и гробъ Спасителя. Входя въ пещеру должно нагнуться всею головою; длина пещеры есть то пространство, которое можетъ занять простертое тѣло усопшаго. Промежутокъ между пологомъ и стѣною вертепа въ полтора шага. По измѣренію Г. Воробьева, площадь вертепа составляетъ квадратную сажень. Каменный пологъ, на которомъ было возложено пресвятое тѣло Іисуса, облеченъ бѣлымъ мраморомъ. Верхняя доска переломлена надвое. Тридцать шесть золотыхъ и серебряныхъ лампадъ, спущенныхъ со свода, горятъ день и ночь во гробѣ Іисуса и испаряются сквозь небольшія отверзтія купола. Стѣна, прилежащая къ гробу Господню, украшена мозаичною картиною Воскресенія; небольшой, но выразительный образъ Пресвятой Богородицы, виситъ на стѣнѣ, противъ входа, свѣжіе цвѣты наполняютъ воздухъ благоуханіемъ. Драгоцѣннѣйшія эссенціи ароматическихъ водъ, а еще

чаще слезы грѣшнаго человѣчества, безпрестанно орошаютъ трехдневное смертное ложе Искупителя.

«Не должно воображать, будто бы гробовой вертепъ Спасителя находился въ этомъ мѣстѣ такъ одинокъ, какъ онъ теперь; онъ входилъ въ общій составъ каменистаго хребта этого мѣста и примыкалъ къ другимъ гробовымъ пещерамъ; гробы Никодима и Іосифа Аримаѳейскаго находились возлѣ; они теперь вошли въ стѣну храма. Уравненіе мѣста было необходимо при построеніи храма, и погребальная пещера Спасителя была отсѣчена отъ прилежащихъ скалъ; но прискорбно слышать, что Греки, послѣ послѣдняго пожара, расширили нѣсколько природную пещеру Святаго Гроба.

«Бѣдная часовня Коптовъ пристроена къ часовнѣ Святаго Гроба, въ самой стѣнѣ вертепа. Замѣчательно, что она была пощажена пожаромъ, поглотившимъ весь храмъ въ 1810 году. Противъ нея, въ капитальной стѣнѣ храма, виденъ входъ въ часовню Сиріанъ, а оттуда въ тотъ вертепъ, гдѣ находятся высѣченные въ скалѣ гробы Іосифа Аримаѳея и Никодима, погребавшихъ Спасителя.

«Чтобъ довершить описаніе храма, остается сказать о соборной церкви Грековъ, занимающей, на одной линіи съ ротондою Гроба Господня, середину зданія. Идя отъ дверей часовни гроба Христова, вы видите величественную перспективу этого собора. Онъ отдѣленъ отъ ротонды двумя легкими деревянными перегородками, которыя украшены образами въ видѣ иконостаса; они соединены аркою, называемою царскою; сквозь нея входятъ въ соборъ со стороны Гроба Гос-

подня. Внутренность собора напоминаетъ древнія Русскія церкви: онъ осѣненъ куполомъ, который, вмѣстѣ съ большимъ куполомъ ротонды, возвышается надъ зданіями Іерусалима. Куполъ собора лежитъ на аркахъ, поддержанныхъ съ четырехъ угловъ четырьмя пилястрами, соединенными въ одну связь. Образа, украшающіе иконостасъ и стѣны, почти всѣ присланы изъ Россіи; они не отличаются живописью, но, вмѣстѣ съ разными позолоченными украшеніями, представляютъ видъ довольно величественный. Двуглавый орелъ Россіи видѣнъ надъ царскими дверями; по обоимъ бокамъ паперти сдѣланы деревянныя мѣста, гдѣ становится монашество, а при началѣ мѣстныхъ рядовъ — кресла патріаршія. По самой серединѣ помоста стоитъ мраморная урна съ крестомъ: она означаетъ средоточіе земли (на основаніи Псалма 73, ст. 12). Алтарь возвышенъ нѣсколькими ступенями отъ паперти и кончается полукругомъ. Огромный престолъ, устроенный для соборныхъ служеній, осѣненъ большимъ навѣсомъ на позолоченныхъ колоннахъ. Въ алтарѣ хранится часть животворящаго Креста. Хоры устроены надъ иконостасомъ. Сквозь аркады алтаря видна позади галерея храма. Ризница находится направо отъ алтаря, стоя лицемъ къ царскимъ дверямъ; налѣво входъ на святую Голгоѳу, а еще выше — въ кельи Греческихъ монаховъ, живущихъ въ храмѣ.

«Три главныя націи обладаютъ храмомъ Святаго Гроба: Греки, Латинцы и Армяне. Копты, Сиріане и Абиссинцы малочислены, и пользуются малыми правами. Неоспоримо, что права Грековъ должны быть вы-

ше правъ другихъ народовъ: имъ принадлежитъ созданіе храма въ древности, и Греки одни воздвигли его изъ пепла послѣ пожара въ 1810 году.

«Греческій монастырь находится въ непосредственной зависимости отъ Патріарха Іерусалимскаго, пребывающаго всегда въ Константинополѣ. Ежегодно, нѣсколько времени послѣ Пасхи, отправляется туда изъ Яффы, отъ Грековъ, корабль съ дарами, деньгами и отчетами въ издержанныхъ и прибывшихъ суммахъ. Весь доходъ монастыря состоитъ изъ вольныхъ пожертвованій богомольцевъ и изъ даровъ, присылаемыхъ Греко-Россійскимъ православіемъ.»

Греки, по случаю отстройки храма, вошли въ большіе долги, и потому монастырь ихъ въ богатствѣ далеко уступаетъ Армянскому; но бѣднѣйшій изъ трехъ главныхъ монастырей Латинскій.

При вторичномъ своемъ посѣщеніи Храма, Шатобріанъ всходилъ на галерею, гдѣ встрѣтилъ Коптскаго монаха и Абиссинскаго епископа. «Они здѣсь чрезвычайно бѣдны, говоритъ онъ, и простота ихъ живо напоминаетъ первыя времена Евангелія. Эти полудикіе священники, съ лицемъ, опаленнымъ зноемъ тропическимъ, одѣтые въ полотняную синюю ризу — единственное отличіе сана ихъ, и неимѣющіе въ мірѣ инаго пріюта, кромѣ Гроба Христа Спасителя, наполнили душу мою неизъяснимымъ умиленіемъ. Да и какое воображеніе не воспламенится у Святаго Гроба, видя, съ какимъ благоговѣніемъ поклоняются ему люди различныхъ странъ и исповѣданій! Кто можетъ равнодушно внимать молитвамъ, произносимымъ на различныхъ языкахъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Апо-

столы воспріяли отъ наитія Духа Святаго даръ всемірнаго слова!»

Богомольцы ежегодно приходятъ въ Іерусалимъ, особенно къ Святой Недѣлѣ. Болѣе всѣхъ бываетъ христіанъ восточныхъ церквей. Они путешествуютъ большими караванами, вмѣняя ни во что труды, сопряженные съ путемъ въ нѣсколько сотъ миль, пренебрегая непогодою, питаясь подъ-конецъ тѣмъ, что попадется. Не одни возмужалые подвергаются такимъ лишеніямъ и неудобствамъ, но и слабые старцы, не желающіе сойдти въ могилу, не видавъ Іерусалима, женщины, дѣвушки, младенцы, едва вышедшія изъ колыбели.

Въ наше время, молодая крестьянка изъ Унтервальденскаго кантона въ Швейцаріи, ходила на поклоненіе въ Іерусалимъ. Отправясь въ 1828 году, она воротилась на родину въ 1831. «Восторженная благоговѣйнымъ чувствомъ, говоритъ Г. Гошеро, который описалъ это необыкновенное странствіе, она совершила предпріятіе свое съ такимъ успѣхомъ, который можно объяснить себѣ только особенностію обстоятельствъ и чрезвычайно сильнымъ энтузіазмомъ ума и сердца, одолѣвающимъ всѣ препятствія.»

Когда монахъ, раказывавшій о пребываніи странницы въ Іерусалимѣ, въ первый разъ проводилъ ее въ часовню Храма Святаго Гроба, домъ Господень наполнился уже толпою. Настоятель поручилъ кому слѣдовало уклонить юную богомольщицу отъ зрѣлища, горестнаго для отцовъ Святой Земли, но еще прискорбнѣйшаго для чужеземцевъ: отъ давки, криковъ, и всякаго рода неприличій, которыми, по како-

му-то плачевному злоупотребленію, странники всѣхъ исповѣданій оскверняютъ Святой Храмъ Іерусалимскій. Подобныя буйства поражаютъ тамъ всѣхъ путешественниковъ, и они раказываютъ о томъ съ горестнымъ негодованіемъ.

Властители Іерусалима, Турки, не допускаютъ христіанъ въ Святыя Мѣста безъ пошлины, и не только возбраняютъ входъ въ мечети, но даже—будь это возможно — и самый взглядъ на нихъ. Запрещено, подъ смертною казнію, заноситъ ногу въ преддверіе мечети Омара, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Саломоновъ храмъ. «Великолѣпная площадь, говоритъ Ламартинъ, безъ сомнѣнія, приготовленная природою, но очевидно доконченная людьми, была высокимъ подножіемъ храма Саломонова; на ней и теперь есть храмъ, мечеть Омара, или эль-Сахараллахъ — дивное зданіе Арабской архитектуры.» (Л. XLVI—4).

Испанецъ Бадіа, который, подъ именемъ Али Бея обозрѣлъ часть Африки и Азіи мусульманской, и еще нѣкоторые переодѣтые Европейцы пробирались въ мечеть Омара. Новѣйшее и достовѣрнѣйшее описаніе ея внутренности принадлежитъ Русскому путешественнику Г-ну Норову, который, пользуясь особеннымъ покровительствомъ самого Мегмета-Али, посѣтилъ мечеть также переодѣтый.

«На улицахъ было еще пусто, расказываетъ Г. Норовъ. Пройдя мимо Овчаго водохранилища, мы вступили подъ сводъ грозныхъ для христіанъ воротъ. Привратникъ глядѣлъ на насъ съ удивленіемъ, но, видя съ нами каваса паши, онъ вошелъ съ нимъ въ переговоръ; по его мимикѣ мы видѣли, что онъ пред-

ставлялъ затрудненія; но все это кончилось тѣмъ, что мы, оставя въ воротахъ туфли, вступили на мраморный помостъ обширнаго двора. Этотъ помостъ имѣетъ, какъ полагаютъ, тысячу футовъ въ длину и пятьсотъ въ ширину, и весь устланъ плитами бѣлаго мрамора. Вообще ограда мечети Омаровой или храма Саломонова, который, можетъ-быть, простирался нѣсколько далѣе на западъ, составляетъ конечно шестую часть всего Іерусалима. Середина этой мраморной площади занята четверостороннею платформою, возвышенною ступеней на двадцать, также изъ бѣлаго мрамора. Туда ведутъ съ каждой стороны крыльца, въ неравномъ разстояніи между собою и украшенныя изящными портиками. Посереди этой платформы, отдѣляется еще другая, о семи или осми ступеняхъ, и на ней уже возвышается осмиугольный храмъ, исполненный зодческой гармоніи. Куполъ, самой чистой сферической пропорціи, основанъ на осмиугольномъ фонарѣ и слитъ съ нимъ въ прямую линію; онъ увѣнчанъ золотымъ полумѣсяцемъ. Стѣны одѣты разноцвѣтною узорчатою кафелью, которая отливается синимъ цвѣтомъ; во многихъ мѣстахъ цвѣточные узоры искусно слиты съ позолоченными изрѣченіями корана. Эти кудрявыя надписи расточены кругомъ купола, карнизовъ и корпуса храма. Тутъ все похоже на радужное воображеніе дѣтей Востока. Красота этого, столь искусно оттѣненнаго храма, еще болѣе выказывается на помостѣ изъ бѣлаго мрамора. Нѣсколько водоемовъ, подъ красивыми куполами, на легкихъ колоннахъ, пріятно льстятъ слуху своимъ журчаньемъ подъ жаркимъ небомъ. Разбросанныя групы кипари-

*

совъ, лавровъ и померанцевъ вырываются кой-гдѣ изъ скважинъ мраморныхъ плитъ...

«Противъ восточныхъ дверей храма, построенъ мраморный водоемъ, особенной красоты: зодчій подражалъ вкусу мечети эль-Сахара. Онъ имѣетъ также форму осмиугольника; своды его, покрытые подобнымъ куполомъ, какъ на мечети, поддержаны кругомъ двойнымъ рядомъ легкихъ Коринѳскихъ колоннъ. Это мѣсто называется трономъ или судилищемъ Давида.

«Мы вошли въ эль-Сахару чрезъ сѣверныя двери, которыя называются Баб-эль-Джинна, то есть, двери рая. Южныя двери называются Баб-эль-Кибля—двери молитвы; восточныя-Баб-эль-Даудъ или Давидовы; западныя Баб-эль-Харбъ двери войны. Всѣ эти двери, расположенныя по четыремъ вѣтрамъ, были растворены; но томный свѣтъ, падающій сквозь разноцвѣтныя стекла изъ семи оконъ купола, разливалъ необыкновенную таинственность на предметы. Два круга колоннъ изъ разнаго мрамора, съ позолоченными капителями, поддерживаютъ арки потолка: онѣ конечно принадлежатъ зданіямъ древняго Іерусалима. Первый рядъ, заключающій въ себѣ шестнадцать колоннъ и восемь пилястръ, идетъ вкругъ стѣнъ, а второй рядъ, имѣющій двѣнадцать колоннъ и четыре тумбы, находится подъ самымъ основаніемъ купола. Этотъ второй рядъ основанъ на большомъ подъемѣ и идетъ кругомъ необдѣланнаго, огромнаго камня или скалы, обнесенной позолоченною рѣшеткою. Длина этой скалы — во весь діаметръ купола; ширина — менѣе, высота превосходитъ человѣческій ростъ. Окружность

центральнаго ряда колоннъ имѣетъ, по моему счету, 83 шага. Камень составляетъ святилище храма; весь Востокъ имѣетъ къ нему глубокое благоговѣніе и по немъ называется мечеть: эль-Гаджара Сахар-аллахъ, то есть, мечетью священнаго или божественнаго камня. Эта грубая масса, посреди совершенства Арабскаго зодчества, поражаетъ съ перваго взгляда... Есть преданіе, что этотъ камень перенесенъ сюда изъ Веѳиля, при построеніи втораго храма, — того, который существовалъ при Спасителѣ; что на этомъ камнѣ опочилъ Іаковъ, когда онъ видѣлъ во снѣ лѣстницу небесную, и что на немъ утверждена была Скинія Завѣта.

«Съ какимъ сожалѣніемъ слушалъ я расказы жреца Магометова объ этомъ таинственномъ камнѣ, который поглощалъ все мое вниманіе. По словамъ Имама, камень этотъ упалъ съ неба. Когда Магометъ, сопутствуемый Ангеломъ Гавріиломъ, совершилъ въ одну ночь, на кобылицѣ эль-Боракъ, путешествіе изъ Мекки въ Іерусалимъ, то онъ сошелъ на этотъ камень, и съ него прыгнулъ на небо! И тутъ показали намъ мнимый слѣдъ Лже-Пророка. Подъ камнемъ есть спускъ въ пещеру; передъ входомъ туда, стоятъ прислоненныя къ камню и къ рѣшеткѣ разныя хоругви. Тутъ щитъ Магометовъ, знамя и огромный мечь Али; но тутъ же и копье Давидово; это ржавое оружіе воспламенило мое воображеніе, не смотря на всѣ сомнѣнія въ вѣроятности этого памятника. Тутъ же на камнѣ лежитъ подлинникъ Корана, сѣдло кобылицы эль-Боракъ, и вѣсы для свѣшиванія душъ. Хоругви находятся налѣво отъ входа въ пещеру, стоя къ ней ли-

цемъ, а мнимый слѣдъ ступени Магометовой направо; эта часть камня прикрыта зеленою и красною шелковою тканью, цвѣта Лже-Пророка. При сходѣ въ пещеру, камень поддержанъ съ двухъ краевъ двумя малыми колоннами изъ бѣлаго мрамора; онѣ утверждены косвенно въ полъ и въ камень. Колонны этѣ, по мнѣнію Магометанъ, должны раздавить всякаго христіанина, дерзающаго ступить между ими; несмотря на то, мы спустились въ пещеру по осми или девяти ступенямъ, также изъ бѣлаго мрамора. Эта пещера, называемая Магометанами сходомъ въ подземное царство душъ, есть не что иное, какъ квадратная комната шаговъ въ восемь пространства и немного выше человѣческаго роста; она грубо оштукатурена, кромѣ потолка, образуемаго *камнемъ.* «Не думайте, сказалъ мнѣ Имамъ, чтобы стѣны поддерживали этотъ камень; нѣтъ, онъ держится самъ собою, а стѣны служатъ только для образованія пещеры.» Это объясняетъ столь извѣстную басню о камнѣ, держащемся на воздухѣ. При самомъ сходѣ, направо отъ крыльца, показываютъ магометане выдѣланныя въ скалѣ кресла Гаруна, или Аарона, брата Моисеева, и надъ ними впадину въ потолкѣ, сдѣланную головой Аарона, который по своему росту не помѣщался въ пещерѣ; тутъ также показываютъ мѣста Авраама, Давида, Саломона, Архангела Гавріила и Св. Іоанна.

« Внутри мечети также расточены кафельныя украшенія вмѣстѣ съ мраморомъ; на каѳедрахъ, онѣ представляютъ видъ драгоцѣнныхъ камней. Окна купола заключены въ огивахъ Арабскаго вкуса. Хотя Омаръ есть основатель этого изящнаго зданія, но оно было

совершенно перестроено Валидомъ, сыномъ Абд-эль-Малека, халифомъ изъ роду Оммайядовъ.

«Выйдя изъ южныхъ дверей эль-Сахары и спустясь по великолѣпному крыльцу съ платформы, мы направились къ находящемуся напротивъ большому зданію, выстроенному параллелограмомъ, съ куполомъ на оконечности. Это христіанскій храмъ, сооруженный Константиномъ или Еленою, а по инымъ преданіямъ, Юстиніаномъ, на томъ мѣстѣ Саломонова храма, гдѣ находилась Святая Святыхъ. Христіане называютъ это зданіе церковью Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы. Теперь оно омрачено полумѣсяцемъ и называется мечетью эль-Акса, или отдаленною, по ея дальности отъ другихъ странъ мусульманскихъ. Вступя въ это торжественное зданіе чрезъ крытый притворъ, я думалъ, что нахожусь въ церкви Св. Павла за стѣнами Рима. Храмъ этотъ построенъ крестомъ. Нижняя часть креста состоитъ изъ длинной галереи, которая имѣетъ по два ряда колоннъ съ каждой стороны. Всѣ колонны изъ разнаго мрамора; онѣ не уступаютъ красотою колоннамъ мечети Омаровой и конечно также принадлежатъ Іерусалиму временъ Спасителя. Онѣ поддерживаютъ ряды сводовъ, а потолокъ— плоскій. При концѣ галереи, колонны, слѣдуя рисунку креста, расходятся на двѣ стороны, и всѣ въ два ряда. Надъ головою креста возвышается куполъ. Тамъ, гдѣ долженъ быть алтарь, стоитъ теперь изъ рѣзнаго дерева мусульманская каѳедра, а за ея перегородкою видны въ крайней стѣнѣ два ниша. На помостѣ перваго ниша напечатлѣнъ на простомъ камнѣ слѣдъ одной стопы человѣческой, а на помостѣ вто-

рой — слѣдъ двухъ стопъ. Первая, одинокая, стопа есть слѣдъ Іисуса, перенесенный сюда съ вершины горы Элеонской, гдѣ остался другой отпечатокъ Божественной стопы. Другіе два слѣда оставлены на землѣ, какъ сказываютъ мусульмане, Пресвятою Дѣвою Маріею. »

По-Арабски мечеть Омара и мечеть Мекккская называются обѣ эль-Гарамъ, что положительно означаетъ храмъ, мѣсто, освященное особымъ пребываніемъ Божіимъ, куда возбраненъ входъ непосвященнымъ и невѣрнымъ. Не смотря на это строгое запрещеніе, каменьщиковъ и другихъ рабочихъ христіанъ допускаютъ во внутренность мечети, для нужныхъ передѣлокъ и поправокъ.

Исключая Г. Ламартина, всѣ путешественники изображаютъ внутренность Іерусалима чрезвычайно унылою. Послушаемъ расказъ шестидесятилѣтняго богомольца Д. Жерамба, который, въ 1832 году, мужественно пустился въ путь изъ монастыря Св. Урбина въ Швейцаріи. «Когда вы уже въ Іерусалимѣ, наружное величіе, поражающее изъ-дали, очарованіе, производимое величественнымъ видомъ куполовъ, мечетей, минаретовъ, господствующихъ надъ другими зданіями, все исчезаетъ. Іерусалимъ кажется тѣмъ, что онъ есть въ существенности, городомъ обломковъ и развалинъ. Его квадратные домы, вообще малые, низкіе съ плоскими крышами въ видѣ террасъ, на которыхъ иногда возвышается небольшая ротонда, болѣе похожи на груды камней, сгроможденныхъ для постройки жилищъ, нежели на самыя жилища, и производятъ самое грустное впечатлѣніе.» Шатобріанъ и Ми-

то совершенно согласны съ Д. Жерамбомъ касательно печальной наружности Іерусалима.

Для того, чтобъ хорошо судить о городѣ въ цѣломъ его объемѣ, должно, по единогласному отзыву путешественниковъ, сѣсть на господствующей надъ нимъ горѣ Элеонской. Она возвышается къ востоку отъ города и отдѣляется отъ него Іосафатовою долиной, гдѣ бѣжитъ потокъ Кедрскій или Кедронъ. Богомольцы непремѣнно посѣщаютъ эту гору, также гробницы Царей, находящіяся на сѣверъ, неподалеку отъ пещеры Іеремія; потомъ, обойдя городъ, останавливаются у гробницъ Авессалома, Іосафата и Захаріи въ долинѣ Іосафатовой.

Народонаселеніе Іерусалима, простирающееся до 30,000 душъ, состоитъ изъ мусульманъ, христіанъ и Іудеевъ. «Промышленость и торговля въ Іерусалимѣ, говоритъ Мишо, очень незначительна; ни въ городѣ, ни на скалахъ, ни на горахъ, окружающихъ его, никогда не было жатвъ. Каждый живетъ на счетъ своей вѣры. Нѣтъ ни одной секты на Востокѣ, которая не присылала бы подаяній въ Іерусалимъ; богомольцы Армянскіе и Греческіе доставляютъ туда значительныя суммы; дары и приношенія поддерживаютъ народонаселеніе христіанское и Еврейское; мусульмане пользуются всѣми сокровищами, присылаемыми благочестіемъ, и если каждая секта живетъ на счетъ своихъ единовѣрцевъ, то невѣрные живутъ и обогощаются на счетъ всѣхъ. Странно поражаетъ то обстоятельство, что мусульмане встрѣчаются съ христіанами и Евреями въ поклоненіи многимъ Святымъ Мѣстамъ.»

Евреи живутъ въ самой грязной части города; Палестинскіе Евреи, претерпѣвая нищету, посылаютъ каждый годъ дѣлать сборъ между единовѣрцевъ своихъ въ Египтѣ и Варварійскихъ владѣніяхъ.

Главная промышленность жителей Іерусалимскихъ состоитъ въ выдѣлываніи четокъ, моделей Святаго гроба и другихъ предметовъ благочестія, выложенныхъ перламутромъ.

Выполнивъ въ Іерусалимѣ духовныя обязанности, богомольцы идутъ вдоль береговъ Іордана. Они переходятъ чрезъ гору Элеонскую, подъ которой показываютъ мѣсто Геѳсиманскаго сада, гдѣ уединялся иногда Іисусъ Хрістосъ, гдѣ молился на канунѣ своего страданія, и гдѣ былъ преданъ Іудою Искаріотскимъ. Немного далѣе на Востокъ лежитъ небольшое селеніе Виѳанія, гдѣ, по мѣстнымъ преданіямъ, и теперь еще показываютъ домъ Марѳы, Маріи и брата ихъ Лазаря, гробницу послѣдняго и другіе предметы, о которыхъ упоминается въ Евангеліи.

Потомъ вступаютъ въ долину мрачную и глубокую, настоящій вертепъ разбойниковъ; тамъ происходило событіе, расказанное Хрістомъ Спасителемъ въ притчѣ о путникѣ, ограбленномъ и избитомъ разбойниками и получившемъ помощь отъ Самарянина. Тутъ горная дорога становится шире, иногда она вымощена; можетъ быть, это Римская дорога.

Въ оконечности долины, деревня Риха соотвѣтствуетъ Іерихону. Насупротивъ, по обоимъ берегамъ Іордана, обширная роща указываетъ на то мѣсто, гдѣ Израильтяне перешли эту рѣку. Богомольцы спѣшатъ туда купаться во время Пасхи; погружаютъ въ ней

свое платье, собираютъ тамъ вѣтви деревъ, и наполняютъ сосуды водою прославленной рѣки, чтобы унести ихъ домой, въ память своего путешествія.

Спускаясь къ югу, вы достигнете устья Іордана въ Мертвое Море; немного выше онъ крутобереженъ, и течетъ черезъ лѣсокъ бальзамныхъ и тамариндовыхъ деревъ. Шатобріанъ крайне удивился, увидѣвъ, что они ростутъ на совершенно безплодной почвѣ. Воды рѣки желтаго цвѣта, и теченіе ея по желтому же песку было бы вовсе незамѣтно, если бъ берега не были окружены ивами и камышами, куда Арабы прячутся для нападенія на путниковъ и богомольцевъ. Ре-Вильсонъ, видѣвшій Іорданъ въ февралѣ, сказываетъ, что рѣка была тогда очень полноводна и быстра, и что, отвѣдывая воду, онъ не нашелъ въ ней ничего непріятнаго.

Всѣ путешественники говорятъ, что видъ Мертваго Моря печаленъ до чрезвычайности; оно окраено къ сѣверу песчаными буграми, между которыми видны трещины, образовавшіяся въ тинѣ отъ зноя солнечныхъ лучей. Соленая кора, покрывающая прибрежіе, представляетъ родъ снѣжнаго поля, гдѣ мелькаютъ нѣсколько тощихъ кустарниковъ. На озерѣ царствуетъ страшная тишина; когда Ре-Вильсонъ прогуливался по низменности берега, усѣянной горячими камнями, ропотъ волнъ, гонимыхъ порывистымъ вѣтромъ, и сопровождаемыхъ проливнымъ дождемъ, былъ еще ужаснѣе пустынныхъ береговъ озера.

Въ этомъ уединеніи, Ре-Вильсонъ съ наслажденіемъ видѣлъ сокола, летавшаго надъ озеромъ, что̀ опровергаетъ предположеніе, будто тлетворныя испаренія,

возносящіяся отъ воды, препятствуютъ птицамъ летать надъ его поверхностью. Шатобріанъ слышалъ шумъ на озерѣ; Арабы сказали ему, что это цѣлые легіоны мелкихъ рыбокъ выпрыгиваютъ на берегъ; вотъ еще доводъ противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Мертвое Море не производитъ ни какого живаго существа. На берегу находятъ раковины; иногда озеро выбрасываетъ куски каменной смолы, твердой какъ желѣзо; изъ нея дѣлаютъ кресты, продаваемые въ Іерусалимѣ.

Всѣ, кто пыталъ купаться въ этомъ озерѣ, говорятъ, что вода его солонѣе морской и горечи нестерпимой. Люди, неумѣющіе плавать, носятся на поверхности его подобно пробкѣ; погрузивъ голову, чувствуешь несносную боль въ глазахъ, и когда выйдешь на берегъ, вода не испаряется изъ тѣла, но прилипаетъ къ нему какою-то жирною пленкой. Если войдешь въ озеро въ сапогахъ, то, едва обсохнувъ, они покрываются солью; одежда и руки, менѣе нежели въ три часа, напитываются этимъ минераломъ.

Мертвое Море, называемое также озеромъ Асфальтскимъ, по Арабски Бахръ-Людъ (море Лотово) имѣетъ двадцать три мили въ длину отъ сѣвера къ югу и не болѣе шести миль въ ширину. Кромѣ Іордана, въ него впадаютъ многіе потоки; оно сгибается дугой и сперто двумя цѣпями горъ, совершенно разнороднаго кряжа, которыя теряются потомъ въ цѣпяхъ къ югу. Въ восточныхъ горахъ естъ теплые минарельные источники.

На восточной его оконечности и притомъ по обоимъ берегамъ находились преступные города, истре-

бленные во времена Авраама страшнымъ землетрясенiемъ.

Здѣсь море съуживается, потомъ снова расширяется, такъ что въ этомъ мѣстѣ существуетъ родъ пролива, образуемаго возвышенностями съ двухъ противуположныхъ береговъ; ширина его простирается почти на милю. Г.г. Эрби и Менгльзъ, обозрѣвавшiе эту сторону, говорятъ, что берегъ усѣянъ раковинами, улитками и мертвою саранчей, совершенно окристализованными и безцвѣтными. Они замѣтили двухъ Египетскихъ гусей и стадо голубей, пролетавшихъ надъ озеромъ.

Подымаясь къ сѣверо-западу, путешественникъ достигаетъ города Хеврона, названнаго Арабами Эль-Калиль, то есть, Любимымъ. Тамъ показываютъ пещеры, гдѣ погребены Авраамъ и Сарра, также гробницы другихъ патрiарховъ.

По словамъ Вольнея, Хевронъ лежитъ при подошвѣ возвышенности, на которой разбросаны ничтожныя лачуги, безобразные остатки древняго замка. Окрестность на пять или на шесть миль образуетъ родъ овальной котловины, довольно прiятно усѣянной каменистыми холмами, купами сосенъ, недорослыми дубами, маслинами и виноградникомъ. Изъ винограда не дѣлаютъ вина, потому что всѣ жители ревностные мусульмане, даже не терпящiе у себя христiанъ, а приготовляютъ изъ него плохой изюмъ, хотя сортъ винограда прекрасный. Поселяне разводятъ хлопчатую бумагу; женщины прядутъ ее, и она сбывается въ Iерусалимѣ и Газѣ. Тамъ есть нѣсколько мыльныхъ заводовъ, для которыхъ соду

доставляютъ Бедуины, и очень древній стеклянный заводъ, единственный въ цѣлой Сиріи; тамъ выдѣлываютъ множество цвѣтныхъ колецъ, запястій для рукъ и для ногъ, и множество другихъ бездѣлокъ, отправляемыхъ даже въ Константинополь. Благодаря такой промышлености, Хевронъ первенствуетъ въ здѣшнихъ округахъ. Господа Эрби и Менглъзъ говорятъ, что окрестность хорошо обработана, и что надъ каждымъ виноградникомъ возвышается сторожевая башня; нѣкоторыя изъ этихъ зданій показались имъ древними. Направляясь къ сѣверу, увидите Текоа и Харіатунъ, гдѣ есть развалины, и наконецъ вступите въ Виѳлеемъ, прославленный рожденіемъ Христа Спасителя.

Этотъ городокъ лежитъ на пригоркѣ, въ странѣ, усѣянной холмами и долинами, которая могла бы быть очень пріятна. «Здѣшняя почва, говоритъ Вольней, лучше нежели гдѣ-нибудь по сосѣдству; тамъ много плодовъ, виноградниковъ, маслинъ и кунжута; но земля, какъ и въ другихъ мѣстахъ, мало обработана. Жители, отчасти христіане, дѣлаютъ бѣлое вино, оправдывающее славу, которою нѣкогда пользовались вина Іудейскія; только оно слишкомъ крѣпко.»

Монастырь Виѳлеемскій — совершенная крѣпость; стѣны его чрезвычайно толсты; онъ примыкаетъ къ церкви дворомъ, огражденнымъ высокими стѣнами. Безъ сомнѣнія, церковь очень древняя, и хотя часто была разоряема и часто перестроивалась, однако носитъ еще отпечатокъ Греческаго зодчества. Двѣ витыя лѣстницы, о пятнадцати ступеняхъ каждая, идутъ по обѣимъ сторонамъ алтаря и опускаются въ подземную церковь занимающую мѣсто хлѣва и яслей. Она изсѣчена въ

скалѣ; стѣны скалы облечены мраморомъ, помостъ вертепа также изъ драгоцѣннаго мрамора. Онъ освѣщается мерцаніемъ тридцати двухъ лампадъ, присланныхъ разными христіанскими государями. Въ углубленіи пещеры, съ восточной стороны, бѣлый мраморъ, выложенный яшмою, и окруженный серебрянымъ сіяніемъ, указываетъ латинскою надписью, изображенною кругомъ лучей, что здѣсь родился Христосъ Спаситель отъ Дѣвы Маріи.

Мраморный престолъ, прислоненный къ бокамъ скалы, возвышается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родился Мессія; онъ освѣщенъ тремя негасимыми лампадами. Нѣсколько ступеней въ низъ находятся ясли, а напротивъ нихъ престолъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла Марія, когда волхвы пришли на поклоненіе Сыну Ея.

Подземная церковь обогащена картинами Итальянской и Испанской школъ. Богомольцы также посѣщаютъ мѣсто погребенія младенцевъ, пещеру, гробъ Бл. Іеронима и другихъ Святыхъ.

Выѣхавъ изъ Виѳлеема по тѣсной и скользкой дорогѣ, идущей къ сѣверу, вы слѣдуете мимо горнаго селенія Рамы; по преданіямъ, могила Рахили находится на сосѣднемъ полѣ. Подаваясъ впередъ, увидите глубокій ровъ Кедрскаго потока, простирающійся къ Мертвому Морю. Этотъ изсякшій потокъ наполняется только по веснѣ красноватою и грязною водою; между-тѣмъ углубленіе его около трехъ сотъ пятидесяти футовъ; здѣсь, во рвѣ, построенъ монастырь Св. Саввы. Церковь стоитъ на небольшой возвышенности въ глубинѣ русла; оттуда строенія монастырскія возвышаются отвѣсными лѣстницами и ходами, пробиты-

ми въ скалѣ, на бока оврага и достигаютъ такимъ образомъ до вершины горы, гдѣ оканчиваются двумя четырехъ-угольными башнями. Съ этихъ башенъ видны безплодныя вершины Іудейскихъ горъ, а внизу глаза устремляются въ пересохшій оврагъ Кедрскаго потока, гдѣ еще видны пещеры первыхъ отшельниковъ.» Пальмовое дерево ростетъ въ стѣнѣ, на одной изъ площадокъ монастырскихъ. «Я увѣренъ, говоритъ Шатобріанъ, что всѣ путешественники обратятъ на него такое же вниманіе, какъ и я: надо быть окружену такой ужасною пустыней, чтобъ почувствовать всю цѣну клочка зелени.»

Къ югу отъ Виѳлеема, п тешественники посѣщаютъ три колодца, находящіеся одинъ надъ другимъ, и по преданіямъ приписываемые Саломону; говорятъ, что глубина ихъ весьма значительна; они въ хорошемъ состояніи и иногда наполняются водою. Самый высокій получаетъ воду изъ обильнаго ключа, который бьетъ въ скалѣ, при подошвѣ зубчатаго зáмка, относимаго также къ временамъ Саломоновымъ. Въ засуху, вода, продовольствующая Іерусалимъ, кромѣ его собственныхъ чистернъ, добывается изъ этихъ колодцевъ посредствомъ водопровода.

Въ долинѣ колодцевъ, глубокой и живописной, есть селеніе, гдѣ, по расказамъ тамошнихъ жителей, находились сады, служившіе мѣстомъ отдыха мудрому царю Еврейскому.

Къ западу отъ Хеврона, черезъ пять часовъ ходьбы, вы достигнете высотъ, которыя съ этой стороны образуютъ послѣднюю отрасль горъ Іудейскихъ. «Здѣсь, говоритъ Вольней, странникъ, утомленный

безплоднымъ краемъ, который онъ покидаетъ, радостно обращаетъ взоры на обширную и гладкую равнину, разстилающуюся передъ нимъ, то есть, на равнину, которая, подъ именемъ Фалестины или Палестины, окраяетъ здѣсь Сирійскую область.»

Имя Фалестины происходитъ отъ Филистимлянъ, обитавшихъ въ этомъ краѣ, задолго до прихода туда Евреевъ, бывшихъ съ ними въ продолжительной борьбѣ. Выше было сказано, что названіе это распространилось гораздо далѣе той небольшой области, которую оно первоначально означало.

Яфа причисляется къ ней же. Далѣе на югъ есть селенія, гдѣ живутъ Арабы, занимающіеся хлѣбопашествомъ. На холмѣ, неподалеку отъ Мазміэ, находятся значительныя развалины жилищъ и подземелій, подобныхъ тѣмъ, какія встрѣчаемъ въ укрѣпленіяхъ Среднихъ Вѣковъ.

Ябне (Іамнія) замѣчательна только курганомъ, какихъ здѣсь много, и единственнымъ ручьемъ, который не пересыхаетъ лѣтомъ въ цѣломъ округѣ. Между развалинами, встрѣчающимися далѣе, значительнѣе всѣхъ остатки Эдзуда (Азота), нѣкогда столь могущественнаго. Нынѣшнее мѣстечко извѣстно только скорпіонами.

Эль-Мадьябаль лежитъ въ безплодной равнинѣ и, вмѣсто стѣнъ, окруженъ пальмами и большими бабучниками. Всѣ изгороды состоятъ изъ высокихъ кошенильныхъ опунцій, такъ плотно переплетенныхъ, что эти живые палисады непроницаемѣе самой толстой стѣны. Тамъ крестоносцы одержали побѣду надъ Султаномъ Египетскимъ,

а въ наше время расположенъ былъ Французскій станъ. Въ Эль-Мадьябалѣ выпрядаютъ лучшую хлопчатую бумагу въ Палестинѣ; пряжа однако очень груба.

Направо стоитъ Аскалонъ. «Въ этомъ городѣ нѣтъ уже ни одного жителя, пишетъ графъ де-Форбенъ: онъ лежитъ на обширномъ косогорѣ, образующемъ полукругъ; покатость его съ сухаго пути почти незамѣтна; но крутизна весьма значительна надъ моремъ, составляющимъ хорду этой дуги. Валы, ворота, храмы, домы, все цѣло.» Недостаетъ только жителей; шакалы, собирающіеся стаями на площади, теперь одни обладаютъ Аскалономъ.

«Весь здѣшній берегъ съ каждымъ днемъ болѣе заносится пескомъ, до такой степени, что мѣста, гдѣ древле были пристани, лежатъ теперь на четыреста и пять сотъ шаговъ отъ моря.

«Примѣромъ тому, продолжаетъ Вольней, могла бы служить Газа. Газа, называемая Арабами Разé, состоитъ изъ трехъ селъ, изъ коихъ одно, слывущее зáмкомъ, лежитъ между двухъ другихъ на пригоркѣ посредственной вышины. Этотъ зáмокъ, можетъ-быть, крѣпкій въ свое время, теперь представляетъ только груду обломковъ. Серай аги, составляющій часть его, въ такомъ же упадкѣ, какъ Рамлинскій, но онъ имѣетъ ту выгоду, что предъ нимъ раскидывается обширная даль; отъ стѣнъ его взоръ объемлетъ и море, отдѣляемое отъ него полосою песчанаго берега въ четверть мили, и необозримыя поля, которыя своими пальмами и своимъ обнаженнымъ видомъ напоминаютъ пейзажи Египта...

«Положенiе Газы, дѣлая этотъ городъ удобнымъ путемъ сообщенiя между здѣшнимъ краемъ и Сирiею всегда доставляло ему нѣкоторую значительность. Бѣломраморныя развалины, иногда тамъ встрѣчающiяся, доказываютъ, что онъ былъ жилищемъ роскоши и богатства. Впрочемъ онъ и заслуживаетъ такое предпочтенiе. Тамошнiй черноземъ чрезвычайно плодороденъ; сады, орошаемые ручьями, безъ обработки доставляютъ отмѣнно вкусные плоды и пышные цвѣты.»

Этотъ маленькой городъ и теперь цвѣтетъ промышленостiю и торговлею. Проходъ кар995вановъ по прежнему служитъ для него источникомъ благоденствiя. Г. де-Форбенъ очень хвалитъ красоту окрестностей, «гдѣ пальмы, обремененныя вкусными плодами, доказываютъ, что природа какъ бы усугубляетъ свои усилiя на рубежѣ пустыни.»

«Французы овладѣли Газою, во время Египетскаго похода, послѣ довольно упорнаго сопротивленiя.... Арабы еще помнятъ Французовъ. Показывая намъ разныя позицiи нашихъ войскъ и мѣста, гдѣ кипѣли сильнѣйшiя битвы, они бросали на вѣтеръ пригоршни песку для изображенiя числа убитыхъ.»

«За Газою сплошь идетъ степь. Однако, прибавляетъ Вольней, судя по этому названiю, не должно полагать, что страна дѣлается вдругъ необитаемою; въ продолженiи цѣлаго дня, слѣдуя по морскому берегу, вы встрѣчаете еще мѣстами нивы и селенiя.»

ГЛАВА LXIX.

Аравія.

Степь, простирающуюся къ югу отъ Газы, Арабы называютъ Бараи-эль-Шамъ (степью Сирійскою). Вольней первый посѣтилъ и прекрасно описалъ ее, прибавляя, что она достойна подробнаго описанія, что и исполнено въ наше время. Зеэтценъ, Буркартъ, капитаны Эрби и Менглъзъ, Гг. Леонъ де-ла-Бордъ и Линанъ, обозрѣвали ее.

Во всей странѣ, лежащей къ югу отъ Раввабъ-Аммона, часто представляются развалины древнихъ городовъ, украшенныхъ храмами и колоннами. Керекъ, маленькой городокъ на востокъ отъ Мертваго Моря, выстроенъ на вершинѣ крутаго холма и окруженъ со всѣхъ сторонъ узкою и глубокою долиной. Отъ обильныхъ ключей идутъ источники, по берегамъ которыхъ сажаютъ овощи и оливковыя деревья. Христіане живутъ тамъ вмѣстѣ съ мусульманами.

Развалины видны въ разныхъ мѣстахъ; далѣе разстилается передъ вами долина Уади-Муза, гдѣ главное селеніе, Эльджи, лежитъ въ живописномъ мѣстоположеніи и окружено каменною стѣною. Слѣдуя къ западу по теченію ручья Эльджи, долина съуживается и тутъ начинается цѣпь великолѣпныхъ памятниковъ Петры. Прежде всего взорамъ представляется обширный некрополисъ: въ скатѣ горы, которая принимаетъ

видъ дебри, съ каждой стороны выкопаны на разныхъ высотахъ гробницы. Самыя замѣчательныя, встрѣчающіяся вдоль дороги, украшены колоннами, пилястрами, полными карнизами, портиками, изображеніями львовъ, пирамидами; нѣкоторыя изъ этихъ украшеній хорошаго стиля, въ иныхъ есть нѣчто фантастическое, остальныя посредственной работы. Надписей очень мало; онѣ начертаны древними Сирійскими буквами. Тамаринды, дикія смоквы, розовые лавры, каперсовое дерево обильно ростутъ вдоль дороги и затрудняютъ собою путь; въ иныхъ мѣстахъ два всадника едва могутъ проѣхать; на право и налѣво возвышаются скалы отъ четырехъ-сотъ до семисотъ футовъ вышиною.

Проѣхавъ такимъ путемъ почти двѣ мили, вы достигаете довольно открытой поляны и видите передъ собой фасадъ большаго храма, поражающій богатствомъ и превосходною отдѣлкой хотя и не чистымъ изяществомъ. Все это изсѣчено въ скалѣ; и даже самыя мелочныя украшенія, гдѣ не исказила ихъ рука человѣческая, доселѣ удивляютъ своимъ совершенствомъ.

Отъ площади, на которую выходитъ храмъ, ущеліемъ обставленнымъ гробницами, и оканчивающимся остатками театра, дойдете до того мѣста, гдѣ былъ городъ, опоясанный со всѣхъ сторонъ высокими и крутыми утесами, между которыхъ во всѣхъ направленіяхъ идутъ овраги.

Ребра горъ представляютъ безконечное разнообразіе гробницъ и жилищъ, пробитыхъ въ горномъ кряжѣ. Довольно ровный грунтъ усѣянъ громадными

обломками, между которыми возвышаются колонны и арки, кажется принадлежавшія дворцу; видны также остатки водопроводовъ.

Къ сѣверозападу отъ города, на вершинѣ горы Горъ, находится, если вѣрить народному преданію, могила Аарона, брата Моисеева.

По имени Петры, древніе называли эту страну Аравіею Петрейской. Нынѣ она составляетъ часть Геджаза. Петра была столицею Наваѳеянъ, пріобрѣтшихъ большое богатство торговлею.

Неджд, другая часть Аравіи, окруженная степями, возвышенная, гористая, лежитъ къ востоку отъ Геджаза. Нѣкоторыя изъ ея округовъ покрыты пастбищами, гдѣ водятся верблюды, превосходной породы. Черезъ Неджд протекаетъ большой ручей Афтанъ, впадающій въ заливъ Персидскій. Въ этой-то области началась въ осьмнадцатомъ столѣтіи секта Вахабитовъ. Она сдѣлала большіе успѣхи и угрожала Египту. Въ 1818 году сила ея уничтожена была сыномъ Мегметъ-Али, Ибрагимомъ. Онъ взялъ въ плѣнъ предводителя и овладѣлъ столицею его Дерайе. Этотъ городъ выстроенъ въ долинѣ очень узкой; домы каменные; воду достаютъ изъ колодцевъ. Неджд и Геджазъ соотвѣтствуютъ тому, что называется пустынною Аравіей.

На востокъ отъ Дерайе, страна именуется Зейдеръ до границъ области эль-Гасса. Послѣдняя простирается по южному берегу Персидскаго залива. Окрестность Гассы, столицы этого края, орошаемая Афтаномъ и знаменитая своими колодцами, такъ обильна водою, что Арабы разводятъ тамъ водяной

трилистникъ для корма лошадямъ. Гасса многолюдна и окружена стѣнами, съ башнями по угламъ.

Въ восточномъ направленіи лежитъ эль-Катифъ, укрѣпленный городъ при бухтѣ; онъ самый торговый на заливѣ, потому что въ сосѣдствѣ его, у острововъ Баграйнскихъ, производится богатѣйшая ловля жемчугу, и множество купцевъ посѣщаютъ городъ; но воздухъ въ немъ очень нездоровъ.

Изъ другихъ городовъ, лежащихъ на этомъ берегу, мало посѣщаемомъ Европейцами, можно упомянуть Расъ-эль-Кейму, въ округѣ Арабовъ—Джозми: на всемъ берегу нѣтъ лучшей пристани. Жители его были прежде отчаянные морскіе разбойники, грабившіе по всему заливу. Съ шестидесятью большими судами и съ осмью стами хорошо вооруженныхъ лодокъ они захватывали купеческія суда и даже нападали на военныя. Экспедиція, отправленная изъ Бомбея въ 1825 году, положила предѣлъ ихъ хищничеству и истребила ихъ морскія силы и корабельную верфь.

Беладъ-Серъ, при устьѣ потока, съ изрядною пристанью, также былъ притономъ морскихъ разбойниковъ. Разные округи эль-Гассы управляются независимыми шейхами.

Мысъ Мозендонъ, при входѣ въ Персидскій заливъ, находится на сѣверной границѣ восточно-Аравійской области Омана, которая передаетъ имя свое смежной съ нею части моря. Главный ея городъ — Маскатъ, описанный многими путешественниками. Онъ окруженъ садами и финиковыми деревьями. Пристань его обширна и безопасна, и входъ въ нее огражденъ крѣпостями. За стѣнами разстилается песчаная рав-

нина, окруженная со всѣхъ сторонъ каменистыми пропастями, между которыми едва можно пробраться въ тѣсныхъ ущельяхъ.

Маскатъ ведетъ очень важный торгъ съ Индіей, съ городами Персидскаго залива, Аравіи и береговъ Африканскихъ; и потому, рынокъ его всегда снабженъ всякаго рода товарами.

Оманъ, въ которомъ до 1,600,000 жителей, находится подъ державой имама Маскатскаго; этотъ владѣтель, союзникъ Англичанъ, обладаетъ подъ верховной властію шаха Персидскаго, морскимъ округомъ Кермана, также островами Кишмомъ и Ормузомъ: на Африканскомъ берегу ему принадлежитъ островъ Занзибаръ; онъ уступилъ Англичанамъ островъ Сокотору. Всегдашнее его мѣстопребываніе—Растакъ, на холмѣ, во внутреннемъ округѣ, неподалеку отъ Маската. Согаръ или Оманъ, къ сѣверу отъ этого города, съ хорошею пристанью и многими верфями.

Оманъ оканчивается на югѣ заливомъ Каріа-Мурійскимъ; тамъ начинается Гадрамаутъ; на берегу его много пристаней, между прочимъ, Дафаръ и Кешинъ. Внутренность частію гориста и перерѣзана плодоносными долинами; за округами, чрезвычайно безплодными, разстилается степь, ограничивающая этотъ край на сѣверѣ. Гадрамаутъ подвластенъ многимъ независимымъ шейхамъ. Онъ мало извѣстенъ и составляетъ съ Іеменомъ и частію Омана страну, называвшуюся въ древности Счастливою Аравіей.

Іеменъ, на западъ отъ Гадрамаута, занимаетъ всю югозападную часть Аравіи. Южные его берега омываются Оманскимъ моремъ; западные—Аравійскимъ за-

ливомъ или Чермнымъ моремъ. Нибуръ, посѣщавшій Іеменъ въ 1763 году, пишетъ: «кажется, сама природа раздѣлила Іеменъ на двѣ части. Прилегающая къ заливу и простирающаяся отъ Баб-эль-Мандеба на сѣверъ до Гаа—низка и называется Тегамою; другая, очень возвышенная надъ моремъ и называемая у Арабовъ Джебаиль (край гористый), лежитъ далѣе къ востоку. Тегама страна ровная, песчаная, безплодная, чрезвычайно жаркая; нѣтъ тамъ ни одной рѣки, въ которой бы вода сохранялась цѣлый годъ. Джебаиль перерѣзанъ множествомъ горныхъ хребтовъ, часто утесистыхъ; но есть между ними плодоносныя долины. Многія рѣки, образуемыя тамъ въ дождливое время, исчезаютъ въ засухи; тѣ, которыя наполняются столько, что могутъ выйдти изъ этой гористой страны, теряются въ Тегамѣ и очень немногія впадаютъ въ море.

Іеменъ раздѣленъ между разными правителями; могущественнѣйшій изъ нихъ имамъ Санскій.

Аденъ, при Оманскомъ Морѣ, главная пристань на южномъ берегу. Нѣкогда онъ былъ въ весьма цвѣтущемъ состояніи и велъ обширный торгъ съ Индіей. Нынѣ здѣсь добываютъ только немного кофею и камеди; но и теперь пристань довольно часто посѣщается. Многочисленныя развалины свидѣтельствуютъ о прежнемъ великолѣпіи Адена.

Въ семидесяти миляхъ къ западу открывается проливъ Баб-эль-Мандебъ, которымъ Индѣйскій Океанъ соединяется съ заливомъ Аравійскимъ; онъ лежитъ подъ 12° 48′ сѣверной широты, и имѣетъ около двѣнадцати миль въ ширину. Многіе острова, между прочимъ Перимскіе, дѣлаютъ плаваніе по немъ очень

опаснымъ. Имя его, означающее *дверь подвергающагося смерти*, выражаетъ впечатлѣніе, ощущаемое при видѣ обоихъ безплодныхъ береговъ его.

Проплывъ нѣсколько миль къ сѣверу по заливу, увидите передъ собою городъ Моку. «Съ моря, говоритъ лордъ Валеншіэ, видъ его очень красивъ: всѣ зданія бѣлыя, три мечети съ высокими минаретами; но когда подойдете къ молѣ, устроенной для удобствъ торговли, картина дѣлается еще красивѣе живописнымъ видомъ зубчатыхъ стѣнъ и высокой выдавшейся башни, предназначенной для обороны входа.» (Л. XLVI — 3). Но за воротами, очарованіе исчезаетъ; видны только грязныя, тѣсныя улицы и множество развалившихся домовъ.

Этотъ городъ, самый торговый въ Аравіи, есть главное складочное мѣсто для кофе, который здѣсь ростетъ. Многіе чужеземцы имѣютъ конторы въ Мокѣ; между торговцами много богатыхъ Баніановъ. Воды, годной для питья, мало; для богатыхъ привозятъ ее изъ мѣстечка Музы, въ осми миляхъ на востокъ, при входѣ въ гористый округъ. Предполагаютъ, что прежде онъ былъ омываемъ моремъ; но удаленъ отъ него наносомъ песковъ (Л. XLII—2).

Продолжая путь по большой дорогѣ, увидите значительный городъ Таасъ, у подошвы горъ Сабберскихъ, въ округѣ обильномъ пшеницею и плодами. Страна, отдѣляющая этотъ городъ отъ Саны, которая лежитъ отъ него на тридцать четыре мили къ сѣверу, гориста, населена и хорошо обработана. Нибуръ обозрѣвалъ ее; онъ и его спутники хорошо были приняты имамомъ. Этотъ владѣтельный князь давалъ имъ аудіен-

цію въ четыреугольной залѣ со сводами и открытымъ потолкомъ; посрединѣ водометъ билъ на 14 футовъ въ вышину.

Сана выстроена на обнаженной высотѣ, посреди плодоносной равнины, и при подошвѣ горы; въ ней много мечетей и прекрасныхъ дворцевъ; сады занимаютъ часть ея поверхности, опоясанной стѣнами. Вода проведена туда водопроводами съ окрестныхъ высотъ.

Нибуръ и его спутники отправились изъ Саны 26 іюля и прибыли 2 августа въ городокъ Бейтъ-эль-Факи, служащій рынкомъ для окрестныхъ земледѣльцовъ, привозящихъ туда кофей. Путешественники срисовали кофейныя плантаціи, находящіяся около селенія Булгока (Л. XLVII—4). Любопытство видѣть Европейцевъ привело въ жилище ихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыя всѣ были безъ покрывалъ.

Дорога, по направленію къ сѣверо-сѣверозападу, ведетъ въ довольно хорошую пристань, Годейду; тамъ производятъ торгъ кофеемъ, также какъ и въ Логейѣ, другой пристани, въ тринадцати миляхъ къ западу, самой сѣверной во владѣніяхъ имама. Имамъ, платитъ съ недавняго времени дань великому Султану; народонаселеніе въ земляхъ его простирается до 2,500,000 душъ, а доходы до 16 милліоновъ франковъ.

Джидда, пристань, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Логейи, находится въ области Геджазѣ, простирающейся къ сѣверу до великой степи Сирійской. Въ Джиддѣ роятся богомольцы мусульманскіе, приплывающіе моремъ для выполненія обязанностей благочестія. Имъ остается еще пройдти сухимъ путемъ двадцать двѣ мили къ востоку, чтобы достигнуть цѣли путешествія

своего, Мекки. Это обширный городъ, лежащій въ безплодной долинѣ, среди горъ. Иновѣрцамъ воспрещенъ входъ даже въ окрестности. Однакожъ особенныя обстоятельства не разъ доставляли Европейцамъ возможность проникнуть въ городъ, неприкосновенную святыню исламизма. Въ наше время Зеэтценъ, Бадіа и Буркартъ, переодѣвшись, посѣщали и описывали Мекку.

Большая мечеть, называемая Бетуллахъ (домъ Божій) или эль-Гарамъ (т. е. храмъ), замѣчательна только Каабою, которая въ ней заключается; потому что въ другихъ городахъ востока есть столь же большія и еще лучше украшенныя мечети. Кааба, получившая это наименованіе по своему четвероугольному виду, выстроена, по преданіямъ мусульманъ, самимъ Аврамомъ, съ помощію сына его Исмаила; она имѣетъ 34 фута въ вышину и 27 въ ширину. Единственная дверь, которою входятъ въ нее и которая отворяется два или три раза въ годъ, устроена на сѣверной сторонѣ; въ семи футахъ отъ грунта, къ ней ведетъ подвижная деревянная лѣстница. Дверь совершенно окована серебромъ и изукрашена золотомъ. Всякій вечеръ ставятъ на порогѣ маленькія зажженныя восковыя свѣчи и курильницы, наполненныя мускусомъ, алоемъ и другими благовоніями.

На сѣверовосточномъ углу Каабы, близъ двери, вдѣланъ знаменитый *черный камень*, поверхность котораго истерлась и вылощилась отъ прокосновенія и поцѣлуевъ многихъ тысячь поклонниковъ; онъ окруженъ широкимъ серебряннымъ листомъ. Къ западной сторонѣ Каабы, на два фута ниже ея вершины, при-

мыкаетъ *мизабъ* или жолобъ, по которому стекаетъ вода, падающая на крышу святаго зданія: говорятъ, что онъ изъ чистаго золота. Помостъ, окружающій Каабу, подъ мизабомъ, сдѣланъ изъ разноцвѣтныхъ камней, что составляетъ прелестную мозаику. Въ срединѣ большія плиты прекраснаго древняго змѣевика означаютъ мѣсто, гдѣ погребены Исмаилъ и Агарь, его мать. Богомольцы произносятъ обычную молитву и падаютъ дважды ницъ передъ этимъ памятникомъ.

Четыре стороны Каабы обвѣшены *кезуею*, или чахломъ изъ черной шелковой ткани, возобновляемой ежегодно и привозимой изъ Каира, гдѣ она выдѣлывается на счетъ Султана. Въ ней оставлено отверзтіе *для черннаго камня* и другое къ юговостоку для какого-то обыкновеннаго камня, къ которому мусульмане только что прикасаются. Много молитвъ выткано на *кезуѣ*, подъ одинъ цвѣтъ съ матеріей, отъ чего ихъ очень трудно читать. На двѣ трети всей вышины ея, на широкой полосѣ, вышиты золотомъ благочестивыя изрѣченія и символъ ислама: «Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ посланникъ Божій.» Часть кезуи, закрывающая дверь, богато вышита серебромъ.

Около Каабы, прекрасный мраморный помостъ окруженъ тридцатью двумя столбами, изъ позолоченной бронзы, которые связаны желѣзными прутьями; къ каждому изъ нихъ привѣшено по семи лампадъ, возжигаемыхъ каждый вечеръ по закатѣ солнца. За столбами видно зданіе, гдѣ находится колодезь Земзинъ. По преданію мусульманскому, онъ отысканъ былъ Агарью въ

пустынѣ въ то мгновеніе, когда, томясь жаждою, умиралъ сынъ ея Исмаилъ. Довольно правдоподобно, что Мекка этому источнику обязана существованіемъ своимъ; ибо на нѣсколько миль въ окрестности нѣтъ прѣсной воды. Богомольцы съ набожнымъ умиленіемъ пьютъ воду изъ Земзина и запасаются ею въ бутылкахъ. Около Каабы, разныя строенія назначены для жительства имамовъ, которые распоряжаются оттуда молитвою или хранятъ въ нихъ святыню, а не въ дальнемъ разстояніи находится мамбаръ, или каѳедра проповѣдника, съ подвижною лѣстницей.

Все это занимаетъ пространство въ двѣсти пятьдесятъ шаговъ длины и въ двѣсти ширины, и окружено колоннадою съ небольшими куполами. Нѣкоторыя изъ лампадъ, висящихъ подъ стрѣльчатыми арками, теплятся каждый вечеръ, а всѣ засвѣчиваются въ мѣсяцъ рамаданъ, когда приходятъ богомольцы (Л. XLVIII—1 и 2). Послушаемъ, что замѣтилъ Буркартъ въ этомъ храмѣ.

«При закатѣ солнца, правовѣрные во множествѣ стекаются на вечернюю молитву и составляютъ обширные круги, иногда до двадцати числомъ, около Каабы, какъ общаго средоточія, къ которому каждый направляетъ земные поклоны; ибо, по замѣчанію Магометанскихъ учителей, изъ всѣхъ мѣстъ нашего міра, въ Меккѣ только правовѣрный можетъ обращаться для молитвы ко всѣмъ сторонамъ небосклона. Имамъ становится у вратъ Каабы, и все собраніе подражаетъ его колѣнопреклоненію. И самый хладнокровный человѣкъ невольно ощущаетъ въ душѣ своей тайное чувство благоговѣнія при видѣ семи или осьми тысячь богомольцевъ, совокупно преклоняющихъ колѣно или повергающих-

ся ницъ передъ святынею, особенно когда представишь себѣ отдаленіе различныхъ странъ, откуда стеклись всѣ эти люди, и побужденіе, которое привело ихъ.»

Совершивъ многіе подвиги набожности въ стѣнахъ Мекки, богомольцы отправляются для жертвоприношенія на гору Арафатъ, находящуюся неподалеку, а потомъ въ Минскую долину. Бадіа и Буркартъ сами выполняли всѣ эти обряды, которые они подробно описали. Первый, путешествовавшій съ великолѣпіемъ вельможи, удостоился чрезвычайной чести выметать и окуривать Каабу, послѣ Меккскаго шерифа.

Главныя улицы Мекки довольно правильны; ихъ даже можно назвать красивыми благодаря милой наружности домовъ (Л. XLVIII — 3).

Путешествіе къ гробу Магомета въ Медину не вмѣняется въ обязанность, но почитается богоугоднымъ дѣломъ. Буркартъ совершилъ его съ небольшимъ караваномъ благочестивыхъ мусульманъ. Здѣсь дорога идетъ безплоднымъ краемъ, перерѣзаннымъ долинами, гдѣ есть колодцы и вспаханныя поля.

Медина, лежащая на опушкѣ большой степи близъ цѣпи горъ, пересѣкающихъ Аравію отъ сѣвера къ югу, построена въ самой низменной части равнины и окружена садами, финиковыми рощами и нивами.

Буркартъ говоритъ, что «послѣ Дамаска, Медина выстроена лучше всѣхъ городовъ, видѣнныхъ имъ на Востокѣ. Но она теперь въ совершенномъ упадкѣ. Въ ней особливо примѣчательна большая мечеть, называемая, подобно Меккской, эль-Гарамомъ, но много уступающая ей въ обширности. Гробница пророка,

поставленная близъ южнаго угла, обведена желѣзною рѣшеткой, окрашенною зеленымъ; она чрезвычайно изящно отдѣлана подъ филигранъ и перевита мѣдными надписями, которыя простой народъ почитаетъ за золотыя.

Чахолъ, такой же какъ въ Каабѣ, повѣшенъ между гробомъ и рѣшеткою. Абубекръ и Омаръ, два первые преемника Магометовы, погребены возлѣ него. Нѣкогда въ стѣнахъ этой мечети хранилось богатое сокровище; оно похищено Вахабитами.

Ямбо-эль-Баръ, въ сорока пяти миляхъ къ югозападу отъ Медины, есть пристань этого города; она довольно хороша, и въ ней могутъ стоятъ фрегаты, но скалы, къ сожалѣнію, затрудняютъ входъ. Ямбо-эль-Баръ ведетъ довольно обширный торгъ съ Египтомъ. Почти у всѣхъ зажиточныхъ жителей Ямбы есть загородные домы въ плодоносной долинѣ, въ семи Французскихъ миляхъ къ сѣверовостоку; но окрестности города вовсе безплодны. За солончатой полосой, прилежащей къ морю, песчаная степь тянется до самыхъ горъ,

Берегъ во всю длину свою такого же вида; онъ вездѣ обставленъ скалами. Нѣсколько къ сѣверу отъ 26° широты, открывается пристань Вушкъ или Ваджи, почитаемая Г-мъ Рюппелемъ важнѣйшею въ этомъ приморьѣ: всѣ суда, плывущія отъ Джидды къ сѣверу, приходятъ туда запастись прекрасною водою. На четыре мили къ востоку, внутрь берега, находится укрѣпленный замокъ, Калаатъ-эль-Вушкъ, гдѣ останавливаются на два дня сухопутные караваны богомольцевъ; въ это время приходятъ изъ окрестностей Арабы для продажи съѣстныхъ припасовъ. Далѣе къ сѣверу

есть другой притинъ богомольцевъ, Калаатъ-эль-Могила.

На нѣсколько миль къ сѣверозападу находится заливъ Бахръ-эль-Акаба, названный такъ по имени города, лежащаго на сѣверной его оконечности. Въ его небольшой пристани стекается часть богомольцевъ изъ Египта, Варваріи и Сиріи. Это тотъ Эзіонгаберъ, откуда Соломонъ отправлялъ флоты свои къ Офиру.

Берегъ, отъ Акабы до мыса Могаммедова, направляется къ югу. Коса, у полуденной оконечности полуострова, находящаяся между Бахръ-эль-Акабою и Бахръ-эль-Суэзомъ, низменна и песчана, но внутри края горы восходятъ до значительной высоты. Пристанъ Эль-Уишъ, въ окрестностяхъ, доставляетъ пріютъ судамъ Аравійскимъ ночью или при наступленіи бурной погоды (Л. XLVII — 1).

Многочисленные скалистые острова разсѣяны къ востоку и западу отъ мыса Могаммеда; тамъ нѣкоторые Арабы пасутъ стада свои.

Бахръ-эль-Акаба и Бахръ-эль-Суэзъ не что иное, какъ два рукава, образуемые заливомъ Аравійскимъ; первый къ востоку, второй къ западу. Послѣдній особенно посѣщается Европейцами. На восточномъ его берегу Торъ, теперь развалившаяся деревня; жители бѣжали отъ нестерпимыхъ утѣсненій, которыя причиняли имъ Аравійскія суда, наливающіяся тамъ водою. Эти бѣдняки — большею частію христіане; они удалились на нѣкоторое разстояніе внутрь страны.

Пристанъ Суэзъ, лежащая весьма близко къ сѣверной оконечности Аравійскаго залива, всѣхъ болѣе

посѣщается въ этомъ приморьѣ. Городъ не великъ, дурно выстроенъ и окруженъ плохою стѣной и нѣсколькими траншеями, оставшимися послѣ Французовъ. По положенію своему между Египтомъ и Аравіею, Суэзъ можетъ быть чрезвычайно важнымъ, когда посредствомъ переходовъ учредится прочно и надежно сообщеніе съ Индіей. Заливъ, насупротивъ Суэза, имѣетъ только полмилю ширины во время сильныхъ приливовъ, изъ чего и заключаютъ, что переходъ Евреевъ припертыхъ къ Чермному Морю ополченіемъ Фараоновымъ, совершенъ былъ въ этомъ мѣстѣ.

Высоты, которыя должно переѣзжать по выходѣ изъ Суэза, суть сѣверное протяженіе горъ полуострова, обхватываемаго двумя рукавами Чермнаго Моря. Высочайшія купы къ югу перерѣзаны глубокими долинами. Тутъ, по свидѣтельству Г. Рюппеля, «три горы возносятъ вершины свои надъ хребтомъ Джебель-Куадеже; средняя, которая была отъ насъ прямо къ югу, называется Джебель-Муза, или Синай; а обращенная къ западу есть Хоривъ, или гора Святой Екатерины. Проникнувъ съ сѣвера въ эту купу, мы вскорѣ поворотили на западъ и встрѣчали только бугристыя скалы гранита, лежащаго въ перпендикулярныхъ пластахъ. Чрезъ нѣсколько часовъ мы прибыли въ обитель Св. Екатерины. Кажется, высота ея надъ моремъ не болѣе 584 тоазовъ; что касается до Синая и Хорива, то пріемля въ соображеніе, что снѣгъ зимою выпадаетъ рѣдко, и то мѣстами, въ нижней части этихъ горъ, я не думаю, чтобы они достигали высоты 1,400 тоазовъ.»

Многіе путешественники посѣщали Преображенскій монастырь, называемый обителью Св. Екатерины. Онъ сооруженъ во времена Юстиніана и походитъ на крѣпостцу (Л. XLVIII — 4).

Когда Французы занимали Египетъ, та часть восточной стѣны, которая находилась въ упадкѣ, была возобновлена по приказанію генерала Клебера, нарочно отправленными для того работниками. Врата отворяются только для архіепископа, пребывающаго въ Каирѣ, а всѣ другія лица проникаютъ туда, садясь на палку, привязанную къ веревкѣ, которая встягивается воротомъ. Эта предосторожность внушена непрерывными набѣгами Бедуиновъ.

При обители есть садъ, который отдѣленъ отъ нея стѣною, и съ которымъ иноки сообщаются подземнымъ ходомъ. Для обороны отъ Бедуиновъ есть у нихъ двѣ маленькія пушки и нѣсколько ружей. Генникеръ говоритъ, что одна изъ этихъ пушекъ деревянная. Подлѣ церкви возносится мечеть съ минаретомъ, и служитъ хранительнымъ щитомъ обители, получившей права и преимущества свои отъ Магомета. Въ библіотекѣ не много книгъ драгоцѣнныхъ; все, что было поважнѣе, недавно перевезено въ Египетъ. Братія состоитъ человѣкъ изъ тридцати отшельниковъ.

Синай лежитъ на югъ отъ обители. На вершины ея всходили по ступенямъ, изсѣченнымъ въ скалѣ; но онѣ всѣ истерлись и негодны къ употребленію. На нѣкоторыхъ разстояніяхъ отдыхаютъ у небольшихъ часовень, посвященныхъ великимъ воспоминаніямъ ис-

торіи Еврейской. На вершинѣ стоитъ церковь въ развалинахъ, а нѣсколько ниже мечеть. Близъ самой церкви показываютъ впадину въ скалѣ, гдѣ, какъ полагаютъ, укрылся Моисей, когда Предвѣчный предсталъ ему въ полномъ сіяніи славы своей. Говорятъ, что часовня, прилежащая къ церкви, построена тамъ, гдѣ Господь явился Моисею въ купинѣ горящей.

Евреи, христіане и магометане единодушно благоговѣютъ къ горѣ Синайской, освященной присутствіемъ Бога, когда Онъ далъ десятословіе Моисею. Нѣкогда стекалось туда множество богомольцевъ; но давно уже число ихъ уменьшилось. Церкви и часовни сооружены были въ различныхъ мѣстахъ ближнихъ горъ, частію подлѣ монастырей обширныхъ. Но теперь они оставлены, и въ нѣкоторыхъ укрываются иногда Бедуины.

Путешественники часто разсказывали о буквахъ, начертанныхъ на скалахъ пустыни; но и теперь еще не открыли, какому принадлежатъ онѣ языку, хотя снимки съ нихъ и находятся въ разныхъ описаніяхъ. Къ буквамъ присоединяются иногда грубые очерки животныхъ.

Между достопамятностями Синайскаго полуострова, не должно забывать Джебель-Накуза, то есть, колокольной горы, названной такъ потому, что тамъ въ извѣстное время слышенъ подземный шумъ. Рюппель посѣтилъ эту гору, лежащую въ трехъ миляхъ съ половиною на сѣверозападъ отъ Тора и не подалеку отъ моря. Онъ удостовѣрился, что шумъ происходитъ отъ па-

денія огромныхъ грудъ песку, наносимыхъ и разрушаемыхъ вѣтромъ, или какою-нибудь случайною причиной, и что этотъ шумъ, распространяясь изъ нѣдръ горы въ нижнія полости подземельевъ, могъ подвергаться разнымъ звукоизмѣненіямъ, ощутительнымъ для слуха и принятымъ Бедуинами за звонъ колокола.

Дороги, черезъ горы Синайскаго полуострова, ужасно извилисты и узки. Источники прѣсной воды тамъ не рѣдки, но переходъ все труденъ; ибо племена Аравійскія, обитающія въ этой странѣ, питая взаимную вражду, подвергаютъ путешественниковъ большимъ опасностямъ.

Аравія, лежащая между 12°40′ и 34°7′ сѣверной широты и между 30°15′ и 57°30′ восточной долготы, простирается на шесть сотъ миль въ длину и на пять сотъ въ ширину. Поверхность ея полагаютъ до 80,000 квадратныхъ миль, а населеніе до 12,000,000, число весьма не соразмѣрное съ ея пространствомъ; но болѣе двухъ третей этой страны занимаютъ степи.

По природному свойству края, жители дѣлятся на два разряда: Арабовъ осѣдлыхъ, занимающихся земледѣліемъ, и Арабовъ кочевыхъ или Скенитовъ, издревле получившихъ это названіе отъ того, ч они живутъ подъ шатрами и странствуютъ въ сопровожденіи своихъ стадъ. Послѣдніе именуются Бедуинами.

Они особенно привлекали вниманіе путешественниковъ: Буркартъ, долго жившій между ними, всѣхъ лучше описалъ ихъ. Онъ прекрасно говорилъ на языкѣ ихъ и принялъ ихъ нравы; они уважали его и велича-

ли шейхомъ Ибрагимомъ. Бедуины живутъ отъ праваго или западнаго берега Эвфрата и даже за Ниломъ въ Африкѣ, можно сказать, и до береговъ Атлантическаго Океана, ибо множество Арабовъ въ этомъ неизмѣримомъ краѣ ведутъ кочевую жизнь.

Арабъ статенъ, средняго роста, худощавъ, и какъ будто изсушенъ зноемъ, ловокъ и проворенъ; лице у него изчерна-смуглое; глаза и волосы совершенно черные; борода густая. Онъ живъ, горячь, страстенъ и порывистъ; легко вспыхнетъ онъ, легко и укротится; онъ откровененъ, привѣтливъ, гостепріименъ; но мстителенъ, ревнивъ, хитръ, тщеславенъ и суевѣренъ. При всей своей важности, онъ охотно участвуетъ въ веселыхъ сходбищахъ. Умъ его проницателенъ; онъ страстно любитъ свободу. Женщины пригожи и прекрасно сложены.

Умѣренность Арабовъ въ пищѣ удивительна: лепешка изъ пшеницы или проса, испеченная на верблюжьемъ молокѣ, на маслѣ или на жирѣ, ихъ обыкновенное яство; къ этому прибавляютъ они пилавъ, молоко, масло, чрезвычайно ими любимое, сливки, овощи; вода обыкновенный ихъ напитокъ, а послѣ ѣды кофей. Однако же, когда удастся имъ достать вина или водки, они пьютъ ихъ украдкою. Они всѣ вообще курятъ табакъ, который у бѣдныхъ часто замѣняется конопляными листьями.

Осѣдлые Арабы повинуются владѣльцамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ поселяются. Бедуины гордятся независимостію и тѣмъ, что признаютъ одну только власть вождей, которыхъ сами выберутъ изъ среды своей.

Они все тѣ же, какими были и при патрiархахъ Еврейскихъ; и потому представляютъ живую картину быта древнихъ Евреевъ и сосѣдей ихъ.

Каждое колѣно имѣетъ главнаго своего шейха, и каждый станъ своего особеннаго шейха или какого-нибудь человѣка почетнаго. Однакожъ у этого шейха нѣтъ ни какой власти существенной, и, не взирая на влiянiе, прiобрѣтаемое личными его качествами, повелѣнiя его были бъ презрѣны; но къ совѣтамъ его питаютъ уваженiе, если онъ доказалъ искусство въ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ.

Шейхъ, безъ совѣщанiя съ людьми своего колѣна, не можетъ ни объявить войны, ни заключить мира, ни даже снять стана. Онъ не только не получаетъ ни какого годичнаго дохода отъ мѣста, имъ занимаемаго; но оно еще обязываетъ его къ издержкамъ на угощенiя чужестранцевъ и вспоможенiе бѣднымъ. Онъ удовлетворяетъ этимъ потребностямъ податью съ селенiй, которымъ покровительствуетъ и съ богомольствующихъ каравановъ.

По смерти шейха, ему наслѣдуетъ или одинъ изъ его сыновей, или братъ его, или родственникъ, отличившiйся храбростью или щедростью; но это бываетъ тогда, когда другой членъ колѣна не обладаетъ этими качествами въ высшей степени и не привлечетъ на свою сторону большинства голосовъ. Въ такомъ случаѣ нерѣдко вспыхиваютъ раздоры. Иногда шейхъ смѣняется, и мѣсто его занимаетъ тотъ, кто щедрѣе.

Въ дѣлахъ спорныхъ, шейхъ не имѣетъ права изрекать приговора. У нѣкоторыхъ колѣнъ властъ су-

дебная ввѣрена кадіямъ; судопроизводство требуетъ большихъ издержекъ. Всѣ преступленія наказываются пенями; каждый Арабъ знаетъ, какая за что положена вира; боязнь подвергнуться ей поддерживаетъ въ колѣнѣ порядокъ и безмятежіе.

Въ случаѣ убійства, даже и въ военное время, право возмездія выполняется во всей силѣ; за убійство казнь падаетъ на убійцу или на его родственниковъ; но едва получится удовлетвореніе, жаръ мести между двухъ семей немедленно угасаетъ. Страшный законъ: кровь за кровь, въ самой закоснѣлой враждѣ почти всегда отклоняетъ отъ смертоубійства. Зависитъ отъ близкихъ родственниковъ убитаго, принять за него цѣну, опредѣленную у нѣкоторыхъ колѣнъ древними законами.

Должно признаться, что, безъ этого закона возмездія, большая часть племенъ Бедуинскихъ давно бы была уничтожена; ибо между ними кипитъ война почти непрерывная. Но вспышки военныя у нихъ не долговременны; миръ легко заключается — и нарушается подъ ничтожнѣйшимъ предлогомъ. Сраженія бываютъ рѣдко; подстеречь непріятеля нечаяннымъ нападеніемъ и ограбить станъ—вотъ главная цѣль сопротивниковъ. Поэтому распри некровопролитны; захваченная добыча раздѣляется въ силу предварительнаго условія. Прежде битвы прекращались на извѣстные мѣсяцы; теперь Бедуины ополчаются на непріятелей своихъ даже и въ священный мѣсяцъ рамаданъ; однако нѣкоторыя колѣна прекращаютъ войну въ шестой и шестнадцатый день и въ ночь на каждое двадцатое число текущаго мѣсяца.

Войны между черными Бедуинами жесточе, нежели между степными, можетъ-быть, отъ того, что рѣже вспыхиваютъ. Тутъ случается, что одно колѣно убиваетъ всѣхъ людей, захваченныхъ у колѣна враждебнаго. Такъ же поступаютъ и сопротивники ихъ при своихъ удачахъ. Этотъ обычай существуетъ еще между Арабами полуденной Сиріи, Синайскими и Чермноморскими. Воинъ подвергся бы порицанію, если бъ не послѣдовалъ общему обычаю и внялъ воплю человѣчества, когда товарищи предположили валовое убійство.

«Я думаю, прибавляетъ Буркартъ, что жестокое избіеніе плѣнныхъ царей, то есть шейховъ Бедуинскихъ, Израильтянами, происходило вслѣдствіе этого обычая, который имѣлъ еще бо́льшую силу въ отдаленныя времена, и предводители могли настаивать о строгомъ выполненіи такого закона, опасаясь, что если пренебрегутъ его, то произойдетъ ослабленіе воинственнаго духа въ колѣнѣ и оно лишится уваженія сосѣдей. Даже и теперь Бедуины подверглись бы строгому порицанію, пощадивши жизнь людей, принадлежащихъ къ колѣну, которое само поступало безпощадно.»

Обыкновеннѣйшее оружіе Бедуиновъ копье. У нихъ есть также дротикъ, сабля, кривой ножъ и палица; иногда сверхъ того щитъ, латы, шлемъ. У нѣкоторыхъ колѣнъ въ употребленіи и ружья; весьма немногіе владѣютъ пистолетомъ. Пастухи, стерегущіе стада въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стана, вооружены копьями и пращами, которыми дѣйствуютъ

очень ловко; лошадей покрываютъ попоною изъ крѣпкаго картона, выдѣлываемаго въ Алепѣ, и предохраняющаго ихъ отъ ранъ.

У Бедуина обыкновенно одна жена; примѣры супружеской измѣны рѣдки. Онъ ревнивъ, однако не запрещаетъ женѣ разговаривать и смѣяться съ иноземцами. Рѣдко бьетъ ее, и если дойдетъ до такой крайности, то она съ воплемъ кличетъ на помощь своего *уази* или покровителя. Тотъ бѣжитъ на ея крикъ, укрощаетъ и уговариваетъ мужа. Впрочемъ тамъ жены, какъ и у всѣхъ необразованныхъ народовъ стоятъ на чредѣ служанокъ. Онѣ за всѣмъ присматриваютъ въ шатрѣ и даже должны ходить за водою, иногда очень далеко, и приносить ее въ бурдюкѣ на плечахъ. Дѣвушки стерегутъ стада, когда эта обязанность не выполняется рабами или слугами. Впрочемъ женщины въ почтенiи; днемъ ли, ночью ли разграбляютъ лагерь, но честь ихъ неприкосновенна, хотя онѣ и бываютъ принуждены снять съ себя всѣ украшенiя и наряды и отдать ихъ грабителямъ.

У нѣкоторыхъ колѣнъ разводъ бываетъ часто и за бездѣлицы. Женщины вправѣ его требовать, отъ того и слабѣютъ семейныя узы. Однако Бедуины чрезвычайно почитаютъ родителей своихъ, но болѣе изъявляютъ привязанности къ матери, нежели къ отцу, что̀ и подаетъ иногда поводъ къ раздорамъ во внутренности шатра и даже къ изгнанiю сына.

Почти каждый сильный вождь Бедуинскiй добываетъ ежегодно въ рабство до шести Негровъ и Негритянокъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ отпускаетъ ихъ

на волю, соединяетъ бракомъ съ другими невольниками или потомками тѣхъ, которые водворились въ колѣнѣ. Отпущенники не могутъ жениться на бѣлой дѣвушкѣ; а Арабъ никогда не женится на Негритянкѣ. Но мастеровые, живущіе въ колѣнѣ, отнюдь не стыдятся вступать въ бракъ съ Негритянками.

У богатыхъ Бедуиновъ иногда бываетъ прислуга изъ соотечественниковъ. Съ ними обходятся радушно, и невольники рѣдко подвергаются побоямъ, потому что излишняя строгость заставила бы ихъ бѣжать.

Гость почитается лицемъ священнымъ. Иноземецъ, имѣющій покровителя въ одномъ колѣнѣ, становится другомъ всѣхъ дружественныхъ съ нимъ колѣнъ, но въ то же время враги ихъ становятся и его врагами. Съ полною безопасностію можетъ онъ довѣрять хозяину своему и жизнь, и имущество; сказать Бедуину, что онъ пренебрегаетъ гостя или грубо съ нимъ обходится, это одна изъ жесточайшихъ обидъ.

Въ шатрѣ своемъ Бедуинъ беззаботенъ и лѣнивъ. Онъ занятъ только вечеромъ покормкою коня и доеніемъ верблюдицъ, а иногда забавляется соколиною охотою. Предавшись праздной нѣгѣ, сидя предъ шатромъ, онъ убиваетъ время, не выпуская изъ рукъ трубки. Замѣтивъ по необычайной суетѣ женщинъ, что иноземецъ прибылъ въ станъ, онъ бѣжитъ къ тому шатру, привѣтствуетъ путника и ждетъ приглашенія къ обѣду и на чашку кофе.

Въ мирныхъ округахъ Бедуины часто по цѣлому году стоятъ таборомъ на одномъ мѣстѣ, занимая всего

два или три шатра въ дальнемъ разстояніи отъ всѣхъ своихъ единоземцовъ. Въ равнинѣ, гдѣ мало воды, они живутъ лѣтомъ близъ колодцевъ, гдѣ остаются по цѣлымъ мѣсяцамъ. Между тѣмъ, стада ихъ пасутся въ окрестностяхъ за нѣсколько миль, подъ надзоромъ невольниковъ или пастуховъ, которые каждые три дня приводятъ ихъ на водопой къ колодцамъ. Въ этихъ-то случаяхъ, одно колѣно нападаетъ на другое, предполагая, что легко будетъ поразить внезапнымъ набѣгомъ. Если въ таборѣ опасаются подобнаго нападенія, то безпрерывно караулятъ стада, чтобы непріятель не угналъ ихъ. Племя, подвергающееся этимъ внезапнымъ нападеніямъ, держитъ предъ шатрами своими осѣдланныхъ верблюдовъ, чтобы подать скорѣйшую помощь своимъ пастухамъ.

Не взирая на привычную лѣнь, нѣкоторые Бедуины трудолюбивы; особенно тѣ, которые занимаются перевозомъ товаровъ. Они почти въ непрестанномъ движеніи и за наемъ верблюдовъ и лошадей получаютъ важную прибыль. Они добываютъ также много денегъ, нанимаясь въ проводники и курьеры. Другіе дубятъ кожу, выдѣлываютъ бурдюки, кисы и плащи; женщины сшиваютъ бурдюки. Въ Геджазѣ, онѣ вышиваютъ красивые недоуздки для верблюдовъ, на которыхъ разъѣзжаютъ мужья ихъ. Въ рукахъ мужчины часто видишь пряслицу. Презирая всѣ другія домашнія занятія, они не почитаютъ одного этого предосудительнымъ для своего мужества.

Тѣхъ только изъ Бедуиновъ можно почесть богатыми, которыхъ стада пасутся въ долинахъ, наводненныхъ зимними дождями. Бѣдныя же колѣна жи-

вутъ въ гористыхъ округахъ, гдѣ верблюды находятъ скудную пищу. Съ трудомъ выработываетъ насущный хлѣбъ Бедуинъ горы Синайской возкою на верблюдахъ уголья въ Каиръ. На бездѣльную за то выручку онъ покупаетъ для семьи пшеницу, немного табаку для себя, пару башмаковъ и платокъ для хозяйки.

Изъ стадохозяевъ, того только почитаютъ богатымъ, у кого, по-крайней-мѣрѣ, сто верблюдовъ. У нѣкоторыхъ семействъ, особенно у шейховъ, водится только этотъ скотъ, и если пріѣдутъ гости, для которыхъ надо зарѣзать ягненка, за нимъ посылаютъ въ другой шатеръ.

Но и въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, не имѣя ни верблюда, ни барана, Бедуинъ сохраняетъ столько гордости, что никогда не изъявитъ неудовольствія, никогда не пожалуется. Онъ ни за что не станетъ вымаливать помощи: онъ всячески старается или ѣздою на верблюдахъ, или паствою стадъ, или наконецъ воровствомъ наверстать потерянное. Твердое упованіе на благость Божію, безпредѣльная покорность святой волѣ Провидѣнія, глубоко напечатлѣны въ умѣ его; но это самоотверженіе не оковываетъ его подобно Туркамъ.

Съ примѣрною и удивительною твердостію духа, Бедуинъ переноситъ всѣ злоключенія. Главное желаніе Бедуина-бѣдняка разбогатѣть, чтобы имѣть возможность приготовить гостю ягненка, и чтобы, по-крайней-мѣрѣ, совмѣстничать въ гостепріимствѣ съ своими родичами, если уже нельзя превзойти ихъ.

Успѣвъ въ этомъ, Бедуинъ захочетъ добыть хорошаго коня или дромадера и нарядную одежду для жены. Достигнувъ цѣли своихъ желаній, онъ старается только сохранить славу мужественной отваги и радушнаго гостепріимства.

Грустно бѣдному Бедуину, когда не можетъ онъ угостить путника такъ, какъ бы желалъ. И тогда только съ уныніемъ смотритъ онъ на сосѣдей, щедро надѣленныхъ дарами счастія; онъ страшится насмѣшекъ и друзей, и враговъ своихъ, почитающихъ его неспособнымъ съ почестію принять чужеземца, а напротивъ, удастся ему выказать все свое гостепріимство, тогда онъ почитаетъ себя равнымъ шейху богатѣйшему.

Бедуинъ не только дорожитъ честію своего колѣна, но думаетъ, что и выгоды другихъ колѣнъ болѣе или менѣе сопряжены съ выгодами его племени; всѣ они оживлены единодушіемъ, дѣлающимъ большую честь народному характеру. Успѣхи Мегметъ Али надъ Вахабитами были чрезвычайно важны для Бедуиновъ по ненависти ихъ къ игу новыхъ раскольниковъ, отъ котораго они освободились во всѣхъ тѣхъ округахъ, гдѣ было можно; не смотря на то, побѣды Египтянъ возбудили общую скорбь въ степи, ибо ихъ почитали предосудительными для чести народа и опасными для его независимости. По тому же поводу, Бедуины скорбятъ о потеряхъ, причиненныхъ которому нибудь изъ ихъ колѣнъ набѣгами поселенцевъ или чужеземныхъ войскъ, хотя бы сами были въ ссорѣ съ этими колѣнами. Но вся жизнь Бедуина, такъ сказать, сосредо-

точена въ пламенномъ желаніи, чтобы собственное его колѣно процвѣтало на чредѣ могущества и славы, а потому онъ готовъ всѣмъ жертвовать для его благосостоянія: чувство это рѣдко проявляется въ такой силѣ у другихъ народовъ. Съ восторженною гордостью врожденной любви къ отечеству, которая не уступитъ патріотизму знаменитѣйшихъ народовъ древняго міра, хватаетъ Анезей копье и потрясая имъ надъ головой, восклицаетъ: «Я Анезей!» Такъ поступаютъ и всѣ другія колѣна.

Кромѣ Аравіи, Арабы живутъ и во многихъ другихъ странахъ. Мы видѣли, что они разсѣяны въ Малой Азіи, въ Месопотаміи, въ Сиріи, въ Палестинѣ. Нѣкоторыя изъ ихъ племенъ находятся въ Персіи и на берегахъ Индіи; наконецъ въ Африкѣ, вдоль береговъ Средиземнаго моря и нѣкоторой части Океана Атлантическаго; также и на берегахъ, омываемыхъ моремъ Индѣйскимъ и заливомъ Аравійскимъ, большая часть народонаселенія состоитъ изъ Арабовъ.

Языкъ этого народа вездѣ одинакій, съ нѣкоторыми измѣненіями нарѣчій. Этотъ языкъ, одинъ изъ древнѣйшихъ на землѣ, рано былъ обработанъ, и словесность его чрезвычайно богата. Времена Магомета почитаютъ блистательнѣйшей ея эпохою; Арабы не только оставили намъ произведенія, и теперь еще возбуждающія удивленіе, но сверхъ-того занимались и переводами съ языковъ иностранныхъ. Языкъ ихъ сохранилъ чистоту свою, пройдя сквозь цѣлый рядъ столѣтій, и чтеніе книгъ законодателя исламизма и теперь еще не затрудняетъ Арабовъ.

Въ видѣ языка ученаго и богослужебнаго, языкъ Арабскій простирается повсюду, гдѣ владычествуетъ исламъ: отъ острововъ Молуккскихъ до Константинополя, отъ береговъ Океана Атлантическаго и Индѣйскаго моря, до Сибири и Европейской Россіи. Въ Испаніи оставилъ онъ примѣтные слѣды говорившаго имъ народа. Буквы въ письмѣ располагаются справа налѣво. Персіяне и Турки употребляютъ ихъ съ нѣкоторымъ пополненіемъ, для выраженія звуковъ, чуждыхъ Арабскому. Языкъ этотъ принятъ еще Малайцами, Неграми и другими народами, вовсе неимѣвшими буквъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТАГО ТОМА.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
18	24	Нехачевана	Нахичевана
26	7 и 8	для	у
«	14	Тальшинскаго	Талышинскаго
35	9	обтасть	область
39	5	предмѣстіе	предмѣстія
42	5	Если	Хотя
«	6	властиленя и голосъ его,	властителя, однако жъ голосъ его
«	17	считать его	считать
47	14	льдами	льдами;
51	11	видно	видны
52	2	Патара-Ляхви	рѣчка Патара-Ляхви
55	21	гласной-то	гласной — то
100	28	острова Принцевъ,	острова Принцевъ, или Княжескіе.
107	2	своего	своего,
116	1	достать	собрать
117	1	онъ	городъ
118	18	Моснуэстъ	Мопсуэстъ
134	1	лавное	главное
183	6	срытыти	срытыми
199	1	отличаясь	рознясь
200	7	грубаго	и грубаго
101	18 и 19	порядочная торговля	порядочный торгъ
205	21	въ Яффу (Gорре)	въ Яффѣ (Jорре)
208	20	жилща	жилища
209	10	силою	силою,
210	17	идущій идетъ отъ	идущій отъ
236	28	минарельные	минеральные
252	2	восплещенъ	воспрещенъ
265	1	черными	горными

123, 200, 207, 217, ЛВ и 218,
(мекеть въ мешке)
222, 226, 252, 271, 272,

2014334395